

75-2
1663
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

В. Р. КАБО

ТАСМАНИЙЦЫ И ТАСМАНИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

902.7
К 12

Работа посвящена исследованию происхождения коренного населения Тасмании, вымершего к началу XX в. Раскрывается этногенез тасманийцев, особенности их общественного строя, материальной и духовной культуры.

К $\frac{10602-33}{013(02)-75}$ 113-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

Войди со мной — пуста сия обитель,
Сего жилища одичали боги,
Давно остыл алтарь их — и без смены
На страже здесь молчанье.

Ф. Тютчев

ВВЕДЕНИЕ

Тасманийцы — коренное население острова, лежащего к юго-востоку от Австралии, — составляют одну из самых увлекательных и в то же время трудных загадок исторической науки. Трагично сложилась судьба этого маленького народа, стертая с лица земли английскими колонизаторами еще в прошлом столетии. Он исчез раньше, чем исследователи начали глубоко и серьезно его изучать. Наука XIX — начала XX в. рассматривала тасманийцев как своего рода живых ископаемых, представителей палеолитической стадии развития, даже не позднепалеолитической, а среднепалеолитической, мустьерской [257, 141—152; 235]*. Наряду с австралийцами и андаманцами-минкопи, семангами и сеноями Малакки, ведда Цейлона и аэта Филиппин, кубу Суматры и тоала Сулавеси, бушменами и пигмеями Африки, ботокудами Бразилии, калифорнийскими индейцами и другими народами — охотниками и собирателями — тасманийцы вошли в общие труды по истории культуры как типичные представители той стадии развития, которая была характерна для человечества в эпоху палеолита, до возникновения земледелия. По ним, следовательно, можно судить о культуре и общественных отношениях в эпоху каменного ве-

* Здесь и далее первая цифра в квадратных скобках обозначает номер, под которым в списке литературы помещена та или иная работа, вторая цифра — страницу. Если в скобках указывается несколько работ, они разделяются точкой с запятой.

ка, но по сравнению с народами, изучаемыми археологией, их преимущество с точки зрения науки состоит в том, что сохранились не только немые вещественные памятники их культуры, но и этнографические сведения о них. Утверждали даже, что тасманийцы находились на более низкой ступени развития, чем их соседи — австралийцы и другие перечисленные выше народы; представление о тасманийцах как о самом первобытном народе мира сохраняется и в наши дни [7]. Все еще широко распространено возникшее в прошлом веке мнение о якобы застойном, неподвижном характере тасманийской культуры, о неспособности тасманийцев к развитию.

Итак, тасманийскую проблему можно сформулировать так: являлись ли тасманийцы и в самом деле таким первобытным народом, каким их считает научная традиция? Каково их место на шкале развития культуры и общества? Что дает их изучение для истории общественного и культурного развития человечества?

Но у этой проблемы есть и другая сторона, другой комплекс еще не решенных вопросов — происхождение тасманийцев. А он в свою очередь тесно связан с большой и сложной проблемой происхождения аборигенов Австралии и во многом зависит от ее решения.

Более 100 лет научная мысль пытается распутать сложный узел вопросов о происхождении тасманийцев, о том, сыграли ли они какую-нибудь роль и если сыграли, то какую именно, в образовании коренного населения Австралии и формировании его культуры, являются ли они в антропологическом отношении родственниками австралийцев или не имеют с ними ничего общего, откуда и когда пришли тасманийцы на свой остров, каков относительный и абсолютный возраст их культуры.

Тасманийская проблема требует комплексного исследования с учетом новейших достижений геологии, палеогеографии, антропологии, археологии, этнографии и лингвистики. Только мобилизация данных этих различных областей знания способна дать взаимно коррелируемые и контролируемые результаты, образующие систему, лишённую внутренних противоречий. Этот синтетический метод был положен автором в основу его книги «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии» [10]. Проблема происхождения австралийцев была решена посредством взаимодействия различных, далеких друг от друга наук. Автор надеется с помощью того же метода

приблизиться к решению еще более таинственной проблемы — происхождения коренного населения Тасмании.

Сложность тасманийской проблемы видна уже из сопоставления следующих фактов, которые ниже будут освещены более подробно. По мнению многих антропологов, советских и зарубежных, антропологический тип тасманийцев является более поздним, более специализированным по сравнению с антропологическим типом австралийцев, тогда как материальная культура тасманийцев, — если брать за основу сравнения такие признаки, как техника изготовления каменных орудий, отсутствие у тасманийцев других элементов культуры австралийцев — по широко распространенному убеждению, была значительно более примитивной, чем австралийская, причем нет никаких доказательств, что она когда-нибудь находилась на более высоком уровне. Эти и многие другие факты и парадоксы, действительные и мнимые, все еще ждут своего объяснения.

Библиография о тасманийцах насчитывает более 900 названий. Но из этой огромной массы литературы заслуживает внимания и содержит ценные сведения не более чем половина [204].

В советской литературе тасманийская проблема освещена крайне скудно. В 1930-х годах ею интересовался А. Б. Пиотровский, и тогда же вышла его небольшая статья [21, 166—175]; позднее на основании его материалов была опубликована специальная глава о тасманийцах, вошедшая в монографию «Народы Австралии и Океании» [18, 272—280]. Проблема происхождения тасманийцев рассматривается как органическая часть проблемы этногенеза народов Австралии и Океании в статье В. В. Бунака и С. А. Токарева «Проблемы заселения Австралии и Океании» [23, 497—522] и в книге «Народы Австралии и Океании» [18, 58—77]. Вот, пожалуй, и все, если не считать упомянутой выше книги В. Ф. Зыбковца, где тасманийцам посвящена отдельная глава [7, 121—196].

В XIX в., когда тасманийцы еще могли быть объектом этнографического изучения, этнография как наука делала свои первые шаги. В общих трудах того времени, даже лучших из них, какими являются книги Г. Линг-Рота и Дж. Бонвика [152; 49], остаются белые пятна, которые удастся лишь частично заполнить с помощью воспоминаний современников. Это относится прежде всего к обще-

ственным отношениям и духовной культуре тасманийцев. Лишь недавно опубликован важнейший источник, позволивший еще немного приподнять завесу, скрывающую многие стороны жизни тасманийского общества. Это — дневники и записки Дж. Робинсона, официального «умиротворителя» аборигенов Тасмании, чья задача состояла в том, чтобы собрать и затем удалить с острова остатки разгромленных в «черной войне» племен [91; 11, 166—168; 253]. Нам не раз придется обращаться к этой книге. Наряду с сообщениями мореплавателей XVII — начала XIX в. она составляет фундамент наших знаний о тасманийцах. Что же касается археологии, которая, пожалуй, одна способна пролить свет на далекое прошлое тасманийцев, то археологические исследования развернулись в Тасмании лишь в самые последние годы, и здесь многое еще впереди. Но и то, что уже сделано, позволяет прийти к предварительным выводам, которые, надеюсь, будут дополнены и углублены дальнейшими исследованиями. Следует отметить, что тасманийская проблема во всем объеме еще никогда никем не рассматривалась и настоящая работа является первым опытом такого исследования.

ЗЕМЛЯ И НАРОД. ЗАГАДКА ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В 1869 г. на берегу Устричной бухты, близ Хобарта, умер Уилльям Лэнни, последний тасманиец, а спустя семь лет, в 1876 г., в возрасте примерно 70 лет скончалась Труганини, которую обычно называют последней тасманийкой. Лишь недавно выяснилось, что последняя представительница коренного населения Тасмании на самом деле сошла в могилу в 1905 г. Ее звали Фанни Смит. Возможно, впрочем, что, в отличие от Труганини, она не была чистокровной представительницей коренного населения острова. О Фанни Смит известно лишь, что родилась она в 1833 или 1834 г. и что мать ее была чистокровной тасманийкой; отец неизвестен. До последних дней своей жизни она помнила услышанные в детстве песни своего народа [156, 79—86]. С нею была перевернута последняя, трагическая страница его истории.

Так угас целый народ, и это произошло в течение жизни одного поколения — ведь первое английское поселение на острове было основано в 1803 г. Каких-нибудь 70 лет понадобилось белому человеку для того, чтобы уничтожить тасманийцев. Труганини стала свидетелем ухода родного народа из жизни.

Какова же была численность коренного населения Тасмании к началу колонизации? Никто, конечно, в то время не подсчитывал тасманийцев, да и не смог бы этого сделать даже при желании: перед горсткой колонистов лежал огромный, еще не освоенный ими остров. Все позднейшие попытки определить численность коренных тасманийцев к 1803 г. дают очень ненадежные результаты. Цифры, называемые различными авторами, колеблются в обширных пределах — от 20 тыс. до 500 человек [152, 164].

Уильям Лэнни,
последний
тасманиец

Чаще всего, однако, называются две цифры: 7 тыс. и 2 тыс. человек [49, 83—84; 58, 7; 263, 273]. Дж. Ллойд полагал, что в 1803 г. было около 1,6 тыс. тасманийцев [155, 43, 240], а один из новейших авторитетов, А. Местон, оценивает численность аборигенов Тасмании к началу колонизации в 1,1 тыс. или 1,2 тыс. человек [36, 104]. В 1824 г., через 21 год после начала колонизации острова, было зарегистрировано лишь 340 аборигенов; правда, это были только известные группы, но в это время размеры остальных групп уже не могли быть значительными — истребление аборигенов и эпидемии сделали свое дело. В 1832 г. Дж. Робинсон вывел из отдаленных районов острова 63 человека, в следующем году — 42, а из своей последней экспедиции 1834 г. он вернулся с 28 тасманийцами. Наконец, в 1842 г. некий тюленепромышленник привел семью из шести человек [251, 191]. Робинсон, лучший знаток коренного населения, считал, что колонисты всегда преувеличивали численность аборигенов Тасмании. Во время «черной войны» такая оценка численности аборигенов могла быть столь же тенденциозной, как и

Труганини, послед-
няя тасманийка

заниженная оценка после нее, когда сказывалось желание преуменьшить вину за уничтожение целого народа. По данным самого Робинсона, к началу колонизации в Тасмании было от 6 тыс. до 8 тыс. аборигенов. По словам Колдера, он получил эти сведения из наиболее надежного источника — от самих тасманийцев. У них не было слов для выражения многозначных чисел, и они пересчитывали членов каждого племени по именам. А Робинсон знал несколько тасманийских языков.

До недавнего времени было принято считать, что к началу колонизации в Тасмании было примерно 20 племен. На основании сведений Робинсона Н. Пломли составил список из 46 племен и показал их размещение на карте [91, 968—976]. Отсюда, казалось бы, можно вывести численность всего коренного населения. Но что такое тасманийское племя, из скольких человек оно состояло? Вопрос этот очень сложен, потому что в источниках нет единого представления о племени. Как правило, в этих сочинениях не проводится четкой границы между племенем, т. е. совокупностью локальных групп, и локальной

группой, состоящей из нескольких семей и являющейся лишь частью племени. Тот же недостаток присущ и дневникам Робинсона. Когда он говорит о племени, не всегда ясно, действительно ли это племя или отдельная локальная группа. К этому вопросу мы еще вернемся в главе о социальной организации тасманийцев; сейчас достаточно сказать, что подсчеты, основанные на весьма несовершенных данных Робинсона о количестве «племен» и их приблизительных размерах (и все же это лучшее из того, что предлагают источники), привели Пломли к выводу о том, что к началу колонизации коренное население насчитывало около 4 тыс. человек [91, 18]. По вычислениям Р. Джонса, который опирается на данные Робинсона и Уокера [262, 176—187], численность коренного населения Тасмании составляла от 3 тыс. до 5 тыс. человек [134, 271—287].

Интересную, хотя и далеко не бесспорную попытку определить численность и плотность населения Тасмании к началу колонизации предпринял Р. Пёх [205, 60—61]. По его мнению, продукты охоты и собирательства в Тасмании могли бы прокормить не более 6 тыс. человек одновременно, что составляет 0,09 человек на 1 км². Дальнейший прирост населения в условиях примитивного охотничье-собирательского хозяйства вел бы к перенаселению, а наличие его ничем не подтверждается. Причины же уменьшения населения (эпидемий, войн, голодовок) до начала колонизации, по мнению Пёха, не было.

Попробуем для сравнения обратиться к соседней Австралии, которая была населена охотниками и собирателями, стоявшими примерно на том же уровне развития, что и тасманийцы. До европейской колонизации средняя плотность населения Австралии в целом составляла 0,04 человека на 1 км² [10, 95]. При площади Тасмании 67,9 тыс. км² примерно та же плотность населения была бы достигнута, если бы численность ее населения составляла около 3 тыс. человек. Это на 1 тыс. человек меньше того, что дает Пломли на основании материалов Робинсона, и на 3 тыс. человек меньше минимальной цифры, указываемой самим Робинсоном и принятой Пёхом в качестве наиболее правдоподобной. Известно, однако, что плотность населения у охотников и собирателей испытывает значительные колебания в зависимости от природных условий. Это мы наблюдаем и в Австралии. Природные условия ее очень неравномерны, и колебания

плотности коренного населения, ведущего традиционный охотничье-собираТЕЛЬский образ жизни, отражают эту неравномерность. Так, в пустынях Центральной и Западной Австралии местами отмечается самая низкая плотность населения — 1 человек на 50—60 км², на океанских побережьях плотность населения колеблется от 1 человека на 24 км² до 7 человек на 1 км², а в хорошо орошаемых речных областях Юго-Восточной Австралии — от 1 человека на 5 км² до 2 человек на 1 км² [147]. По своим географо-климатическим условиям Тасмания ближе всего к Юго-Восточной Австралии, особенно ее побережью. Однако и для соответствующих областей Австралии данные, как мы видим, настолько неравномерны, что едва ли могут нам помочь. Так же неравномерно были расселены на своем острове и тасманийцы.

Остается принять цифры, указываемые наиболее авторитетным источником — Робинсоном, т. е. 6—8 тыс. человек, или примерно 1 человек на 9—10 км².

Когда мы пытаемся реконструировать прошлое народа, сравнительно поздно вступившего в соприкосновение с европейской цивилизацией, а сотни и тысячи лет до того развивавшегося в условиях относительной изоляции, сообщения первых европейцев о том, каким они этот народ увидели, представляют особый интерес. Ведь на культуре этого народа, его общественных отношениях еще не отразились последствия колонизации. Они предстают в том виде, в каком сформировались за столетия и тысячелетия самостоятельного развития. Какими же увидели аборигенов Тасмании европейцы?

Первыми европейцами, которым в ноябре 1642 г. открылись гористые, изрезанные заливами берега Тасмании, были Абель Янсзон Тасман, выдающийся голландский мореплаватель, и его матросы. Открытую землю Тасман назвал землей Антона Ван-Димена, в честь генерал-губернатора Голландской Ост-Индии, по чьему приказу была послана экспедиция. Только с 1853 г., когда отмечалось 250-летие со дня рождения Тасмана, Вандименова Земля стала по праву именоваться Тасманией.

Исследуя остров, европейцы обнаружили явные следы присутствия человека. Они услышали, пишет Тасман в своем дневнике, «человеческие крики, а также какие-то звуки, очень похожие на звуки трубы или гонга, раздававшиеся неподалеку, но не увидели никого». Над лесом местами поднимался густой дым. Наконец они заметили

два дерева; толстые и очень высокие, деревья эти были покрыты зарубками, сделанными каменными орудиями. «Эти зарубки, образовывавшие своего рода ступени, по которым человек мог подняться по стволу к вершине за птичьими гнездами, находились на расстоянии не менее 5 футов одна от другой, так что наши люди решили, что туземцы или очень высоки, или же располагают приспособлениями для того, чтобы взбираться на деревья с их помощью. На одном дереве выемки были такими свежими, что, пожалуй, их сделали не более четырех дней тому назад» [110]. Догадка Тасмана и его спутников подтвердилась лишь много лет спустя, когда европейцы увидели, как тасманийцы и их соседи — австралийцы взбираются на деревья с помощью каменного топора, которым они делают на стволе дерева зарубки, и длинной петли, охватывающей ствол и помогающей передвигаться от одной ступеньки к другой. Так еще в середине XVII в. впервые было отмечено одно из многочисленных явлений культуры, сближающих тасманийцев с австралийцами.

Хотя Тасман высадился на юго-восточном, сравнительно густо заселенном побережье острова, тасманийцев он так и не встретил. Первым европейцем, которому удалось увидеть и описать тасманийцев, был французский моряк Ф. Крозе, спутник капитана Н. Т. Марион-Дюфрена, посетившего в 1772 г. юго-восточное побережье Тасмании, где за 130 лет до этого бросили якорь корабли голландского мореплавателя. Тасманийцы оказались людьми среднего роста; они не были великанами, какими их представляли себе Тасман и его матросы, но не были и пигмеями, какими их иногда изображали впоследствии. Это были хорошо сложенные, стройные люди, со здоровыми белыми зубами. «Цвета эти люди черного, — пишет Крозе, — волосы курчавые, все они совершенно голые. Некоторые женщины носят на спине детей, привязанных поясами из камыша. Все мужчины вооружены заостренными на конце палками, а некоторые — камнями, края которых кажутся острыми, как лезвия топоров» [251, 15]. Волосы аборигенов круто вились и свисали подобно бахrome, окрашенной охрой; у некоторых на груди виднелись рубцы.

Мужчины вместе с женами и детьми подошли к лодкам европейцев с полным доверием. Европейцы по своему обыкновению предложили аборигенам безделушки, но те с гордым презрением их отвергли. Один из тасманий-

цев протянул капитану горящий факел, как бы предлагая поджечь с его помощью кучу хвороста на берегу. Марион-Дюфрен принял факел. Но едва хворост вспыхнул, аборигены бросились бежать и, взбежав на холм, забросали оттуда французов камнями. В ответ раздались выстрелы европейских мушкетеров. Один из тасманийцев был убит, несколько были ранены; остальные скрылись в лесу. Так закончилась первая встреча тасманийцев с европейцами. Возможно, Марион неправильно понял жесты аборигенов и, сам того не ведая, объявил им войну: огонь мог быть сигналом к началу военных действий. Существует и другое мнение, что тасманийцы в соответствии со своим обычаем просто предложили чужеземцам обогреться, но затем что-то в поведении последних испугало их. Так или иначе, земля, где впервые встретились два народа, две расы, две культуры, сразу же обогрелась кровью.

Крозе приказал обмыть и измерить убитого тасманийца. Рост его был 170,5 см, а после того как с него смыли уголь и жир, он оказался не черным, а темно-коричневым [201, 2—3].

В следующем, 1773 г. у южного побережья Тасмании, на о-ве Бруни, побывал английский капитан Т. Фюрно. На берегу он увидел три или четыре покинутых людьми ветровых заслона, обычные жилища тасманийцев. Видимо, это было временное стойбище небольшой группы, и, не обнаружив других признаков человеческого присутствия, Фюрно решил, что население здесь очень редкое. Иное впечатление сложилось у него, когда он плыл вдоль восточного берега Тасмании, где повсюду виднелись огни [50, 4].

В 1777 г. на юге Тасмании высадился капитан Дж. Кук. Это было его третье, последнее плавание в Тихом океане. «Мы пока еще не видели местных обитателей, — записывает он в дневнике, — но над лесом кое-где заметили дымки» [12, 83]. И вот — первая встреча. «Вечером нас приятно удивил визит туземцев: восемь местных жителей (среди них был мальчик) пришли в то место, где мы рубили лес. Они вышли к нам из леса, не проявляя ни малейшего страха, и отнеслись к нам с полным доверием: у них не было оружия, только у одного туземца была палка длиной около двух футов, заостренная с одного конца. Они были совершенно голы и не носили никаких украшений, если не считать крупных рубцов на

коже... Роста они среднего, но довольно хилые, кожа черная, волосы тоже черные и такие же шерстистые, как у туземцев Гвинеи, но они в отличие от последних не толстогубы и носы у них не приплюснутые. Черты лица этих людей не отталкивающие, глаза довольно приятные, зубы хотя и грязные, но сносные. У большинства из них волосы и бороды выкрашены красной краской, и у некоторых этой же краской раскрашено лицо... Любую из вещей, которую мы им давали, они брали без малейшего признака удовлетворения». От хлеба они отказались, то же произошло с рыбой, сырой и приготовленной, и не удивительно: европейцы единодушно утверждают, что тасманийцы не ели рыбу. Но птицу они брали, давая понять, что они ее едят. «Мне хотелось узнать, для какой цели служит палка, которую держал в руках один из туземцев, — пишет Кук, — и я знаками дал понять, что желаю, чтобы он ее мне показал. Тогда один из них поставил ярдах в двадцати нечто вроде мишени и бросил в нее палку, но он явно не был метким стрелком» [12, 83—84]. Это была *вадди*, метательная палица тасманийцев.

А на следующий день произошла новая встреча. Десять два мужчин и юношей «присоединились к нам, не выражая ни страха, ни недоверия. Среди них были и те люди, которые приходили к нам вчера, но преобладали вновь прибывшие туземцы. Один из них был калекой с горбом на спине; от прочих туземцев он отличался живым умом и веселым нравом и эти качества проявлял при любых обстоятельствах. Мы очень сожалели, что не могли понять его язык и объясниться с ним». Проницательный и умный наблюдатель, Кук был одним из немногих европейцев, которые видели в аборигенах не безликую массу, а людей, обладающих каждый собственной индивидуальностью. «У некоторых из этих людей на шее было по три-четыре шнура из кожи какого-то животного, а у других был повязан на лодыжке узкий ремешок из шкуры кенгуру. Больше никаких украшений я у них не видел». Проявленное тасманийцами отвращение к рыбной пище не было случайным, как показали наблюдения Кука: «Железо и железные изделия у них не ценились, и они не имели никакого представления о рыболовных крючках. Мы, однако, не могли себе представить, чтобы народ, живущий на морском берегу, не имел никаких приспособлений для ловли рыбы и не знал способов ловли, однако же таких приспособлений мы не видели. Мы также не видели ни

каное, ни иных лодок, на которых эти люди могли бы ходить в море. Уж не знаю, была ли у них рыба в изобилии, или они ее не ели совершенно. Но факт, что от рыбы, которую мы им предлагали, они отказывались... Очевидно, моллюски входят в их рацион, так как мы видели кучи раковин в различных местах на побережье и у заброшенных жилищ, в дальней части бухты. Эти жилища представляют собой шалаши или навесы из жердей, кроются они корой. Мы также заметили, что туземцы находят убежище в дуплах больших деревьев, вероятно, они выжигают эти дупла огнем. В жилищах и возле них, наряду с кучами раковин, имеются следы огнищ — несомненное свидетельство того, что они едят пищу не в сыром виде... После того как я покинул берег, там появилась группа женщин и детей — их привели туземцы-мужчины. Женщины-туземки носили шкуры кенгуру в том виде, в каком их содрали с этих животных, шкуры были скреплены на плечах и стянуты поясом на талии, но это делалось лишь для того, чтобы в них удобнее было носить детей, ибо в общем женщины были столь же обнажены, как и мужчины, и так же черны, и их волосы одинакового с мужчинами цвета и вида. У некоторых головы были выбриты сплошь, у других — только с одной стороны, а кое у кого было побрито лишь темя и, как у католических монахов, оставлен кружок волос вокруг головы. У многих детей были приятные черты лица, но женщины, особенно пожилые, выглядели совсем иначе» [12, 85—86].

«Полное доверие» — таким, по единодушному признанию француза Крозе и англичанина Кука, было отношение тасманийцев к европейцам. Такой же дружественной была позднее и первая встреча тасманийцев с экспедицией Бодена. Но как все изменилось с началом колонизации острова европейцами! Вот что писал в 1831 г. русский мореплаватель Ф. Ф. Беллинсгаузен о враждебном отношении аборигенов Тасмании к европейцам: «Причина столь глубоко вкорененной ненависти природных жителей к европейцам произошла от непростительного поступка первых английских пришельцев к р. Деруэнт. Вандименцы изъявили сим гостям дружбу и приверженность, конечно, и поныне продолжали бы поступать таковым же образом, ежели бы начальствующий офицер не приказал в них стрелять картечью, полагая, что сии добродушные люди, привлеченные любопытством, имеют неприязненные намерения. Неожиданный выстрел произвел ужасное

впечатление в диких; все дружелюбные сношения мгновенно прервались, и ненависть их к пришельцам дошла до такой степени, что о примирении и теперь еще помыслить невозможно» [3, 265].

В 1792—1793 г. Тасманию дважды посетил французский моряк Р. Ж. Б. Д'Антраксто, начальник экспедиции, отправленной на поиски Лаперуза. Оба раза он побывал на юго-восточном берегу Тасмании и провел здесь в общей сложности около 10 недель. Моряки встретили группу аборигенов в количестве 48 человек, состоящую из 10 мужчин, 14 женщин и 24 детей [140, 308—309]. Лабиллардьер, натуралист и историк экспедиции, отметив численное преобладание женщин над мужчинами, приписал его обычаю полигамии. У костров, на которых готовилась пища аборигенов, с некоторыми мужчинами находились по две женщины. «Они объяснили нам знаками, что это были их жены, и нам стало ясно, что обычай полигамии не был им чужд». Лабиллардьер, кроме того, описывает встречу с группой, состоявшей из 42 человек — семи мужчин, восьми женщин, остальные были дети — и с группами из девятнадцати, восьми, шести и четырех аборигенов. Это были, видимо, локальные группы или общины, хорошо известные нам по этнографическим материалам соседней Австралии, основные социальные единицы ее коренного населения, а в последних трех случаях, вероятно, отдельные семьи. Вот почему эти скудные сведения представляют тем не менее большой сравнительно-этнографический интерес.

Уже из замечаний предыдущих путешественников мы знаем, что тасманийское общество в целом делилось как бы на две группы — мужчин, с одной стороны, женщин и детей — с другой, — которые не всегда появлялись вместе. Наблюдения Лабиллардьера идут в этом отношении дальше, они характеризуют некоторые стороны разделения труда между мужчинами и женщинами. Он рассказывает, как женщины добывают пищу для своих семей: «Каждая из них взяла корзину, и, сопровождаемые своими дочерьми, которые сделали то же самое, они взобрались на скалы, что выдавались в море, и бросились с них в воду в поисках моллюсков... Они оставались под водой вдвое больше, чем наши самые способные водолазы. Им было достаточно одного мгновения, чтобы набрать в легкие воздуха, и они снова погружались под воду. После того как они повторили это несколько раз, их корзины

наполнились» [140, 309—310]. Как показали наблюдения Лабиллардьера, женщины специализировались в добывании даров моря (а их дочери учились этому искусству, помогая им) и имели для этого специальное снаряжение, отличное от палиц и копий мужчин, уже знакомых нам по другим описаниям. Помимо корзин у большинства женщин были небольшие деревянные орудия в виде лопаток; с их помощью они отделяли от скал, на большой глубине, крупных моллюсков, называемых «морское ухо».

Третьей французской экспедицией, посетившей Тасманию, была научная экспедиция Н. Бодена. В 1802 г. она производила съемку восточного берега Тасмании; дневники путешествия были подготовлены к печати и изданы Ф. Пероном и Л. Фрейсине. В них мы находим немало интереснейших сведений о различных сторонах жизни тасманийцев — погребальных обычаях, изобразительном искусстве, обыкновении аборигенов повсюду носить в руках зажженный факел и т. д. Но особую ценность для нас, в связи с более ранними наблюдениями Лабиллардьера, имеют сообщения о встречах с группами тасманийцев — с отдельной семьей из трех человек — пожилого мужчины и двух женщин, молодой и пожилой, о встрече с другой семейной группой, состоявшей из мужа, жены, молодого мужчины, мальчика лет пяти, девочки еще моложе и девушки шестнадцати-семнадцати лет, наконец, о встрече с группой из 20 женщин (мужчин в ней не было вовсе) [199, 195—196]. Позднее Перон видел с корабля группу из 25—30 аборигенов. Группа женщин — еще одно свидетельство того, что общество тасманийцев делилось на группы по половому (и возрастному) принципу, как это принято и у соседних австралийцев; в основе его лежало разделение труда, и встретившаяся французам группа женщин возвращалась к своим семьям с ловли моллюсков. Встречи с семейными группами показывают, что не только многосемейные коллективы, но и отдельные семьи вели порою самостоятельное существование. Это тоже было свойственно не одним тасманийцам, но и австралийцам.

Сведения Лабиллардьера и Перона о размерах локальных групп (или общин) и семей косвенным образом дополняют сообщения капитана Коллинса (1803 г.) о том, что хижины аборигенов обычно стояли по семь или восемь вместе [50, 17], и Р. Кнопвуда (1804 г.) о стойбище аборигенов, состоявшем из 20 семей [91, 18].

В мае 1823 г. у берегов Тасмании бросили якорь фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога». Это было первое посещение Тасмании русскими моряками. Аборигенов острова увидеть им не удалось, но в своих записках о плавании командир «Ладоги» А. П. Лазарев приводит некоторые сведения о «природных жителях» Тасмании, которые ему удалось получить во время недолгого пребывания здесь. Особенно любопытно следующее сообщение о тасманийцах: «Власти над собою не терпят, и каждое семейство живет в полной независимости одно от другого» [13, 61].

Таковыми предстали тасманийцы перед европейцами. Их сообщения, пусть поверхностные и фрагментарные, все же содержат немало ценнейших сведений. Увидев впервые этот загадочный первобытный народ, заброшенный неведомыми судьбами на далекий, изолированный остров, европейцы попытались приоткрыть завесу над тайной его происхождения.

Высказывались самые невероятные предположения, например, что тасманийцы — потомки потерпевших кораблекрушение жителей Восточной Африки, прибывших к берегам Тасмании бурями после блужданий по просторам океана, или что они прибыли из Антарктиды. Иные, напротив, утверждали, что тасманийцы на своем острове автохтоны, что родина их предков — Тасмания или территория древнего материка, часть которого составляла Тасмания.

Подавляющее большинство теорий можно разделить на две группы. В первую входят гипотезы о том, что древние тасманийцы пришли из Австралии, которую они прежде населяли. Мнения приверженцев этой гипотезы расходятся в том, прибыли они морем или по суше, которая существовала прежде на месте Бассова пролива. Не менее важные разногласия существуют и по поводу соотношения тасманийцев и австралийцев: принадлежали ли тасманийцы к коренному населению Австралии или были его предшественниками, частью ассимилированными, частью вытесненными австралийцами и нашедшими убежище в Тасмании? Те, кто отделяет тасманийцев от австралийцев, близки к авторам теорий второй группы, которые выводят тасманийцев из более отдаленных, чем Австралия, областей Океании: с Новой Гвинеи, Новой Каледонии, Новых Гебридов, а следовательно, вообще исключают вопрос о связи тасманийцев с австралийцами.

Именно такой точки зрения придерживались исследователи последней четверти XVIII в., которые, сравнивая тасманийцев с австралийцами, отмечали, что народы эти говорят на разных языках и мало похожи друг на друга — у тасманийцев, например, в отличие от австралийцев, курчавые волосы, как у негров, меланезийцев, папуасов. А ведь до 1798 г., когда Дж. Басс и М. Флиндерс пересекли пролив, отделяющий Тасманию от Австралии, почти все были уверены, что Тасмания является частью австралийского материка. Впрочем, иные исследователи, подобно Дж. Куку, не могли не видеть и того, что при некоторой негроидности тасманийцы занимают обособленное положение и отличаются и от африканских негров, и от других жителей Океании.

Т. Гексли, один из крупнейших биологов второй половины XIX в., в числе первых решительно заявил, что австралийцы и тасманийцы антропологически совершенно не похожи, что прародину последних следует искать не в Австралии и что скорее всего они попали в Тасманию с Новой Каледонии по цепи островов, которая некогда связывала их, а теперь погрузилась в океан [119, 404—412]. Лингвист Р. Латам, как бы развивая эту мысль, утверждал, что язык тасманийцев родственен как австралийским, так и новокаледонскому языкам [146].

Особое место занимает теория Дж. Бонвика, выдвинувшего в 1870 г. гипотезу «затонувшего материка». Далекие предки австралийцев и тасманийцев были, по его мнению, автохтонами этого гипотетического материка. Затем в течение многих тысячелетий тасманийцы были полностью изолированы от остального мира, в том числе и от австралийцев, и только одинаковые обычаи и верования напоминают о давнем родстве этих народов. Антропологические различия между австралийцами и тасманийцами — также результат длительной изоляции. Бонвик считал, что древний континент, позднее погрузившийся в океан, связывал Тасманию с Мадагаскаром, Андаманскими островами, Цейлоном, Австралией, Новой Гвинеей, Новой Каледонией и Новой Зеландией. Заметное место в построениях Бонвика занимает идея о генетических связях австралийцев и тасманийцев с народами Южной Индии и Цейлона [49, 209—266].

Смелая теория Бонвика строилась в основном на умозаключениях, она была лишена сколько-нибудь убедительных доказательств, да наука того времени и не могла

их предложить. И все же идея древнего материка, на территории которого формировались предки австралийцев и тасманийцев, материка, исчезнувшего в послеледниковый период, содержала в себе некое «рациональное зерно», находящее опору в данных современной науки, хотя границы этого материка указаны Бонвиком весьма произвольно. В свете современных исследований не лишено оснований и предположение о сохранении в этой части ойкумены, вплоть до Индии, следов древнего австралоидного субстрата, предположение о том, что австралийцы — автохтоны Южной Азии.

К концу XIX в. все чаще и определеннее звучало мнение о том, что тасманийцы — уцелевший в изоляции осколок негроидной расы, когда-то широко расселенной в Австралии, Океании и сопредельных странах Азии. И если тасманийцев с кем-либо сближали, то в первую очередь с такими народами, как негроиды Малакки, андаманцы и т. д. Этот взгляд разделял и Г. Линг-Рот. Он считал, что негроиды Австралии, коренное население этого континента, были поглощены пришедшими позднее протоавстралийцами и что тасманийский субстрат все еще прослеживается в антропологическом типе и культуре австралийцев [152, 227—228]. Один из наиболее видных приверженцев теории вытеснения негроидной расы австралоидной, Дж. Мэтью, тоже считал тасманийцев прямыми потомками автохтонного негроидного населения Австралии и Тасмании (которые до образования Бассова пролива составляли одно целое), впоследствии ассимилированного на австралийском материке волнисто волосыми пришельцами [163; 164].

В начале XX в. к гипотезе сухопутного моста между Австралией и Тасманией вновь вернулся известный австраловед А. Хаунт. В это время уже были известны геологические факты, указывающие на возможность существования в древности такого моста. Это, прежде всего, находящееся на глубине 50 морских саженей (91 м) подводное плато между Тасманией и Юго-Восточной Австралией. Кроме того, ничто не доказывает, по мнению Хаунта, что тасманийцы умели когда-нибудь изготовлять лодки, пригодные для длительных морских путешествий, а следовательно, способные пересечь пролив между Тасманией и Австралией. Действительно, нет никаких данных, свидетельствующих о том, что тасманийцы когда-либо переплывали Бассов пролив. Остается допустить,

что они прошли по суше, возможно разрезанной в некоторых местах неширокими проливами, которые не могли быть непреодолимыми препятствиями для тасманийцев, способных пересекать проливы до 7 миль шириной. Согласно Хауитту, тасманийцы были древнейшим населением Австралии, которое сохранилось в Тасмании благодаря образованию Бассова пролива и изоляции. На территории Австралии оно смешалось с пришедшими позднее австралийцами, но о древнем тасманоидном субстрате говорят негроидные черты в антропологическом типе австралийцев. В этом Хауитт очень близок к Линг-Роту и Мэтью. Тасманийцы, по Хауитту, — представители океанийских негритосов, разбросанных в настоящее время небольшими группами от Андаманских островов до Филиппин и Новой Гвинеи, это все, что осталось от автохтонной расы, когда-то населявшей эту часть земного шара. По мнению Хауитта, предками тасманийцев не могли быть меланезийцы, представляющие более высокую культуру [117, 1—33].

В XX в. по-прежнему преобладала та точка зрения, что тасманийцы и австралийцы — различные ветви человеческой семьи. В особенно категорической форме ее выразил Ф. Вуд-Джонс, и в этом он близок к Т. Гексли. Тасманийцы, считал Вуд-Джонс, негроиды, тогда как австралийцы ничего общего с негроидной расой не имеют. Подобно Гексли и некоторым антропологам прошлого столетия, Вуд-Джонс относит тасманийцев к меланезийскому антропологическому типу, несколько модифицированному вследствие продолжительной изоляции, но отнюдь не из-за смешения с другой расой. В Тасманию они попали, полагал он, не по сухопутному мосту, а морем, с Новой Каледонии или с другого острова, пользуясь лодками для длительных морских плаваний, которые они когда-то умели делать, но впоследствии разучились [269].

Обсуждая различные способы, с помощью которых тасманийцы могли попасть на свой остров, У. Кроусер начинает с гипотезы Вуд-Джонса. Он указывает на сходство природного мира Тасмании и Юго-Восточной Австралии, особенно сумчатых животных. Одни из них уже исчезли, но другие сохранялись до самого недавнего времени. Это говорит о том, что Тасмания и Австралия долгое время были связаны сушей, позднее затопленной. Вполне возможно, что и человек попал из Австралии в Тасманию по суше. Насколько известно, тасманийцы бы-

ли в состоянии переплывать проливы лишь между Тасманией и ближайшими островами, и их средства навигации не выдержали бы дальнего плавания. А расстояние между Новой Каледонией и Тасманией — около 1700 миль по прямой. К тому же в морях, окружающих Тасманию, крайне неблагоприятные условия плавания. Итак, если даже допустить, что тасманийцы пришли из Меланезии, то скорее всего это произошло в результате постепенного их продвижения на юг вдоль восточного побережья Австралии [67, 225—231]. Это построение можно назвать теорией трансконтинентальной миграции негроидов. В какой-то мере оно является уступкой гипотезе Гексли — Вуд-Джонса.

Н. Пломли также считает, что геологическое прошлое Бассова пролива указывает на возможность проникновения тасманийцев из Юго-Восточной Австралии по суше. К тому же, по его словам, обнаружены археологические следы древнего населения на о-вах Кинг и Флиндерс, расположенных на месте прежнего сухопутного моста. Заселение Тасмании из Меланезии по морю, на тасманийских плотах и челнах, он считает маловероятным [91, 21].

Различные теории происхождения тасманийцев и появления их на своем острове рассматриваются и в коллективном труде советских авторов «Народы Австралии и Океании». С. А. Токарев, автор соответствующей главы, не присоединяется решительно ни к одной. Преимущественное внимание, однако, уделено знакомой нам гипотезе Гексли — Вуд-Джонса, согласно которой тасманийцы попали на свой остров не через Австралию, а минуя ее, скорее всего — с Новой Каледонии. Тасманийский антропологический тип, принадлежащий к негроидной курчавоволосой группе, не мог сложиться на материке Австралии, в условиях умеренного климата, так как формирование негроидов возможно лишь в условиях влажного тропического климата. По словам автора, у тасманийцев были обнаружены некоторые, очень немногочисленные, правда, элементы материальной культуры, сближающие их с меланезийцами. Как полагает С. П. Толстов, также являющийся сторонником этой гипотезы, в ходе заселения Меланезии одна из негроидных групп была занесена в Тасманию Восточноавстралийским течением, идущим от Новой Каледонии к берегам Тасмании, и, «попав в богатую жизненными ресурсами среду большого материкового острова, утратила ряд особенностей культуры рыболо-

вов-мореходов» [18, 71]. И в самом деле, — вспомним хотя бы Кука, — тасманийцам, не употреблявшим рыбы, не знакомым с орудиями и приемами рыбной ловли, расплававшим лишь самыми примитивными средствами мореплавания, такие особенности свойственны не были, во всяком случае в эпоху колонизации.

Складывается впечатление, что теория эта представлялась С. А. Токареву в 1956 г. все же более убедительной, чем противоположная, согласно которой тасманийцы попали на свой остров из Австралии. В 1951 г. он склонялся к последней теории, что видно из статьи, написанной им совместно с В. В. Бунаком: «Трудно объяснить, каким образом предки тасманийцев могли преодолеть огромное расстояние по открытому морю между Новой Каледонией и Тасманией. Поэтому нам представляется более вероятной гипотеза о том, что предки тасманийцев проходили через Австралию. Позднее образование Басова пролива считается, по геологическим данным, общепризнанным» [23, 503]. Далее авторы статьи рассматривают теорию смены на австралийском континенте тасманийской расы более поздней, австралийской, но приводят и иные взгляды на соотношение курчавоволосых и волнистоволосых типов в Океании и Австралии как типов родственных.

Такова в самых общих чертах история взглядов на происхождение тасманийцев. Разумеется, охватить все многообразие теорий, назвать все имена невозможно. Выделены лишь главные тенденции, намечен круг основных проблем, но и теперь ясно, что лишь немногие авторы считали тасманийцев родственной австралийцам группой, отделившейся от них в древности. Преобладало мнение, что тасманийцы чужды австралийцам и жили в Австралии до них либо пришли откуда-то со стороны. Иначе смотрит на эту проблему большинство специалистов-антропологов. Их взгляды будут рассмотрены в следующей главе.

Говоря о происхождении тасманийцев, прежде всего следует выяснить, каковы были естественно-географические предпосылки заселения Тасмании человеком, в каких условиях оно происходило. Тасмания, подобно Австралии, не только не была прародиной человека, но и не входила в область формирования человека современного вида — неантропа. Таким образом, вопреки мнению некоторых из упомянутых выше авторов, тасманийцы, по

свидетельству современной науки, не могли быть автохтонным населением острова. Палеоантропологические материалы, обнаруженные на территории Тасмании, относятся лишь к современному человеку. Следов предков неантропа (палеоантропов, архантропов) на территории Тасмании не обнаружено. Следовательно, заселение Тасмании началось, во всяком случае, не раньше, чем сформировались люди современного вида, иными словами, — не раньше последнего ледникового периода.

В геологическом отношении Тасмания является продолжением австралийского материка. Поверхность ее большей частью гористая, огромное центральное плоскогорье покрывает до двух третей острова, горы расчленены многочисленными реками, стекающими в море. Западное побережье отделено от центра острова и от восточного побережья горными лесами с густым, почти непроходимым подлеском. Это крайне затрудняло общение жителей Центральной и Восточной Тасмании с населением западного побережья. Самая негостеприимная, труднодоступная область Тасмании лежит к югу и западу от р. Деруэнт, которая течет на юго-восток и как бы делит остров на две части. Наиболее высокий горный массив находится на северо-востоке острова. Возвышенность, расположенная на юго-востоке, круто обрывается к морю. Берега Тасмании здесь сильно расчленены, у побережья много островов с лежбищами тюленей и колониями пингвинов. Климат Тасмании сравнительно прохладный и влажный, с теплым летом и умеренно холодной зимой. Среднегодовая температура на юго-востоке острова $+12^{\circ}$, среднеиюльская $+8^{\circ}$ [17, 252—254]. По количеству выпадающих осадков восточная часть острова сильно отличается от западной. На восточном и северном побережьях количество осадков умеренное, центральное плоскогорье много суше, тогда как на западном берегу и в горах западной части острова осадки выпадают в рекордно большом количестве, дожди здесь идут иногда непрерывно неделями и месяцами.

Для Тасмании характерны вечнозеленые буковые и влажные эвкалиптовые леса, травянистые равнины. Эвкалипты, древовидные папоротники — те же, что и в соседней Австралии. Фауна, как современная, так и ныне исчезнувшая, тоже имеет большое сходство с австралийской. Большинство видов сумчатых свойственны и

Австралии. Все это сближало образ жизни аборигенов острова и материка. На побережьях тасманийцы добывали в большом количестве моллюсков и ракообразных,—здесь сохранились обширные раковинные кучи, следы деятельности, которая продолжалась много столетий подряд,—а в лесах и на открытых равнинах охотились на опоссумов, валлаби, кенгуру, эму и более мелкую дичь. Лебеди на озерах, морские птицы на побережьях также служили им добычей. Природа Тасмании предлагала охотникам и собирателям многочисленные и разнообразные источники питания, но они были распределены неравномерно, и это наряду с особенностями климата и ландшафта отразилось на характере размещения коренного населения. Оно концентрировалось на побережьях, а также тяготело к внутренним районам на востоке и северо-востоке острова вплоть до центральных озер. Обширная горная страна, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток вдоль западного побережья, была населена крайне редко, а местами и совсем лишена населения.

Эти естественно-географические условия, существовавшие в общем на протяжении нескольких последних тысячелетий, претерпели известные изменения с момента заселения острова человеком. Поскольку тасманийцы — охотники и собиратели, образ жизни которых теснейшим образом связан с природной средой, необходимо выяснить, какой она была в эпоху первоначального заселения острова и как менялась в дальнейшем. Сам процесс этногенеза такого народа, как тасманийцы, во многом зависит от того, в какой он живет естественной среде и как она меняется, иначе говоря, зависит от экологических факторов.

Данные абсолютной хронологии, основанные на радиоуглеродном анализе археологических материалов, показывают, что заселение Тасмании человеком началось не позднее 8 тыс. лет тому назад. От 10 тыс. до 8 тыс. лет назад в этой области земного шара закончился последний ледниковый период. Еще недавно считали, что Австралия и Тасмания пережили три периода оледенения, причем последнее было наиболее интенсивным [80, 97—110]. В последнее время геологи склоняются к мысли, что здесь имело место только одно оледенение, совпадающее по времени с вюрмским-висконсинским оледенением Северного полушария [123,

298—303; 77, 6], но в данном случае это не так уж важно. Согласно радиоуглеродному анализу ископаемого дерева, возраст ледниковой морены вблизи Куинстауна (Западная Тасмания) составляет 26480 ± 800 лет [98, 80]. А для заключительных стадий оледенения в горах Западной Тасмании получена дата 8720 ± 220 лет [200, 127], почти совпадающая с самой ранней датой, фиксирующей появление человека в Тасмании. В пределах этих двух дат оно, по всей вероятности, и находилось. Ведь и на австралийском континенте, часть которого составляла Тасмания, человек появился около 30 тыс. лет тому назад. Расселение происходило, видимо, с севера, из Юго-Восточной Азии, медленно, постепенно, небольшими группами. А Тасмания лежала на крайнем юго-востоке этого огромного массива суши. Первые люди появились здесь во всяком случае не раньше, чем на юго-востоке Австралии. Возраст одной из археологических находок к северо-западу от Мельбурна, в районе Кейлора, составляет $31600 \pm 1100-1200$ лет [10, 354; 185, 178]. Это — один из наиболее древних археологических памятников Австралии, по своему местоположению ближайший к Тасмании. Возраст древнейших останков человека, обнаруженных до сих пор в Австралии, на западе Нового Южного Уэльса, от 25 тыс. до 32 тыс. лет [53, 39—60]. Место этой находки дальше от Тасмании, чем Кейлор, примерно на 450 км, но оно еще находится в юго-восточной части материка.

Итак, заселение Тасмании — началось оно 8 тыс. лет назад или раньше — произошло в период плейстоцена, когда, по мнению геологов, около пятой части поверхности этой горной страны — тысячи квадратных километров — было покрыто ледником [77, 11]. В период максимального оледенения леса покрывали только узкую полосу нынешнего побережья, а средние температуры были по крайней мере на 5° ниже современных [131, 192—193]. Условия существования в такой стране не благоприятствовали человеку. Они были, вероятно, еще хуже, если в Тасмании было только одно оледенение, не прерываемое периодами потепления. К тому же оледенение продолжалось до голоцена [143, 186]. Вот почему очень вероятно, что заселение Тасмании относится к самому концу ледникового периода и что единственная пока абсолютная дата, относящая начало этого процесса как раз к концу плейстоцена, — около 8 тыс. лет

назад, не так уж далека от истины. В это время были населены, и населены редко, скорее всего только прибрежные области Тасмании.

Впервые Тасмания стала островом в начале третичного периода. Впоследствии она, возможно дважды или трижды, соединялась с материком. Последний раз это произошло в плейстоцене [144, 177]. Затем Тасмания снова отделилась от австралийского материка. Недавними исследованиями установлено существование в Бассовом проливе на глубине 35 морских саженей (63 м 70 см) подводного коридора шириной 50 миль, протянувшегося от побережья Виктории до северо-восточного угла Тасмании. Погружение этого коридора датируется концом плейстоцена [121, 49—72; 122, 7—9]. До этого предки тасманийцев, вероятно, и проникли в Тасманию. Для того чтобы Австралия и Тасмания стали единым материком, море должно опуститься на 63 м ниже, чем сейчас. Такой уровень существовал около 15 тыс. лет тому назад. Примерно 16 тыс. лет тому назад уровень моря был ниже современного на 75 м [86, 70—79], а ранее, в период максимума последнего оледенения, он был еще ниже. О-ва Кинг и Флиндерс составляли с Тасманией одно целое, возвышаясь подобно горным хребтам над равниной. От 15 тыс. до 11 тыс. лет назад уровень моря повысился, и, по мнению некоторых геологов, 11 тыс. лет назад он стал уже на 54 м ниже современного уровня, образовав между материком и Тасманией мелкий пролив до 40 миль шириной [131, 198]. По мнению других специалистов, 11 тыс. лет назад сплошной мост суши все еще связывал Тасманию с Австралией [161, 51]. Когда уровень моря был на 45 м ниже современного, Австралию и Тасманию соединяла лишь цепь близко расположенных островов. Было ли возможно общение между Австралией и Тасманией в это время, пусть даже случайное и эпизодическое? Скорее всего, оно закончилось около 11 тыс. лет назад, и люди именно тогда или ранее попали в Тасманию через коридор, существовавший между нею и Австралией. А это означает, что наиболее древние следы заселения Тасмании погребены под толщей воды и то, что открывает на острове лопата археолога, относится к последним, заключительным этапам, возможно, многовекового процесса.

С окончанием последнего ледникового периода уро-

вень Мирового океана в результате тектонических движений и таяния ледников продолжал подниматься, море затопило низменные берега материков, и распределение воды и суши приняло современный вид. По мере того как уровень моря повышался, исчезала цепь близко расположенных островов между Австралией и Тасманией. Пять-шесть тысяч лет назад уровень Мирового океана достиг примерно современного положения. К этому времени Тасмания уже давно была заселена человеком.

Климат Тасмании в начале голоцена — послеледниковой геологической эпохи — все еще отличался от современного. В горных областях сохранились остатки болотной растительности, характерной для более холодного и влажного климата, чем нынешний. Здесь водились вымершие ныне животные, в том числе гигантские сумчатые — длина некоторых достигала 3 м. Люди еще застали их. Около 500 лет назад в Юго-Восточной Австралии обитало сумчатое, именуемое тасманийский дьявол; позднее оно встречалось только в Тасмании. Водился там и сумчатый волк, впоследствии тоже сохранившийся только в Тасмании [97, 86—90]. Исчезновению этих животных, особенно гигантских, довольно безобидных и легко уязвимых для первобытного охотника, вероятно, способствовал человек, наряду с другими причинами, прежде всего климатического свойства.

Около 7 тыс. лет назад наступил период интенсивного потепления, получивший название климатического или термического максимума. Он закончился около 4 тыс. лет назад и ознаменовался усиленным таянием арктических и антарктических льдов [30, 452; 4, 328—348; 32, 200—205]. Климат Тасмании стал сравнительно теплее и суше, и если прежде были населены преимущественно прибрежные области Тасмании, теперь, вероятно, началось постепенное освоение всего острова. Для этого периода геологами получены две даты, основанные на радиоуглеродном анализе, — 7900 ± 460 и 4435 ± 110 лет назад [77, 20]. В горизонте, к которому относится последняя дата, найдено каменное орудие древнего тасманийца.

Затем наступило непродолжительное похолодание — малый ледниковый период, сопровождавшийся отступлением моря. Это было 3—3,5 тыс. лет назад. Когда и он закончился, мировые температуры снова несколько повысились, климат стал более устойчивым, резкие ко-

лебания температур и количества осадков прекратились. Этот климатический период продолжается до настоящего времени.

Процесс активного приспособления к меняющейся естественно-географической среде ставил перед аборигенами Тасмании, как и Австралии, все новые требования, тем самым непрерывно влияя на их социальное и культурное развитие. Воздействие этого процесса на развитие аборигенов Австралии уже рассмотрено нами в другом месте [10]. Явления, происходившие в Тасмании, кое в чем сходные с австралийскими, в то же время во многом сохраняли своеобразие. Это объясняется тем, что естественно-географические условия на австралийском континенте изменялись иначе, чем в Тасмании. В период термического максимума Австралия испытала резкое, катастрофическое ухудшение климата, которое сопровождалось интенсивным высыханием внутренних областей и образованием огромных безводных, выжженных солнцем пустынь, сохраняющихся до настоящего времени. Оно повлекло за собой сокращение природных ресурсов, угрожающее самому существованию человека, и это сказалось на всей последующей истории австралийцев — охотников и собирателей. Оно привело к культурному кризису, хорошо прослеживаемому в археологических материалах. С периодом термического максимума связан упадок в технике изготовления каменных орудий и в некоторых других областях материальной культуры. Зато с ним же связаны такие явления, как развитие и совершенствование деревянного метательного охотничьего оружия, приспособленного для охоты на обширных пространствах степей и пустынь, распространение бумеранга и копьёметалки, орудий на рукоятках. Следовательно, изменения в природной среде оказывали на культурное развитие австралийцев сложное и диалектически противоречивое влияние. Ухудшение природных условий заставило людей компенсировать его увеличением эффективности труда, совершенствованием охотничьего оружия, воспитанием новых навыков, например умения находить воду там, где европейцы позднее погибали от жажды. Все это помогло австралийцам выжить в самых трудных условиях. Период кризиса и активной адаптации задержал развитие одних явлений австралийской культуры, стимулировал развитие и совершенствование других, а в целом сформировал тот

социально-культурный облик австралийского аборигена, с которым мы знакомы по позднейшим этнографическим описаниям.

Тасмания, расположенная в иных широтах, не испытала такого резкого нарастания засушливости, как внутренняя Австралия. Оно проявилось, да и то в ослабленной форме, только в центральных областях острова, и сейчас отличающихся относительно сухим климатом. В Тасмании развитие естественно-географической среды в послеледниковую эпоху протекало относительно спокойно, без резких, катастрофических перемен, характерных для Австралии. Поэтому и воздействие этого процесса на социальное и культурное развитие тасманийцев выразилось в иных, менее отчетливых формах. Дальше, говоря о развитии тасманийской культуры, мы скажем об этом подробнее. Культура аборигенов Тасмании не оставалась стабильной на протяжении всех этих тысячелетий, но ее развитие протекало спокойнее и медленнее, чем в Австралии, и в итоге сформировался значительно более консервативный по сравнению с австралийским социально-культурный тип тасманийца. Здесь сказались, конечно, различные факторы, прежде всего — малочисленность и изолированность тасманийцев, но и воздействие естественно-географической среды сыграло заметную и по-своему сложную роль. Сложность ее простирается из того, что природная среда не просто воздействует на общество — природа и общество взаимодействуют. Даже на таком сравнительно раннем этапе общественного развития, в условиях примитивной доземледельческой экономики, общество не только приспосабливается к окружающей среде, но и выступает как активная сила, воздействующая на природу тем, что она активно вмешивается в происходящие в ней процессы, производя подчас разрушительные изменения. И все же на этой ранней стадии развития общества зависимость его от природы еще очень велика. Общественная ткань здесь как бы наслаивается на естественно-географическую основу и чутко реагирует на все происходящее в ней.

Заканчивая эту главу, остановимся еще на одной загадке, имеющей и этногенетический, и биологический аспекты. В Тасмании не водится и никогда не водилась собака динго, спутник австралийского охотника, и это одна из причин того, почему многие отказываются до-

пустить, что тасманийцы — ветвь австралийцев. Будь это так, рассуждают они, вместе с человеком в Тасманию из Австралии пришел бы и динго. Другие, допуская, что тасманийцы пришли из Австралии, считают, что это произошло еще до того, как динго появился в Австралии. А так как доказано, что до появления человека в Австралии собаки здесь не было, значит, динго появился в Австралии с какой-то позднейшей этнической волной, после отделения от нее Тасмании, а люди, населявшие Австралию в плейстоцене, не знали собаки. Они-то, вероятно, и были предками тасманийцев.

Многочисленные данные, о которых пойдет речь в последующих главах, а частью уже шла в этой главе, показывают, что предки тасманийцев пришли в Тасманию из Австралии и пришли еще в плейстоцене. Мы только что видели, что для этого существовало необходимое условие в виде моста суши, соединявшего Тасманию с Австралией, и было бы странно, если бы люди, освоившие Юго-Восточную Австралию за 20 тыс. лет до конца плейстоцена, не проникли за это время, хотя бы в небольшом числе, и в Тасманию. Более того, по-видимому, другой, позднейшей этнической волны в Австралии не было, и в пользу этого положения нами была в свое время выдвинута целая система доказательств, основанных на фактах [10]. Но в таком случае необходимо как-то объяснить отсутствие динго в Тасмании.

Костные остатки динго обнаружены в Веллингтоновых пещерах в Юго-Восточной Австралии [100, 180—182]. Их датируют плейстоценом, из чего следует, что динго достиг Юго-Восточной Австралии еще до образования Бассова пролива и превращения Тасмании в остров. Однако до сих пор остатки динго не найдены ни в Тасмании, ни на о-вах Бассова пролива, которые в плейстоцене составляли часть суши, соединявшей Тасманию с Австралией. По-видимому, в период первоначального освоения Тасмании численность динго на континенте Австралии была еще очень невелика и группы аборигенов, заселившие будущий остров, пришли сюда без собаки. Ведь динго еще до сих пор не приручен полностью. Он был и остается по преимуществу диким животным, хотя аборигены и пытаются его приручить. Обычно они использовали охотничьи способности диких, неприрученных собак, которые могли не следовать за ними, когда они переселялись на новые места.

Дж. Малвени считает самыми древними остатками собаки динго в Австралии находку в Южной Австралии, под скальным навесом у горы Маунт-Берр. Возраст этого местонахождения — около 8 тыс. лет [185, 65, 179]. Оно относится, следовательно, к концу плейстоцена или началу голоцена. И эта находка не требует допущения новой этнической волны. Ведь Австралия никогда не была полностью изолирована от внешнего мира. Кроме того, исключительная редкость и сравнительно поздние датировки остатков собаки в археологических и палеоантологических местонахождениях Австралии могут быть объяснены теми же причинами, что и отсутствие ее в Тасмании.

ЧТО ГОВОРИТ АНТРОПОЛОГИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАСМАНИЙЦЕВ

Итак, тасманийцы в далеком прошлом — пришельцы из какой-то иной части света. Скорее всего, они являются ветвью австралийцев, отделившейся в древности от австралоидного ствола и затем длительное время развивавшейся в условиях изоляции. Но и сами австралийцы, как говорилось выше, не автохтоны на австралийском континенте: они пришли сюда около 30 тыс. лет назад из Юго-Восточной Азии. Это стало возможным благодаря существованию материковых мостов между Азией и Австралией в последнем ледниковом периоде. Эти мосты, однако, не были сплошными, иначе представители азиатской фауны проникли бы в Австралию; и наоборот, чего, как известно, не произошло. Разрезающие их проливы были не настолько широки, чтобы предки австралийцев, располагавшие очень примитивными средствами мореплавания, не могли бы их преодолеть. Линия Уоллеса, проходящая между Калимантаном и Сулавеси и между о-вами Бали и Ломбок и отделяющая азиатскую фауну от австралийской, была в плейстоцене восточной границей огромного массива суши, который являлся продолжением азиатского материка и включал в себя северные и западные острова Индонезии, в том числе Суматру, Яву, Калимантан, частично Филиппины, а возможно, Японию и Сахалин. К юго-востоку от этого материка лежали Малые Зондские острова, проливы между которыми тогда были уже, чем теперь, а еще далее простирался другой огромный континент, включавший Австралию, Тасманию, Новую Гвинею и частично Меланезию, в том числе, возможно, Новую Каледонию.

Древнеазиатский материк вместе с сопредельными территориями Юго-Восточной и Южной Азии был в эпоху позднего плейстоцена зоной расселения и формирования протоавстралоидов — палеолитических предков современных австралийцев. Они были вместе с тем и предками тасманийцев. Около 30 тыс. лет назад они начали заселение австралийского континентального шельфа. На землю Тасмании, которая была тогда далекой юго-восточной окраиной этого древнего континента, они попали, как известно, лишь спустя долгое время.

В 1958 г. на севере Калимантана, в Ниа, в пещере, которая была населена людьми на протяжении многих тысячелетий, с глубочайшей древности до начала нашей эры, был найден человеческий череп. Когда-то он принадлежал подростку 15—17 лет, который был, несомненно, человеком современного типа — неантропом. Многие особенности этого черепа (широкий нос, низкое переносье, прогнатизм, размеры и форма зубов и нёба и др.) сближают его с черепами древних и современных австралоидов, включая и тасманийцев [56, 323—349]. Возраст черепа определен с помощью двух дат, основанных на радиоуглеродном анализе: 39600 ± 1000 и 41500 ± 1000 лет [108, 95—96]. Это один из древнейших неантропов мира, современник самых ранних неантропов Европы. Значение этой находки очень велико — она показывает, что Юго-Восточная Азия входила в зону формирования людей современного типа и что оно началось здесь не позже, чем в Европе или Передней Азии.

К этому же периоду — позднему палеолиту — относится и черепная крышка, найденная в пещере Табон на о-ве Палаван (Филиппины). Абсолютный возраст этой находки — от 22 тыс. до 24 тыс. лет [89]. Крышка эта тоже принадлежала неантропу и обладала некоторыми австралоидными признаками. Обе находки свидетельствуют о том, что 20—40 тыс. лет назад неантропы-протоавстралоиды населяли территорию, являющуюся ныне островной частью Юго-Восточной Азии. В плейстоцене острова Калимантан и Палаван составляли одно целое с материком.

По-видимому, тогда же на Яве обитали неантропы, от которых дошли два черепа, обнаруженные еще в прошлом веке около Ваджака. Возраст людей из Вад-

жака точно не установлен, но, подобно обитателям пещер Ниа и Табон, они жили, вероятно, в эпоху позднего плейстоцена. Морфологические особенности этих черепов также свидетельствуют о их протоавстралоидном облике.

Таким образом, в конце плейстоцена, в позднем палеолите, нынешняя островная часть Юго-Восточной Азии, тогда территория древнеазиатского материка, была населена протоавстралоидами, предками современных аборигенов Австралии и Тасмании. На протяжении многих последующих тысячелетий, в мезолите и неолите, Юго-Восточная Азия оставалась областью, населенной главным образом австрало-негроидами, переживавшими процесс морфологического развития из древних протоавстралоидных форм и все углубляющейся расовой дифференциации. То же происходило и на территории древнеавстралийского континента, куда протоавстралоиды пришли около 30 тыс. лет назад. Процессы расообразования не прекратились и после заселения Австралии и Тасмании. Древнейшей антропологической основой всей этой части ойкумены, от Юго-Восточной Азии до Австралии и островов Западной Океании, были протоавстралоиды. На протяжении последних 30—40 тыс. лет на этой древней основе сформировались различные локальные варианты, ветви когда-то единого, исходного протоавстралоидного ствола — «локальные расы», как их иногда называют [66, 425—427]. Наиболее ранней ветвью, находящейся ближе всего к исходному расовому типу, являются австралийцы. В условиях относительной изоляции, наступившей в послеледниковую эпоху, они сохранили черты этого типа в наибольшей чистоте, хотя некоторые изменения происходили и здесь. Другие темнокожие группы Юго-Восточной Азии и Океании, в силу различных географических и исторических причин, отошли от исходного австралоидного типа в значительно большей степени и в разных направлениях. Превращение континентов эпохи плейстоцена в острова Индонезии и Филиппины, отделение Новой Гвинеи, Меланезии, Тасмании от Австралии, несомненно, усилили расовую дифференциацию в этой области земного шара.

Вывод о том, что древнейшим населением Юго-Восточной Азии и Океании, включая Австралию, были протоавстралоиды и лишь с течением времени на этой основе образовались различные локальные варианты

австрало-негроидов Юго-Восточной Азии и Океании, основывается на большом палеоантропологическом материале, рассмотренном нами в другом месте [10, 30—45]. Он совпадает с точкой зрения ряда советских антропологов, согласно которой исходными для всех темнокожих форм Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании является волнистоволосый протоавстралоидный тип. Гипотеза эта, по словам М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, «согласуется как с фактическими данными по палеоантропологии Юго-Восточной Азии и смежных территорий, так и с нашими представлениями об основных закономерностях формирования больших рас и территориальных антропологических типов» [23, 338]. По мнению сторонников этой гипотезы, которое разделяет и автор настоящей книги, австралоидный антропологический тип является в известной мере обобщенным, неспециализированным, нейтральным, протоморфным типом, более, чем какая-либо другая современная раса, близким к ранним, исходным, архаическим формам неантропа. Негроидный, европеоидный и монголоидный расовые типы можно рассматривать сравнительно с протоавстралоидным как более поздние, более специализированные. Антропологическая специфика каждого из этих типов как бы отражает особую, специфическую, прежде всего географическую, среду, в которой протекало их формирование.

Близка к изложенной концепции и точка зрения В. П. Алексеева, который тоже считает негроидный и европеоидный антропологические типы более специализированными по сравнению с протоморфным австралоидным типом, а потому и сравнительно более поздними [1, 26]. В соответствии с этой концепцией формирование различных негроидных типов Океании и Юго-Восточной Азии — папуасов, меланезийцев, негритосов — процесс сравнительно поздний, протекавший на базе исходных протоавстралоидных комбинаций. А следовательно, и негроидные особенности тасманийцев, прежде всего курчавые волосы, можно рассматривать как сложившиеся сравнительно поздно на основе исходного австралоидного комплекса признаков. Особенности эти были заложены уже в самой исходной протоавстралоидной комбинации.

Помимо признаков, отличающих тасманийцев от большинства австралийцев, — формы головных волос, сравнительно умеренной растительности на лице, боль-

шей ширины черепа (средний головной указатель у тасманийцев — 75, у австралийцев — 70,5) [152, 216; 269, 18], более прямого лба, еще более широкого носового отверстия и сильнее выраженного прогнатизма — ряд признаков отличает их и от меланезийцев, с которыми их нередко сравнивают: меньшая высота черепного свода, больший носовой указатель и некоторые другие особенности, сближающие тасманийцев с австралийцами.

На общую исходную антропологическую основу, на которой происходил процесс формирования и дифференциации современных австралийцев, папуасов и меланезийцев, указывает то обстоятельство, что морфологические различия между этими тремя расовыми группами сравнительно невелики и между ними наблюдаются многочисленные переходы. Сходство некоторых антропологических признаков у папуасов и австралийцев отмечал еще Н. Н. Миклухо-Маклай. По целому комплексу архаических особенностей — обильному развитию третичного волосяного покрова, форме носа, сильно выступающим надбровным дугам и некоторым другим — сходны с австралийцами и отдельные группы меланезийцев; особенно это относится к аборигенам Новой Каледонии. Еще Ф. Саразин отметил, что у детей новокаледонцев до 5—8 лет волосы не курчавые, а волнистые, как у австралийцев, и притом довольно светлые, что тоже нередко наблюдается у австралийских детей. Из этого факта Саразин заключил, что предки новокаледонцев были волнистоволосыми, как австралийцы. А еще раньше Миклухо-Маклай обнаружил, что волосы новорожденных папуасов волнистые, а не курчавые, как у взрослых [16, 335]. Оба эти наблюдения, сделанные независимо в разных районах Океании, указывают на сравнительно позднее образование и папуасского, и меланезийского антропологических типов и их генетическую близость к австралийскому. Этот вывод Саразин был склонен распространить и на тасманийцев. «Я не вижу оснований, — писал он, — почему бы не считать австралийцев, тасманийцев и меланезийцев за близкородственные, но в различной степени развитые и по многим признакам специализированные ветви одного и того же племени» [217, 22].

Особого внимания заслуживают выводы К. Вагнера, к которым он пришел после изучения большой серии австралийских, меланезийских и тасманийских черепов.

По его убеждению, все эти народы — ветви единого расового ствола, локальные варианты, образовавшиеся с течением времени в итоге взаимного географического разобщения. Подобно Саразину, Вагнер выделяет большую австралоидно-меланезийскую группу типов, включающую тасманийцев, австралийцев, меланезийцев и папуасов Новой Гвинеи [261, 7—193].

Согласно В. П. Алексееву, тасманийская и австралийская локальные расы, наряду с меланезийской и некоторыми другими, входят в австралоидную ветвь западного евро-африканского ствола [2].

Если это так, если и тасманийцы, и меланезийцы, и австралийцы — равно ветви единого протоавстралоидного ствола, то этим, очевидно, и объясняется наличие у тасманийцев антропологических признаков, сближающих их с меланезийцами.

Как отмечают В. В. Бунак и С. А. Токарев, тасманийцев объединяет с меланезийскими типами лишь общее направление дифференциации признаков. В деталях отдельные типы Меланезии отличаются от тасманийцев. «Остается сделать вывод, — пишут далее авторы, — что тасманийцы принадлежат к особой, четвертой (наряду с папуасами, собственно меланезийцами и низкорослыми вариантами меланезийской расы. — В. К.) разновидности обширной группы курчавоволосых племен, отделившейся от общего ствола до того, как дифференцировались другие варианты, и сохранившей некоторые особенности древнего типа» [23, 503].

Признавая, что по форме волос тасманийцы близки к меланезийцам, Г. Ф. Дебец в то же время отмечал, что «краниологически тасманийский тип характеризуется исключительно малыми размерами высоты лица и мозговой коробки, что создает особую комбинацию признаков, на основании которой тасманийский тип следует признать стоящим не ближе к меланезийскому, чем к австралийскому» [5, 80]. Изучая тасманийский остеологический материал, Н. Макинтош и Б. Баркер убедились, что отличить тасманийский череп от австралийского — задача значительно более трудная, чем полагали до сих пор [161, 11]. Д. Бакстон, один из сторонников концепции первичности протоавстралоидного типа, писал, что краниологически тасманийцы обнаруживают известное сходство с аборигенами Виктории, ближайшей к Тасмании области австралийского континента [57, 343—

350]. Близость тасманийских черепов к черепам австралийцев отмечал и К. Герхардт [96, 277—489].

Беспорные палеоантропологические материалы раскопок, на основании которых можно было бы судить об облике древних тасманийцев, до недавнего времени отсутствовали. Единственной находкой такого рода был человеческий зуб — нижний правый второй моляр, вероятно, взрослого мужчины, найденный в 1964 г. на глубине 2 футов в непо потревоженной толще раковинной кучи у м. Западного, на северо-западе Тасмании. Его размеры совпадают с размерами как тасманийских, так и австралийских моляров — у тасманийцев и австралийцев зубы одинакового размера [161, 56—68]. Таким образом, единственным источником сведений об антропологическом типе тасманийцев были сохранившиеся в музеях черепа и посткраниальные скелеты, а также описания, измерения и портреты тасманийцев, оставленные современниками. Насколько известно, все черепа в коллекциях принадлежали аборигенам, умершим после 1803 г., т. е. после начала колонизации острова. И лишь в 1960-х годах у м. Западного на северо-западе Тасмании были найдены новые скелетные материалы, первые результаты исследования которых опубликованы А. Торном в 1971 г. Это неполные скелеты примерно восьми индивидуумов, выявленные главным образом на месте погребальных костров [245].

Продолжающаяся уже 200 лет дискуссия о месте тасманийцев среди других расовых групп, о их происхождении не прошла мимо исследователей, опирающихся на антропологические материалы. Тогда как П. Топинар, Дж. Дэвис и А. Катрфаж находили черепа тасманийцев настолько своеобразными, что отказывались установить их родство с какой-либо ныне существующей расой [250, 307—329; 79; 207, 235], У. Флауер считал их группой, родственной меланезийцам, но пришедшей через Австралию [88], Т. Гексли видел в тасманийцах потомков азиатских негроидов, расселившихся через Меланезию [119], а некоторые другие антропологи XIX — начала XX в. полагали, что по своим краниологическим особенностям тасманийцы наиболее близки к австралийцам и являются их специализированным типом [197; 83, 177—181]. В то время как Г. Базедов утверждал, что тасманийцы — просто «островной тип австралийцев» и что они различаются в основном лишь тем, что тасманий-

ские черепа шире австралийских, а волосы у тасманийцев вьются сильнее, но что эти различия появились уже после и в результате изоляции Тасмании от Австралии [40, 175—227], Ф. Лушан решительно возражал ему, настаивая на меланезийском происхождении тасманийцев [159, 287—289]. Вместе с тем Лушан высказал мысль о происхождении австралийцев и меланезийцев от общих предков, следовательно, его взгляды гораздо ближе к нашей концепции, чем представляется на первый взгляд.

По мнению Г. Клаача, тасманийцы и австралийцы — две ветви, выросшие из общего корня и разошедшиеся на очень ранней стадии развития. Антропологически тасманийцы наиболее близки к аборигенам Западной и Южной Австралии. Основные признаки австралийских и тасманийских черепов совпадают, а различия между ними объясняются длительной изоляцией тасманийцев [138, 875—920].

Большой вклад в сравнительное изучение тасманийского антропологического материала внес У. Тернер. Он пришел к выводу, что тасманийцев нельзя считать прямыми потомками меланезийцев, что, скорее всего, они произошли от азиатских негритосов, когда-то населявших Австралию. В то же время Тернер признавал, что тасманийцы во многом отличаются от негритосов, что объясняется продолжительной изоляцией тасманийцев на их острове. Тернер считал, что многие черепа аборигенов Южной и Западной Австралии характеризуются особенностями, указывающими на отдаленное родство с тасманийцами [254, 365—403; 255, 411—454; 256, 309—347]. Подобно Тернеру, гипотезу о происхождении тасманийцев от азиатских негритосов, которые некогда населяли Австралию, высказал позднее Дж. Вупдерли [271, 198—202; 272, 121—123; 273, 305—340]. Напротив, Э. Жене-Варсен в статье о негритосах Филиппин утверждала, что тасманийцы настолько отличны от негритосов, что рассматривать их как потомков негритосов или группу родственных типов невозможно [95, 220—226].

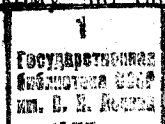
В прошлом исследователи усматривали в австралийских и тасманийских черепках довольно много черт, различающих их, но по мере сравнительного изучения черепов антропологи находили все меньше таких черт [161, 26]. Одним из таких исследователей был Г. Серд-

жи, подобно некоторым своим предшественникам признавший общность происхождения тасманийцев и австралийцев [226, 201—232]. На основании сходства тасманийских черепов с австралийскими Серджи предположил, что аборигены Тасмании пришли из Юго-Восточной Австралии по сухопутному мосту, который когда-то связывал их [227, 249—253]. По мнению Серджи, тасманийцы сохранили в изоляции свой древнейший антропологический тип, тогда как австралийцы утратили его, смешавшись с другими расами. К таким же выводам пришли в итоге сравнительного изучения тасманийских и австралийских черепов Р. Берри и А. Робертсон [42, 144—149; 43, 122—126; 44, 17—40].

Но почти одновременно с ними выступил Р. Пёх с теорией, согласно которой ближайших родственников тасманийцев следует искать среди протомеланезийцев [205, 37—91]. Однако его же данные показывают, что половина приводимых им признаков тасманийского антропологического типа совпадает с признаками австралийского типа. У тасманийцев голова шире, головной указатель выше, орбиты ниже, почти все остальные признаки совпадают. Тот же результат был получен Берри и Робертсоном.

Дж. Морант, отобрав для сравнительного анализа данные по 300 австралийским и 98 тасманийским черепам, пришел к выводу, что, хотя тасманийские черепа в целом шире и короче австралийских и поэтому тасманийцев и австралийцев нельзя рассматривать как две близко родственные группы, «они принадлежат, без сомнения, к одному семейству рас» [178, 417—440].

В первой трети нашего столетия наибольший вклад в изучение тасманийского краниологического материала внес американский антрополог А. Грдличка. Изучив не менее представительную, чем Дж. Морант, серию тасманийских черепов и сравнив их с австралийскими черепами, Грдличка отметил большую ширину головы, более низкое лицо, более широкие и короткие нос и небо, более низкий свод черепа у тасманийцев по сравнению с австралийцами. Другие признаки тасманийских и австралийских черепов очень близки или совпадают. В отличие от Моранта, Грдличка пришел к выводу, что тасманийцы и австралийцы являются представителями одной и той же расы. «Тасманийский тип не тождествен австралийскому, но он настолько близок к последнему, что

может быть признан близкородственным и, вероятно, просто локальным вариантом австралийского типа, его подтипом... Тот и другой можно рассматривать как представителей одной и той же расы» [118, 90]. Краниологические различия между тасманийцами и австралийцами, по мнению Грдлички, не слишком велики и объясняются не различным их расовым происхождением, а разными условиями среды. Тасманийцы антропологически более однородны, чем австралийцы, но это следствие большей изолированности тасманийцев и того, что они расселены на сравнительно небольшой территории.

Ни Грдличка, ни ранее Тернер не обнаружили особой антропологической близости между тасманийцами и новокаледонцами. Их исследования опровергают теорию новокаледонского происхождения тасманийцев. Несмотря на это, в 1930-х годах с теорией меланезийского происхождения тасманийцев вновь выступил Ф. Вуд-Джонс [267, 224—232; 269], а позднее другой австралийский антрополог, Э. Эбби [35].

По мнению К. Вагнера, имя, которого мы уже называли в связи с теорией единой по своему происхождению австралоидно-меланезийской группы типов, тасманийцы антропологически довольно близки к австралийцам, хотя разница между ними все же больше, чем между региональными типами самих австралийцев. Наиболее близки они к аборигенам Западной Австралии, а наименее близки к северным австралийцам. Это мнение, совпадающее с выводом Клаача и Тернера об антропологической близости тасманийцев к аборигенам Западной и Южной Австралии, не случайно: в то время как аборигены Северной Австралии находились в длительном контакте с индонезийцами, а отчасти с меланезийцами и папуасами, аборигены Западной и Южной Австралии сохранили в наибольшей чистоте древние черты австралийского антропологического типа. Отмечая большое сходство австралийских и тасманийских черепов, Вагнер признает вместе с тем наличие таких существенных различий между ними, как более высокий головной указатель и более низкое лицо у тасманийцев [261].

Изучение тасманийских черепов и сравнение их с черепами австралийцев и папуасов Новой Гвинеи привело У. Хэмбли к заключению, что тасманийцы находятся как бы между теми и другими, но все же гораздо

ближе к австралийцам, особенно к аборигенам Западной Австралии [107, 81—290].

По мнению польского антрополога А. Годлевского, в тасманийском антропологическом типе решительно преобладают австралоидные черты, а менее всего прослеживаются признаки пигмейского типа. Между тем существование пигмидов в Тасмании подтверждало бы гипотезу меланезийского происхождения аборигенов острова, так как пигмиды Меланезии представляют, по мнению Годлевского, архаический слой ее населения [102, 292—308]. Даже Дж. Бердселл, который вопреки очевидным фактам [141, 62—69] считает, что австралийцы произошли от смешения трех расовых компонентов, причем древнейшим были океанийские негроиды, вторым — «муррейцы», а последним — «карпентарианцы», и что тасманийцы произошли от смешения двух рас — негроидов и «муррейцев», усматривает в тасманийском антропологическом типе преобладание «муррейского» (южноавстралийского) элемента. Второй элемент — негроидный — значительно уступает первому [45, 105—122].

Австралийский антрополог Н. Макинтош до недавнего времени также был склонен рассматривать антропологический тип тасманийцев как продукт смешения различных расовых компонентов, но — и в этом его отличие от Бердселла — как компонентов, ведущих происхождение от общего расового ствола. При сравнении тасманийских и австралийских черепов выявляется значительно больше сходных черт, чем черт, разделяющих их [161, 55, 66—67]. В прошлом Макинтош допускал, что тасманийцы могли прибыть на свой остров морем из Меланезии [160, 123—144], но теперь он отказался от этой гипотезы. Макинтош склонен рассматривать тасманийцев как результат микроэволюционных процессов в небольшой популяции, изолированной от Австралии в течение многих тысячелетий [142, 12—13]. Таким образом, и во взглядах одного из самых авторитетных современных антропологов произошла эволюция в направлении рационального решения тасманийской проблемы, наиболее согласного с фактами.

Другой австралийский антрополог, А. Торн, считает тасманийцев локальным вариантом аборигенов Южной Австралии, отделившимся от последних после образования Бассова пролива. Различия между теми и другими в форме волос, цвете кожи, пропорциях тела и особен-

ностях черепа наряду с другими чертами вполне объяснимы, по его мнению, воздействием среды и генетическими механизмами. Выводы Торна основываются на скелетных материалах из недавних археологических раскопок на северо-западном берегу Тасмании. Материалы эти предшествуют европейской колонизации более чем на 1 тыс. лет. Морфологически они очень напоминают материалы из Нового Южного Уэльса, относящиеся к недавнему прошлому, и не обладают некоторыми типичными тасманийскими чертами, хотя, несомненно, принадлежат тасманийцам [245, 317—319]. Следовательно, антропологические особенности тасманийцев сформировались уже на территории острова.

Наконец, У. Хауэллс считает, что тасманийцы отличаются от аборигенов Австралии настолько незначительно, что их можно рассматривать как «австралийцев, частично модифицированных смешением с курчавоволосыми меланезийцами» [116, 75—76].

Таковы в общих чертах антропологические концепции происхождения тасманийцев и их места в расовой систематике. Бесспорно, истина, даже в науке, не отыскивается большинством голосов. И все же не может не обратить на себя внимание тот факт, что большинство исследователей пришли к заключению: тасманийцы настолько близки к австралийцам, что либо произошли вместе с австралийцами от общего расового ствола и представляют ту же расу (Оуэн, Дакуорс, Клаач, Базедов, Серджи, Берри, Робертсон, Грдличка, Вагнер, Торн и др., а в известной мере также Макинтош), либо принадлежат вместе с австралийцами к родственной группе рас (Морант, Хэмбли, Алексеев), либо являются продуктом смешения различных расовых компонентов, среди которых, однако, черты австралоидного явно преобладают (Годлевский, Бердселл, Хауэллс). Сравнительно немногие антропологи ведут родословную тасманийцев от меланезийцев (Гексли, Флауер, Лушан, Пёх, Вуд-Джонс, Эбби) или негритосов (Тернер, Вундерли). Некоторые вообще отказались от окончательного суждения о родстве тасманийцев с какой-либо существующей в настоящее время расой (Топинар, Дэвис, Катрфаж).

Подводя итоги антропологическому изучению тасманийцев за столетие, мы можем сказать вслед за Макинтошем и Баркером, что среди современных исследователей нет расхождений во мнениях относительно того, в

Портрет тасманийца
с рубцами на теле

чем тасманийские черепа отличаются от австралийских, а в чем они сходны. Это избавляет нас от необходимости еще раз рассматривать тасманийские и австралийские краниологические материалы. Расхождения начинаются на уровне интерпретации фактов. Дискуссия идет вокруг вопроса о том, дают или не дают эти факты основание для того, чтобы отделять тасманийцев от австралийцев.

Наша точка зрения, изложенная выше, находит подтверждение и в других фактах. Так, курчавые волосы тасманийцев — главное, что, по мнению многих авторов, отличало их от австралийцев и сближало с негроидами, — не очень походят на типичные «шерстистые» волосы негроидов. Тасманийцы-мужчины нередко закручивали волосы в локоны длиной до 15 см. На старых портретах с натуры можно видеть мужчин-тасманийцев, волосы которых длинными прядями спускаются на лоб, на глаза, свисают до плеч. О длинных волосах у некоторых тасманийцев пишет Дж. Уэст [264, т. 2, 77]. Г. Фриденталь, сравнивая волосы тасманийцев с волосами представителей других рас, обнаружил, что первые длиннее, чем

волосы других курчавоволосых групп [90, 49—56]. У женщин, напротив, существовал обычай коротко стричь волосы; не случайно на некоторых портретах изображены тасманийки с короткими волосами. Часть ранних авторов пишет, что волосы у тасманийцев не курчавые, а, скорее, вьющиеся [152, 11]. Вероятно, здесь встречались и прямые или слегка волнистые волосы. В этом отношении тасманийцы ближе к аборигенам Австралии, среди которых курчавые волосы, наряду с преобладающими повсюду волнистыми и прямыми, встречаются совсем не редко, а, главное, повсеместно; об этом свидетельствуют многочисленные сообщения, начиная с самых ранних, относящихся еще к XVII в. А широкое распространение курчавых волос у австралийцев, в том числе на юге и западе континента, в областях, наиболее удаленных от контакта с другими народами, говорит о том, что это не результат примеси меланезийской или папуасской крови, а одна из древнейших особенностей австралийского антропологического типа. Подобно австралийцам, тасманийцы обладали обильным волосным покровом не только на лице, но и на груди и других частях тела [152, 12].

Дж. Вундерли (и не он один) справедливо писал о том, что при решении вопроса о происхождении того или иного расового типа не следует придавать чрезмерного значения какому-нибудь одному антропологическому признаку. Это относится и к волосам тасманийцев [271, 200—201]. Одного этого признака недостаточно, чтобы отрицать родство между австралийцами и тасманийцами и сближать последних с негроидами.

Тасманийцев сближают с австралийцами и отдельные случаи светловолосости [206, 186]. Существует мнение, что это результат либо искусственного окрашивания волос (практикуемого, например, меланезийцами), либо метисации. Но можно найти и иное объяснение. Известно, что у чистокровных аборигенов из различных этнических групп Австралии, особенно у женщин и детей, спорадически встречаются светлые волосы; с возрастом они темнеют. Причем светлые волосы характеризуют не группу в целом, но лишь отдельных ее представителей. Доказано, что этот признак не связан здесь ни с примесью европейской крови, ни с окрашиванием, ни с альбинизмом, ни с какими-либо внешними факторами; скорее всего, он является наследственным. Не такого ли

происхождения и отмеченные случаи светловолосости у тасманийцев?

Сближал тасманийцев с австралийцами и цвет кожи, который варьировал у тасманийцев от красновато-коричневого до темно-шоколадного, почти черного. Таким же колебаниям были подвержены и другие антропологические признаки. О большом сходстве аборигенов из некоторых тасманийских племен с австралийцами писал в прошлом веке Броу Смит [234, т. I, 12; т. II, 379].

О тасманийцах обычно говорят как о людях очень низкого роста. На деле же тасманийцы, подобно австралийцам, имели нормальный рост. По данным Линг-Рота, средний рост тасманийцев — 166 см [152, 193]. Эбби измерил посткраниальные скелеты тасманийцев, хранящиеся в Тасманийском музее и ранее не изучавшиеся; длина некоторых из них превышала 180 см [34, 49—62]. Имеется также несколько измерений, сделанных на живых и мертвых тасманийцах. Мы уже упоминали о том, что тасманиец, которого измерили участники экспедиции капитана Марион-Дюффрена в 1772 г., имел рост 170,5 см. В 1792 г. спутники капитана Д'Антраксто измерили двух тасманийцев; рост мужчины был 170,5 см, женщины — 163,8 см. В 1802 г. Перон измерил 14 аборигенов; средний рост их был 170,5 см, причем один из тасманийцев достигал 179 см. В 1830-х годах были измерены тасманийцы, вывезенные на о-в Флиндерс (37 мужчин и 37 женщин); средний рост мужчин был 164 см, женщин — 154 см [202, 4; 91, 15]. Имеются сообщения об аборигенах ростом 180 см и более [152, 9; 269, 16]. Так, Робинсон упоминает в своем дневнике нескольких аборигенов, рост которых достигал 180 см; среди них была одна женщина [91, 137, 321, 622, 770]. В общем можно сказать, что средний рост тасманийцев не отличался существенно от среднего роста австралийцев, который почти всюду на континенте составляет 165—168 см [10, 84].

Имеются, правда, сведения о том, что аборигены западного побережья Тасмании были несколько выше остальных тасманийцев. Причина этого не совсем ясна. Вундерли видит ее в примеси австралийской крови: возможно, еще до начала систематической колонизации острова аборигенов Австралии привозили в Тасманию китобой и тюленепромышленники [272, 121—123]. О возможном смешении тасманийцев с австралийцами в

начале XIX в. пишет и Вуд-Джонс [268, 52—53]. Представляется, однако, что эти отклонения роста — скорее одно из проявлений внутригрупповой изменчивости, объясняемой крайней ограниченностью контактов между аборигенами востока и запада Тасмании вследствие природных условий (см. гл. 1). Но физические различия между аборигенами востока и запада в целом были очень незначительны и не нарушали впечатления антропологической однородности, гомогенности тасманийцев, о которой пишут тот же Вундерли и другие авторы.

Подобно австралийцам, тасманийцы отличались необычайной приспособленностью к жизни в условиях низких температур. Об этом пишут многие ранние авторы, которых поражало, как среди холодной зимы, не только днем, но и ночью, когда становится еще холоднее, тасманийцы, и мужчины, и большинство женщин, обходились совершенно без одежды и часто спали на земле под открытым небом [152, 16]. Физиологическая приспособленность к холоду, способность организма переносить резкие смены температур, несомненно, свидетельствуют об очень длительном пребывании тасманийцев в тех условиях, в которых их застали европейцы.

Среди современных методов исследования генезиса народов одним из наиболее перспективных является изучение групп крови и других относительно устойчивых наследственных факторов. Наибольшие результаты можно было бы ожидать от микросерологических исследований на тасманийских скелетах, но о таковых нам ничего не известно. Изучение небольшой группы метисов, потомков тасманийцев, австралийцев и белых китобоев и тюленепромышленников, живущей ныне на о-ве Кейп-Баррен в Бассовом проливе, показало, что по соотношению групп крови в системах ABO и MNS тасманийцы не отличались существенно от аборигенов Австралии [47, 81—82, 89]. Это — еще один, притом очень важный, аргумент в пользу гипотезы о генетической близости тасманийцев и австралийцев.

Против все еще высказываемого иногда мнения о приходе тасманийцев с Новой Каледонии говорит и такой факт. По данным радиоуглеродного анализа, Новая Каледония населена около 3100 лет, причем уже самое раннее население этого острова было по своей культуре неолитическим и делало керамику, которой тасманийцы никогда не знали [230, 6, 14]. Возраст на-

селения и остальной Меланезии не больше. Только на Новой Гвинее человек появился почти так же давно, как и в Австралии, но через Новую Гвинею, вероятно, проходил один из путей заселения австралийского континента. Логично ли предполагать, что люди пришли в Тасманию — заселенную на несколько тысячелетий раньше Меланезии. — из Меланезии, где человек появился значительно позже?

Если тасманийцы являются ветвью австралийцев, то чем же объяснить очевидное, всеми признаваемое своеобразие тасманийского типа в отношении некоторых антропологических признаков? Наиболее правдоподобным объяснением является указание на роль географической изоляции, в которой оказались тасманийцы на протяжении многих тысячелетий после отделения Тасмании от Австралии. Известно, что изоляция, какими бы причинами она ни была вызвана, ведет к антропологическому своеобразию изолятов. Большая роль принадлежит здесь так называемому генетическому дрейфу, вследствие которого после отделения от крупной популяции небольшой части, генофонд которой отличался некоторым своеобразием, соотношение генотипов изменяется [19]. «Дрейф генов имеет место в небольших популяциях, или изолятах, образовавшихся под влиянием географических, религиозных или социальных факторов... В небольших популяциях частота одного гена случайно может оказаться очень высокой. Подобные случаи часто встречались в прошлом, когда численность населения Земли была мала и люди жили небольшими группами... Если несколько семей, случайно отличающихся по своим генам от родительской популяции, заселяют свободную территорию, то происходящая от них популяция будет в значительной степени отличаться от исходной» [14, 170]. Именно это, по всей вероятности, и произошло с тасманийцами. Вполне возможно, что фенотип (весь комплекс морфо-физиологических признаков) той небольшой группы палеоавстралийцев, которая начала освоение будущей Тасмании, тогда еще части континента, характеризовался преобладанием свойственных позднейшим тасманийцам особенностей — курчавых волос, тенденции к мезокефалии и некоторых других. Все эти особенности выборочно наблюдаются и у коренного населения Австралии; они были свойственны ему, очевидно, и в глубокой древности. Вот эти-то особенности в

условиях продолжительной изоляции сравнительно малочисленной группы людей и сформировали под воздействием генетического дрейфа знакомый нам антропологический тип тасманийца. Времени для этого было вполне достаточно — ведь тасманийцы развивались в условиях изоляции не менее 8 тыс. лет. А согласно существующим расчетам, сдвиги в распределении отдельных признаков происходят в изолятах на протяжении жизни примерно 50 поколений. «Если считать для человека промежутки между поколениями равными 25 годам, то необходимо около 1250 лет для того, чтобы в результате генетического дрейфа произошли существенные изменения в частоте расовых признаков и их сочетаний, а следовательно, и в общем расовом облике изолированных групп населения» [31, 147].

Процессы внутрирасовой дифференциации, наблюдаемые на австралийском континенте, в еще большей степени должны были затронуть население Тасмании, отрезанное от материка на протяжении тысячелетий. «Дифференциация наследственного состава популяций под действием генетико-автоматических процессов особенно успешна в малых популяциях, поэтому они являются главным, что составляет генетический эффект при изоляции малых популяций... Генетико-автоматические процессы отчетливо протекают при организации новых поселений, когда отдельная популяция в качестве случайной выборки выделяется из большой популяции и заселяет новые районы. Таких примеров много в генетике популяций человека», — пишет Н. П. Дубинин. Далее, говоря о микрогеографических расах, он указывает, что их появление обязано действию генетико-автоматических процессов (или генетического дрейфа) и «коренится в особенностях заселения и длительной изоляции отдельных популяций» на данной территории [6, 347—348]. Поэтому очень возможно, что тасманийская локальная, или микрогеографическая, раса образовалась в итоге генетико-автоматических процессов внутри небольшой группы палеоавстралийцев, попавших в Тасманию еще в плейстоцене и затем надолго отрезанных и от Австралии, и от остального мира. Коренное население Тасмании — редкий пример совпадения границ расы, антропологического типа и этноса, и в этом его особый интерес для науки. Тасмания — своего рода лаборатория, где, доживи тасманийцы до наших дней, можно было бы изучать сочетание

или параллельное действие генетической и социальной изоляции.

Австралия и Тасмания были заселены протоавстралоидами, древнейшим исходным типом коренного населения всей Юго-Восточной Азии и Океании. По мере освоения огромного австралийского континента и расселения по географически изолированным регионам внутри единой по своему происхождению австралийской расы возникали локальные различия. Данные антропологии и генетики, в частности результаты серологических исследований, противоречат широко распространенному мнению о смешанном происхождении австралийцев и свидетельствуют о их расовой однородности [10, 74—106]. То же относится и к тасманийцам. Их антропологическое своеобразие, как и своеобразие некоторых других групп коренного населения Австралии, обусловлено не особым их происхождением, а географической и биологической изоляцией от остального населения Австралии, с которым они когда-то составляли одно целое.

ПРОШЛОЕ ТАСМАНИЙЦЕВ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выше уже говорилось, что научная традиция долго и упорно смотрела на тасманийцев как на типичных представителей древнего каменного века, как на самых примитивных людей на земле. Для этого были основания: каменные орудия тасманийцев действительно напоминают палеолитические орудия Европы и других частей света. В первом издании своей книги «Древние охотники» У. Соллас сравнивал каменные орудия из Тасмании с эолитами — «орудиями зари», древнейшими каменными орудиями на земле, и лишь позднее он сопоставил их с орудиями мустьерскими, среднепалеолитическими. С древнейшими каменными орудиями Европы отождествлял тасманийские орудия и Г. Клаач. Одним из самых характерных орудий тасманийцев он считал «универсальное орудие», оббитое по всему краю с одной стороны — типичное орудие раннего и среднего палеолита, «аморфолит», по терминологии Ф. Нетлинга [189, 1—37]. Но Клаач отмечает также наличие в Тасмании разнообразных и более специализированных инструментов — круглых и полукруглых скребков, нередко с одной, двумя и более выемками; орудий с заостренными выступами, напоминающих сверла [20, 474—475; 139, 407—428].

Э. Тэйлор, один из классиков этнографии, в статье «О тасманийцах как представителях палеолитического человека» называл аборигенов Тасмании «живыми представителями раннего каменного века». Каменная индустрия тасманийцев стояла, по его мнению, на уровне мустье или даже еще ниже, на уровне раннего палеолита. Нет никаких данных, утверждал Тэйлор, что куль-

тура тасманийцев находилась когда-либо на более высоком уровне; очевидно, они сохранились на периферии ойкумены в том первобытном состоянии, которое было свойственно и их далеким предкам [257, 147—149].

Ф. Нетлинг, изучив каменные орудия тасманийцев и приемы их обработки, стремился подтвердить свою общую оценку тасманийской каменной техники как «археолитической» [190, 197—207; 193, 265—278]. По его мнению, каменные орудия тасманийцев были исключительно универсальными, и доказательство этого он видел в том, что все орудия из камня тасманийцы называли одним словом — «тронатта» — или его вариантами [191, 199—208]. Если бы все орудия тасманийцев были универсальными, то в этом и в самом деле можно было бы усмотреть проявление крайней примитивности тасманийской техники, но это не так: универсальными были далеко не все орудия тасманийцев, здесь уже возникла специализация.

Столь же ошибочна и модернизация тасманийской каменной техники, сближение тасманийских орудий с раннеолитическими «макролитами», как это сделано в книге «Народы Австралии и Океании» [18, 275].

Г. Бальфур в статье «Место тасманийцев среди народов каменного века» писал, что тасманийцы являются, вероятно, единственным народом, о котором можно сказать с уверенностью, что он оставался до самого последнего времени на палеолитической ступени культурного развития «в самом строгом смысле этого слова» [38, 1—15; 39, 314—322; 25, 17]. Однако, в отличие от своих предшественников, Бальфур видел в тасманийской каменной технике черты, свойственные не только среднему, но и позднему палеолиту. Те и другие представлены здесь в комплексе, они не сменяют последовательно друг друга, а сосуществуют, что, как известно, одна из характерных особенностей и каменной индустрии австралийцев. Позднее на эту особенность тасманийской индустрии обратил внимание и К. Фюрер-Хаймендорф. Но еще в середине XX в. А. Брейль находил в ней типичные черты преимущественно европейского мустье, правда, при незначительных, отдаленных аналогиях с ориньяком — он относил последние к технике ретуши скребков некоторых типов [54, 37—42].

Какие же орудия были самыми употребительными в хозяйстве тасманийцев? Разнообразное применение на-

лодили чопперы — крупные орудия из ядрищ или на отщепях, обработанные грубыми сколами с одной поверхности, и чоппинги, тоже грубые рубящие орудия, частично оббитые с двух сторон. В отличие от широко распространенных чопперов, чоппинги встречаются лишь местами на восточном и западном побережьях. Но самыми характерными орудиями тасманийцев были скребки. Их значение было очень велико, так как они служили для изготовления и обработки основного деревянного охотничьего и боевого оружия тасманийцев — копий и палиц.

По словам Дж. Бонвика, обычными каменными орудиями мужчин были топор и нож, причем топор был отесан с одной стороны и отличался от пожа или скребка только величиной [49, 44—45]. Топорами срубали деревья, которые шли на изготовление деревянного оружия, снимали кору для хижин, разбивали особенно твердые раковины моллюсков. Ножами вскрывали раковины и заостряли копья, — их острия затем обжигали на огне, чтобы придать им твердость, — вырезали палицы и производили множество других операций. Ножами свеживали убитое животное и разрезали его мясо. Когда тасманиец вспарывал шкуру, он держал нож большим и указательным пальцами и быстрым движением направлял орудие к себе, как делают и австралийцы. Ножами срезали волосы на голове у женщин и делали рубцы на теле мужчин.

Женщины всегда носили с собой небольшие каменные орудия, с помощью которых взбирались на деревья, делая в стволах зарубки для пальцев ног. Эти же орудия служили и для других целей — например, для обработки шкур.

По словам Тэйлора и многих других авторов, никто не видел, чтобы тасманийцы шлифовали каменные орудия, как, например, делали австралийцы, затачивая рабочие края каменных топоров. Широко распространено мнение, будто тасманийцы не прикрепляли каменные орудия к рукоятям и во время работы держали их непосредственно в руке. Если это так, австралийцы и здесь ушли далеко вперед. Но как мы увидим дальше, некоторые факты заставляют сомневаться в том, что тасманийцы никогда не шлифовали каменные орудия и не пользовались орудиями на рукоятях.

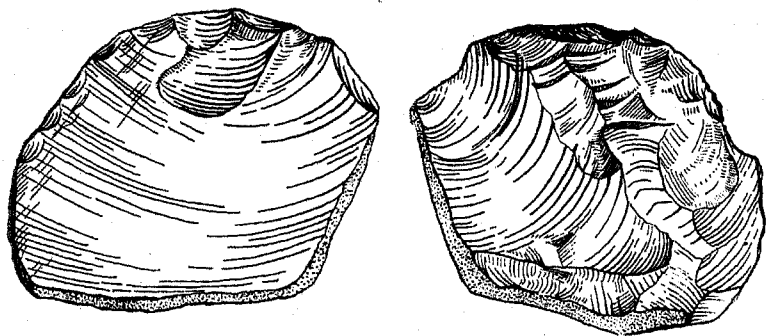
Широко распространено мнение, что тасманийцы не

применяли отжимную ретушь, что каменные орудия они обрабатывали только оббивкой. Позднейшие исследования, однако, показали, что тасманийцам была знакома и техника отжимной ретуши, хотя применяли они ее редко. Исследователи считали, что тасманийцы не знали орудий на пластинах, характерных для позднего палеолита, но оказалось, что такие орудия — правда, на коротких пластинах — у них были. Верно, впрочем, что большинство тасманийских орудий сделано на отщепках, сколотых с дисковидных нуклеусов. Немногочисленные призматические нуклеусы коротки и никогда не достигают длины нуклеусов позднего палеолита. Односторонняя обработка характерна для тасманийских орудий. Но даже в тех случаях, когда обработаны обе стороны, оббивка рабочего края, по наблюдениям Нетлинга, никогда не бывает двусторонней [190, 205—206].

При обработке орудия тасманийцы старались сделать его таким, чтобы им было удобно пользоваться, удерживая его непосредственно в руке, чтобы оно соответствовало величине и форме руки [223, 365]. Это говорит о сравнительно высоком уровне техники обработки камня. Наряду с этим тасманийцы разбивали камень на куски просто ударом о скалу или о другой камень, а затем отбирали осколки с острыми краями, которыми пользовались, не подвергая их дальнейшей обработке. По рассказам очевидцев, тасманийцы подбирали с земли любой камень, иногда частично или по всему краю оббивали его другим камнем, чаще всего с одной стороны, и пользовались им. Но очевидцы сообщают и о том, как тасманийцы терпеливо, часами обрабатывали каменные орудия. Эти противоречивые сообщения — свидетельство того, что тасманийская техника изготовления каменных орудий сочетала в себе явления и глубоко архаичные, и прогрессивные, но последние нередко ускользали от постороннего взгляда.

Помимо камня тасманийцы использовали для изготовления орудий окаменелое дерево. Инструментами из этого материала они обрабатывали копья, разделяли убитых животных [91, 514, 517]. Ископаемое дерево использовалось для изготовления орудий и палеолитическим населением Бирмы.

Существовали многочисленные карьеры и мастерские по изготовлению каменных орудий, усеянные обломками камней и заготовок [152, 149—152]. Часто излюбленный

Скребло на крупном отщепе (наибольшая длина 11 см, ширина 10 см)
 (из коллекции Музея антропологии и этнографии, Ленинград,
 № 3707—30)

материал для орудий или готовые изделия люди приносили издалека, порою из мест, удаленных на сотни миль [238].

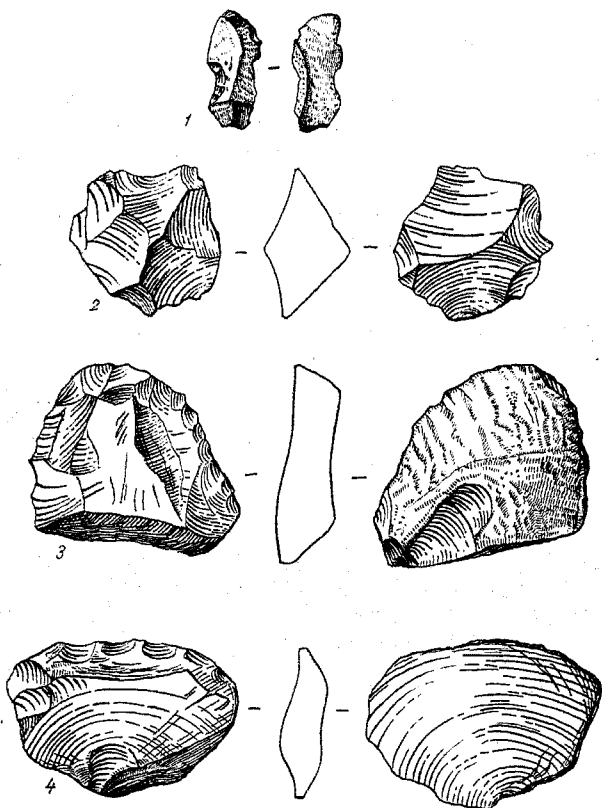
Очень интересен в дневниках Дж. Робинсона рассказ об изготовлении женщинами каменных орудий с помощью огня. Куски особенно твердого гранита, ценившегося аборигенами за прочность и гладкую поверхность, использовались для растирания красной охры, которой аборигены смазывали волосы. Растиранием охры занимались женщины; почти у каждой было для этой цели по два камня, которым они стремились придать наиболее удобную для работы форму. Для этого они смачивали камень пальцем по направлению будущего разлома, затем клали край камня на раскаленные угли и, постукивая по нему другим камнем, раскалывали в нужном направлении [91, 897]. Здесь замечательно все: и способ раскалывания камня, бесспорно очень архаичный, и то, что его применяли женщины. Австралийцы также пользовались огнем для раскалывания камня [8, 29], и в этом отношении, как и во многих других, оба народа поразительно близки. Но у австралийцев изготовление каменных орудий было, как правило, прерогативой мужчин. Изготовление женщинами каменных орудий — пусть не всех, а лишь тех, которыми они будут пользоваться сами, — следует отнести к какому-то иному, возможно, еще более древнему культурному пласту. Группа тасманийских женщин, в начале XIX в. вывезенная тюленепромышленниками в качестве рабынь на не-

обитаемый о-в Кенгуру, и там продолжала изготавливать каменные орудия [247, 29—37].

Каменная индустрия Тасмании характеризуется атипичностью, аморфностью, отсутствием устойчивых серий; орудия с трудом поддаются классификации. Т. Кемп попыталась сгруппировать каменные орудия в три большие группы по функциональному принципу: орудия скребущего или скоблящего действия, предназначенные для очистки шкур и сухожилий животных и для обработки деревянного оружия; режущие и рубящие орудия, пригодные для изготовления копий и палиц, разрезания шкур и мяса животных и т. д.; и, наконец, жернова, ступки и наковальни [136, 244].

Более полная и совершенная классификация тасманийских каменных орудий принадлежит Ф. Маккарти [166, 72—81]. Он делит их на две большие группы. В первую группу входят нуклеусы и нуклеидные орудия, т. е. орудия из галек и ядрищ, во вторую — орудия, сделанные посредством скалывания из отщепов или коротких пластин. К первой группе относятся чопперы из галек или кусков камня, оббитые с одной поверхности. Автор отмечает, что ему не известно ни одного орудия, поверхность которого была бы обработана полностью. Почему-то он не упоминает чоппинги, о которых сообщают другие источники. Нуклеидными орудиями рубали заготовки для палиц, срубали молодые деревья для копий или для каркасов хижин, снимали с деревьев кору, которая шла на покрытие хижин и на изготовление лодок.

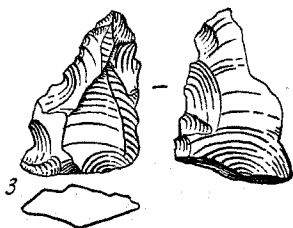
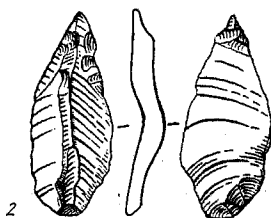
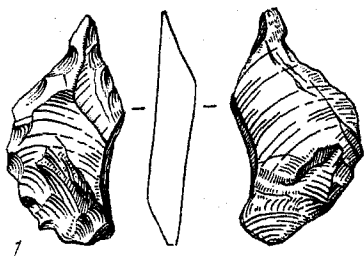
Вторая группа состоит из многочисленных и разнообразных скребков — боковых, концевых, дисковидных, с выемками и жалом и многих других. Скребки с восточного и западного побережий несколько различаются между собой: первые обработаны тщательнее и обладают более острым рабочим краем. Выемчатый рабочий край их очень удобен для обработки древка копья и рукоятки палицы. На одном орудии бывает иногда несколько выемок, сочетающихся с ретушированным выступом — жалом. Выступов различной формы может быть также несколько — до пяти на одном орудии. Острым жалом просверливали отверстия в украшениях из раковин и в накидках из шкур, нарезали желобки на деревянных изделиях (такие желобки покрывают и деревянные изделия австралийцев), делали лунки в инстру-

1 — пластинка с выемкой № 3707-74 (наибольшая длина 3,8 см, ширина 1,7 см); 2 — нуклеус № 3707-62 (наибольшая длина 5 см, ширина 5 см); 3 — скребок № 3707-118 (наибольшая длина 7,5 см, ширина 5,8 см); 4 — скребок № 3707-114 (наибольшая длина 7,7 см, ширина 5,5 см). (Из коллекции МАЭ)

ментах для добывания огня. Орудие с жалом могло быть ножом. Орудия с несколькими выступами особенно часто встречаются в Восточной Тасмании.

В эту же группу Маккарти включает орудия, напоминающие долота *тула* и *баррен*, характерные для Австралии. Особо он выделяет «тасманийскую пластину». Отличительная особенность этого орудия — длинный, тщательно ретушированный рабочий край, прямой или выгнутый. По мнению Маккарти, это — специализи-

1 — проколка № 3707-44 (наибольшая длина 7,7 см, ширина 3,7 см);
 2 — остроконечник № 3707-78 (наибольшая длина 6,7 см, ширина 2,7 см); имеет большое сходство с австралийским орудием типа *пирри* (ср. 10, 184-185); 3 — остроконечник, № 3707-26 (наибольшая длина 5,4 см, ширина 4 см). (Из коллекции МАЭ)

рованное орудие, нож для разрезания мяса. Маккарти сближает его с пластинами из австралийской археологической культуры Гамбир, в свою очередь напоминающими мустьерские скребла.

Наконец, совсем особую группу составляют орудия для дробления и абразивы, отбойники и наковальни, предназначенные для обработки других каменных орудий, жернова, или зернотерки. Одно и то же орудие, входящее в эту группу, могло применяться для самых разнообразных целей, например для растирания охры, размалывания семян и зерен, разбивания орехов, костей и раковин. Большинство орудий сделано из галек. Все они напоминают аналогичные орудия из Австралии. Зернотерки — одно из старейших орудий и на австралийском континенте: возраст одной такой зернотерки,

найденной в Западной Австралии, около 7 тыс. лет [186, 375].

Возможно, что не все каменные орудия тасманийцев были на самом деле орудиями труда. Так, А. Местон высказал предположение, что плоские дисковидные камни с тщательно обработанными краями предназначались для ритуальных целей [173, 265—266].

В 1900 г. была опубликована очень типичная серия тасманийских каменных орудий; многие из них были найдены на месте покинутой стоянки. Особенно много здесь скребков, в том числе с двумя и более выемками и острыми выступами. Орудия этого типа встречаются в большом количестве в Австралии, в культурах, относящихся к раннему периоду истории ее коренного населения. В дискуссии, развернувшейся вокруг этой коллекции, выступил Бальфур. «Самая примечательная особенность этих орудий,— сказал он,— состоит не столько в их грубости и примитивности, сколько в отсутствии среди них более развитых и специализированных форм» [260, 260]. Едва ли это замечание справедливо по отношению к данной коллекции и уж совершенно несправедливо по отношению ко всей каменной индустрии Тасмании.

Утверждение, будто каменные орудия тасманийцев были универсальными инструментами, а специализированных орудий, предназначенных для выполнения строго определенных функций, у них не было, встречается почти во всех работах о тасманийцах. Об этом писали Нетлинг и многие другие [например: 194, 656—661].

Действительно, тасманийские орудия были в основном полифункциональными, т. е. предназначались для выполнения различных трудовых операций. И все же в них видна тенденция к специализации. Она прослеживается по наличию инструментов с режущими краями, остриями, выемками и т. п. различного типа, предназначенных, очевидно, для ограниченного круга операций или, может быть, даже только для одной операции. Специализированными орудиями были выемчатые скребки с жалами, большей частью предназначенные для обработки изделий из дерева. Кроме ножей для сдирания шкур и других целей были ножи с двумя рабочими краями; ими, вероятно, вскрывали раковины моллюсков. Одно такое орудие найдено в раковинной куче на глубине около 1 м. На северо-востоке Тасмании найдены

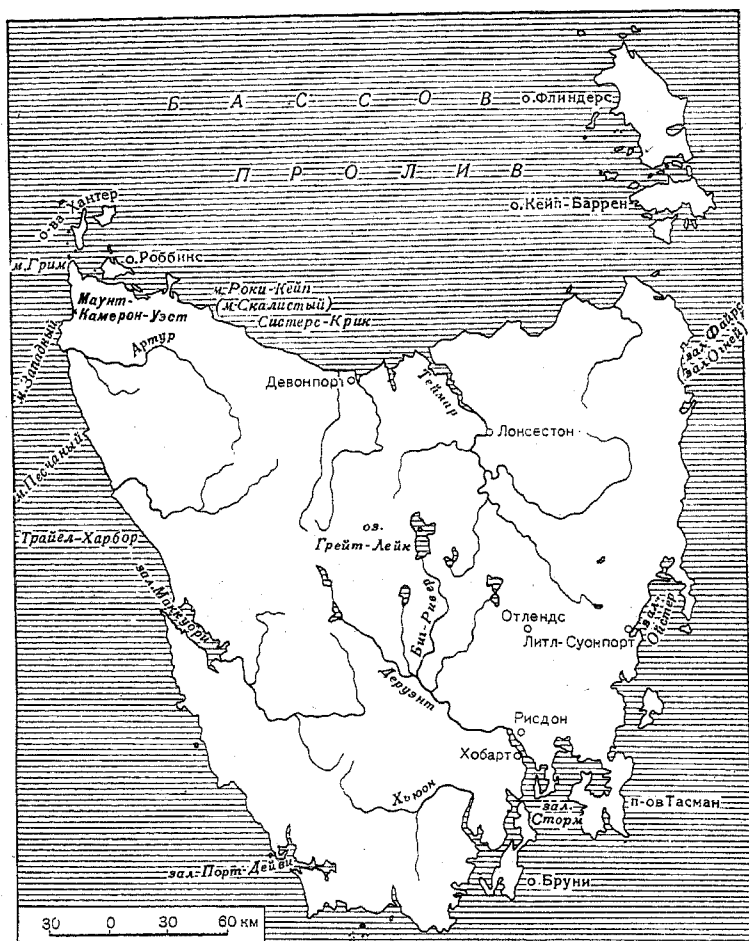
специальные орудия для ретуширования других орудий [55, 691—693]. Специализация прослеживается и в формах многих других каменных инструментов [81, 262; 149, 39—43].

Обращает на себя внимание высокое искусство, с каким сделаны многие орудия, тщательность ретуши; особенно это относится к небольшим орудиям [150, 87—92; 184, 97].

Тенденция к специализации, которую недооценили или просто не заметили прежние исследователи, составляет одну из важнейших особенностей тасманийской каменной индустрии. Эта прогрессивная черта показывает, что культуре тасманийцев был чужд застой, так часто приписываемый ей.

Неподвижной, стабильной представлялась тасманийская культура многим ее исследователям. «Здесь не было никакого заметного сдвига со времени первоначального заселения острова вплоть до начала европейской колонизации в 1803 г.: орудия, найденные в древних горизонтах на побережьях и в раковинных кучах, неотличимы от тех, которые были в употреблении в XIX в.», — писал Д. Дэвидсон [75, 47—48]. Однако уже Н. Тиндейл различал в каменной индустрии тасманийцев два пласта, или две стадии: орудия «древние» и «новые». Первые, как правило, сделаны из отщепов, отбитых от нуклеусов с неподготовленной платформой. В пещере у м. Скалистого, которую Тиндейл посетил в 1936 г., они залегали в наиболее глубоких слоях. Орудия второй группы сделаны на отщепах, отбитых от нуклеусов с заранее подготовленной платформой [247; 248]. Г. Линг-Рот еще в конце прошлого века отмечал среди грубо обработанных орудий наличие отдельных тонко ретушированных экземпляров [152, 145].

Необходимо было продолжать исследования, если возможно, основанные на стратиграфии. Но до середины нашего столетия таких исследований было очень немного. К тому же попытки установить возраст археологических находок с помощью геологических методов давали слишком приблизительные и ненадежные результаты. Так, опираясь на данные геологии, Т. Дэвид пришел к выводу, что тасманийцы появились на своем острове от 20 тыс. до 100 тыс. лет назад [68, 114—150]. Положение изменилось лишь с появлением радиоуглеродного метода. Около 1911 г. начались раскопки в пещере вбли-

Важнейшие упоминаемые географические названия
и археологические местонахождения

зи м. Скалистого на северо-западном побережье Тасмании; они продолжались и в 1930-х годах [175]. В 1960-х годах начались систематические раскопки под руководством Р. Джонса и других археологов у Систерс-Крик, м. Западного и в других местах; продолжались раскопки и у м. Скалистого.

Огромные раковинные кучи, площадь которых дости-

гает порою сотен и тысяч квадратных метров, а толщина — трех и более метров, тянутся вдоль всего побережья Тасмании. Давно уже было высказано предположение, что их распространение и размеры доказывают глубокую древность заселения Тасмании [155, 78—79]. Раскапывая некоторые из них, Джонс установил для Северо-Западной Тасмании наличие трех последовательно сменяющих друг друга археологических комплексов, или стадий [129, 1—12; 130, 359—364]. Был получен целый ряд радиоуглеродных дат.

Древнейший из этих комплексов представлен нижними горизонтами двух пещер — южной и северной — у м. Скалистого. Раковинная куча, заполняющая южную пещеру, имеет толщину свыше 3 м, изобилует культурными остатками и хорошо расчленяется на культурные слои. По словам Д. Малвени, это — одно из самых важных археологических местонахождений Австралии. По данным радиоуглеродного анализа, пещера была населена в течение 5 тыс. лет и покинута около 4 тыс. лет назад [185, 134—135].

Древнейший комплекс характеризуется многочисленными грубо оббитыми отщепами и небольшим количеством обработанных с одной стороны галек. Хорошо представлены и костяные орудия, исчезающие в позднейших комплексах. Найдено всего 35 костяных орудий, некоторые выделаны весьма тщательно. Они распадаются на две группы — длинные одножальные острия (115—145 мм) и лопатки (до 150 мм длиной). Те и другие сделаны из фибул валлаби. Примечательно, что острия гладко зашлифованы, причем лучшие экземпляры найдены у самого основания комплекса.

Для нижних горизонтов южной пещеры получены две радиоуглеродные даты: 8120 ± 165 [208, 267] и 7465 ± 150 лет назад [131, 198]. Первая из них относится к древнейшим абсолютным датам, связанным с археологическими комплексами Тасмании. Она означает, что Северная Тасмания была заселена человеком уже 8—9 тыс. лет назад.

Остатки пищи показывают, что животная пища аборигенов в то время почти целиком состояла из тюленей, рыбы и моллюсков. Кости сухопутных животных найдены в сравнительно небольшом количестве.

Следующий комплекс представлен пещерой у Систерс-Крик на северном побережье острова и позднейши-

ми горизонтами южной пещеры у м. Скалистого. По-видимому, этот комплекс генетически связан с первым, более древним комплексом, о чем свидетельствует типологическая однородность многих элементов. По-прежнему преобладают грубо оббитые отщепы; наряду с ними представлены обработанные с одной и двух поверхностей гальки (чопперы и чоппинги). Но есть здесь и кое-что новое: небольшие орудия с высокой спинкой и ретушированными выемками по краям; отщепы с крутой, ступенчатой ретушью, часто образующей выемчатый рабочий край; и, наконец, отщепы с плоской ретушью. Все эти орудия отличаются от предыдущих более тщательной обработкой, и это говорит о том, что в культуре местного населения произошли какие-то важные сдвиги. Некоторые экземпляры напоминают орудия типа Карта из Австралии. Костяных орудий найдено только два. Интересен предмет неизвестного назначения из глинистого сланца с круглым отверстием посередине, единственный такого рода найденный в Тасмании, напоминающий некоторые позднепалеолитические предметы из Восточной Европы. Возраст комплекса 6050 ± 88 лет [127, 193—197].

Пещера у Систерс-Крик находится на отвесной скале, обращенной к морю. Пол ее покрыт плотным слоем отбросов толщиной свыше 1,5 м, состоящих из раковин, костей различных животных и многочисленных каменных орудий. Особый интерес представляют сотни рыбьих костей [126, 305—306]. Аналогичные находки имели место и в некоторых других древних раковинных кучах северо-западного побережья Тасмании, в том числе у м. Скалистого [101]. Изучение стоянки у Систерс-Крик показало, что местное население, ведущее комплексное хозяйство охотников, рыболовов и собирателей, успешно осваивало изобильную и разнообразную природную среду.

Последний комплекс состоит из плоских, слегка изогнутых ретушированных скребков на отщепах с крутой ретушью и выемками, круглых и полукруглых скребков и небольших нуклевидных орудий. Многие орудия имеют по два и более рабочих края и предназначены, видимо, для различных операций. Этот, наиболее поздний комплекс, представлен стоянкой у м. Западного и верхними горизонтами северной пещеры у м. Скалистого. Начался он приблизительно 2350 ± 150 лет назад,

согласно датировке основания раковинной кучи у м. Западного, или 2600±120 лет назад, согласно контрольной дате [208, 266], и продолжался вплоть до европейской колонизации.

Раскопки у м. Западного велись в большой раковинной куче толщиной свыше 2 м с богатой каменной индустрией. Здесь оказалось свыше 20 тыс. костей тюленей, птиц, различных сухопутных животных [126]. По количеству костей это самое богатое археологическое местонахождение Австралии. Основу питания людей, населяющих стоянку у м. Западного, составляли охота на тюленей и добыча моллюсков. Обращает на себя внимание отсутствие рыбных костей, которые были найдены в таком большом количестве в предыдущем комплексе. Несмотря на обилие костей животных, орудий из кости не обнаружено.

Однако три костяных орудия были найдены под скальным навесом вблизи Отлендса, в одном из внутренних районов Восточной Тасмании, примерно в 60 км к северу от Хобарта [127, 198]. Одно из них особенно интересно: оно заострено с обоих концов и напоминает орудие типа *мудук* из Австралии — двужальное веретенообразное острие из кости или дерева. Его можно рассматривать как исходную, древнейшую форму рыболовного крючка — на него ловили рыбу, как на крючок. Аборигены приморских областей Австралии употребляли его и для извлечения содержимого из раковин моллюсков. В Европе оно было известно в позднем палеолите и мезолите. В Австралии такие орудия впервые появились в археологических культурах среднего периода, около 6 тыс. лет назад, и сохранились вплоть до европейской колонизации. Их нередко находят в раковинных кучах сравнительно позднего возраста на побережье Виктории и Нового Южного Уэльса. Следует отметить, что пещера близ Отлендса находится у озера и экономика ее обитателей была ориентирована на озеро.

Одно из наиболее интересных открытий Джонса сделано в заливе Огней на северо-восточном побережье Тасмании. Здесь обнаружена выкладка из 138 плоских камней размером примерно 60×30 см, образующих сплошной ряд длиной более 8 м, подобный вымощенной тропе на поверхности прибрежной раковинной кучи. Раскопки выявили такой же ряд камней на 30 см ниже первого, положенных прямо в песок. Раковинная куча

как бы выросла вокруг и над ними. Обе выкладки, несомненно, сделаны аборигенами. А так как между строительством первой и второй мостовой должно было пройти значительное время, достаточное для того, чтобы выросла раковинная куча толщиной до 30 см, традиция сооружения их сохранялась здесь, видимо, очень долго. Куча содержит большое количество каменных орудий — отщепов и ядрищ; очевидно, аборигены продолжали обитать здесь все это время [128, 78—79].

В Тасмании каменные выкладки найдены впервые. Однако еще Бонвик, рассказывая о религиозных верованиях тасманийцев, упоминал о кругах и искусственных нагромождениях камней где-то в глубине острова [49, 192]. Линг-Рот, напротив, пишет, что ни одно подобное сооружение в Тасмании не было обнаружено [152, 57]. Зато они хорошо известны на австралийском континенте. Особенно много их в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде — в восточной части континента, обращенной к Тасмании. Они встречаются также в Центральной и Западной Австралии, некоторые — по берегам водоемов, и здесь аборигены еще хранят память о них как о тотемических центрах, как о предках, превращенных в камень [104, 135—146]. А так как существа эти часто выступали в образе змей, не удивительно, что многие каменные выкладки вытянуты в длину и имеют змееобразный вид. Так выглядят они и в Тасмании. Мифический образ змеи как создательницы мира относится к древнейшему пласту австралийской мифологии. Миф о гигантской змее-радуге, обитающей в водоемах, распространен по всей Австралии [10, 319—321]. Он мог и должен был распространиться и в Тасмании. Может быть, не случайно, что святилище (если, конечно, это святилище) у залива Огней находится на берегу океана.

Возможно и другое толкование каменных выкладок в заливе Огней. На западе Арнхемленда (Северная Австралия) найдена тропа шириной около 1 м, обрамленная камнями на протяжении почти трех четвертей мили. Тропа ведет в украшенную рисунками пещеру, где аборигены совершали обряды вокруг нагромождений костей животных. В Восточной Австралии, на севере Нового Южного Уэльса, в густом труднопроходимом лесу обнаружена вымощенная камнем тропа шириной свыше 1 м и длиной до 54 м, сделанная, скорее всего, просто

для удобства. Это открытие подтверждает ранние сообщения из Тасмании и Квинсленда о том, что аборигены поддерживали тропы через непроходимые участки леса [185, 170]. Наконец, еще к позднему палеолиту восходит обыкновение класть каменные плиты перед жилищами и вымащивать пол внутри жилищ. Интересно и то, что на территории Европы каменные вымостки вблизи пещер неоднократно возобновлялись, так как их обитатели время от времени покидали старое жилье и возвращались вновь [26, 182—183]. Так была возобновлена вымостка и в заливе Огней. Была ли она связана с жилищем, неизвестно. В отчете о раскопках не сообщается об остатках жилища. Впрочем, от тасманийской хижины могло не остаться следов.

Раскопками Джонса были обнаружены в различных местах небольшие ямы, наполненные обожженными и сломанными человеческими костями и фрагментами черепов. Эти находки дали некоторые сведения о погребальных обычаях тасманийцев и древности обрядового комплекса. Трупосожжение у м. Западного, например, производилось не менее 2 тыс. лет назад, т. е. в период основания раковинной кучи. Трупы сжигались, но кости, по-видимому, не сгорали полностью, их затем ломали и вместе с углем и пеплом помещали в ямы, выкопанные в песке или раковинных кучах. В одной такой яме наряду с человеческими костями были найдены кости ног нескольких валлаби и когти большого ястреба. В другой яме находились раковины, причем в каждой было просверлено небольшое круглое отверстие. Вероятно, раковины, кости валлаби и когти ястреба составляли части ожерелий, положенных в могилу вместе с останками покойного. Как свидетельствуют этнографические данные, обычай трूपосожжения, существовавший тысячелетиями, сохранился в Тасмании вплоть до колонизации (см. гл. «Элементы религии»). Многие изменилось за это время в жизни тасманийцев, а религиозный обряд сохранился.

Раскопки Джонса в Северо-Западной Тасмании показали, что люди обитали здесь уже 8—9 тыс. лет назад, т. е. в конце плейстоцена и в начале голоцена; что хозяйство их было ориентировано преимущественно на море и что наряду с моллюсками и тюленями они употребляли в пищу рыбу; охотились они и на сухопутных животных. Находки на стоянках тасманийцев

многочисленных рыбьих костей представляют большой интерес, так как до сих пор широко распространено мнение, что тасманийцы никогда не употребляли в пищу рыбы; очевидно, отвращение к рыбной пище появилось у них сравнительно поздно. По сравнению с каменной индустрией тасманийцев, которая первоначально имела аморфный, неспециализированный характер, индустрия из кости была развита несравненно больше.

После наступления термического максимума, около 7 тыс. лет назад, как показывают материалы раскопок, в технике изготовления каменных орудий произошли существенные сдвиги. Наряду с каменными орудиями прежних типов, наличие которых говорит о преемственности культуры, появляются новые, все более совершенные, нередко специализированные, орудия, свидетельствующие о прогрессе производства и техники. Хотя состав пищи аборигенов мало изменился и рыба по-прежнему составляла важную часть их рациона, костяные орудия — а некоторые из них, вероятно, служили простейшими инструментами рыбной ловли — постепенно исчезают. Потребность в них становится все меньше, может быть, в связи с развитием и совершенствованием специализированных каменных орудий.

Около 2,5 тыс. лет назад, когда термический максимум и малый ледниковый период миновали, начался последний, третий археологический период. Климат Тасмании стабилизировался. Под воздействием социально-идеологических факторов, обусловленных, возможно, переменами в природной среде, или в связи с какими-то иными обстоятельствами рыба исчезает из рациона тасманийцев, хотя экономика обитателей побережья по-прежнему тесно связана с морем. Особенно важную роль играла охота на тюленей, преимущественно молодых, имевшая, вероятно, сезонный характер. Существенным дополнением к ним были сухопутные животные. Орудия из кости на северо-западе острова больше не выделяются. Не вполне ясно, в какой связи находится исчезновение костяных орудий из производственного инвентаря и рыбы из рациона, — ведь для ловли рыбы служили лишь некоторые из них — но бесспорно, что эти два явления произошли одновременно. Каменная индустрия третьей фазы состоит преимущественно из небольших, хорошо сделанных орудий, в значительной мере специализированных. Возможно, они вытеснили

некоторые типы костяных орудий. Многие каменные инструменты предназначались, по-видимому, для обработки дерева, и их появление свидетельствует о том, что параллельно с ними совершенствовались и деревянные орудия. Сырье для каменных орудий (в отличие от прошлого) доставлялось теперь в виде заготовок или готовых изделий из отдаленных каменоломен.

В связи с тем, что Тасмания не пережила, в отличие от Австралии, катастрофического ухудшения климата в период термического максимума, культура ее аборигенов не испытала кризиса, связанного с исчезновением многих технических достижений. Напротив, развитие культуры тасманийцев протекало более спокойно. Это видно из того, что каменная индустрия острова постепенно совершенствовалась все более. Общее впечатление нарушает лишь исчезновение орудий из кости. Но в том, что касается каменной индустрии, составлявшей основу производства, термический максимум оказался не причиной кризиса и частичного регресса, как в Австралии, а толчком к развитию и совершенствованию техники. Тасманийская культура тоже пережила в это время период активной адаптации, но по-иному, чем культура аборигенов Австралии.

Восемь-девять тысяч лет назад люди обитали и на юге острова: раскопками обнаружена раковинная куча в районе залива Сторм, в устье р. Карлтон, в Юго-Восточной Тасмании, заложенная 8700 ± 200 лет назад [208, 266].

Это — пока древнейшая абсолютная дата, установленная с помощью радиоуглеродного анализа в результате археологических работ на территории Тасмании. Она почти совпадает с датой, полученной для заключительных стадий оледенения в горах Западной Тасмании (8720 ± 220 лет назад). Правда, заселение Тасмании могло начаться не тогда, а значительно раньше, но если эта дата и в дальнейшем останется самой древней вехой обитания человека в Южной Тасмании, то можно будет сделать вывод, что люди проникли сюда в самом конце плейстоцена, когда горные области острова окончательно освобождались от ледников. Местонахождения, возраст которых превышает 9 тыс. лет, либо еще не обнаружены, либо затоплены морем в конце плейстоцена. Но так как люди шли из Австралии и заселение Тасмании началось с севера, можно полагать, что на северном

побережье еще могут быть открыты и более ранние следы человека; однако самые древние погребены под водами Бассова пролива. Во всяком случае, данные, которыми располагает наука сегодня, не слишком далеки от того, что предполагал когда-то Нетлинг. Высчитав, сколько времени, по его предположениям, требуется для образования раковинных куч Тасмании, он пришел к заключению, что заселение острова началось около 7 тыс. лет назад [192, 231—237].

Начав заселение Тасмании с северного побережья, в дальнейшем люди расселялись, вероятно, вдоль восточного берега, более благоприятного в климатическом отношении, двигаясь на юго-восток.

Возраст другой раковинной кучи в заливе Сторм, на о-ве Бруни, составляет 6050 ± 350 лет, а еще двух куч, на о-ве Бруни и в устье р. Деруэнт,—свыше 5 тыс. лет [208, 265—266]. Таким образом, на юго-востоке острова не менее древние раковинные кучи, чем на северо-западе, и это заставляет думать, что человек осваивал северное и южное побережья одновременно.

Размещение местонахождений подъемного археологического материала показывает, что уже в древности было заселено почти все побережье Тасмании; много таких местонахождений обнаружено и в глубине острова, главным образом на востоке. Изучая материалы сборов, Кемп проследила различия между индустриями восточного побережья Тасмании, западного и областью Великих озер в центральной части острова. Восточное побережье и внутренние области характеризуются типологически однородными материалами, несколько отличными от материалов западного побережья, отражающих хозяйственную специализацию его населения: прежде всего орудий для резания, пригодных для забоя и разделки тюленей, а также орудий для обработки дерева, которыми, вероятно, выделялись копыя для охоты на сухопутных животных [136, 243]. Возможно, что наличие деревообделочных инструментов связано и со строительством долговременных жилищ, характерных для Западной Тасмании. А ранее другой исследователь, Р. Легге, обратил внимание на своеобразие отбойников и орудий для дробления с западного побережья, отличающихся от тех же орудий из других районов Тасмании [148, 25—28].

Различие между востоком и западом распростра-

нялось и на другие элементы культуры и делало эти географические области как бы самобытными культурно-этнографическими зонами. В какой-то степени оно проявлялось, как мы знаем (см. гл. 2), даже в физическом типе тасманийцев. И это не удивительно: ведь мы говорили о том, что горные массивы, покрытые густыми лесами и отделявшие западное побережье острова от центра и восточного побережья, препятствовали общению жителей Центральной и Восточной Тасмании с населением западного побережья. Связь между ними поддерживалась лишь на крайнем юге и севере острова. В результате население этих областей развивалось в значительной мере самостоятельно. В наибольшей изоляции находилось западное побережье, и это, возможно, отразилось в более низком уровне его каменной индустрии, на что обратил внимание Маккарти.

Обширная область гор и влажных лесов западной части острова, отличающаяся наибольшим количеством осадков, была населена очень редко или не населена совсем. Подъемные археологические материалы здесь нигде почти не обнаружены, но иногда каменные орудия находят на открытых участках, образовавшихся местами в чаще леса и заросших травой. Они появились, вероятно, из-за того, что аборигены систематически поджигали здесь растительность, так как охота и собирательство на очищенных от леса участках были эффективнее. Одно такое место вблизи часто посещаемых аборигенами залежей охры у Моул-Крик известно по описанию Робинсона. Немало орудий найдено на берегах озер и рек во внутренних областях острова, на местах давно покинутых стоянок. Однако самыми важными объектами археологических исследований по-прежнему остаются раковинные кучи на морских побережьях. Но и материалы из раскопок не противоречат общему впечатлению о резком различии между востоком и западом.

Различия между археологическими материалами востока и запада Тасмании, на которые впервые обратил внимание Легге и Кемп, не остались незамеченными, как говорилось выше, и таким авторитетным археологом, как Маккарти. Этот вывод подтвердил и Г. Лурандос, подобно Кемп связавший различия в каменной индустрии с хозяйственной специализацией и образом жизни аборигенов Восточной и Западной Тасмании [157, 41—46]. По мнению обоих авторов, для абориге-

нов Восточной Тасмании был характерен кочевой образ жизни, для жителей западного и северо-западного побережья — полуоседлый, и в этих различиях отразились как местные природные условия, так и специфика хозяйственной деятельности.

Для Западной Тасмании очень показательна стоянка у м. Западного. Хотя она расположена у моря, большое количество найденных здесь орудий для дробления и жерновов, вероятно, связано с употреблением разнообразной растительной пищи. Очаги, выложенные камнями, углубления в земле — следы жердей, которые когда-то образовывали остовы хижин, — свидетельствуют о полуоседлом образе жизни местного населения. О больших прочных хижинах, характерных для западного побережья и так непохожих на примитивные ветровые заслоны обитателей Восточной Тасмании, сообщают многие источники. Так, Робинсон, рассказывая о путешествии вдоль западного побережья, упоминает о круглых куполообразных хижинах, крытых корой, диаметр которых превышал 3 м, а высота 2 м, расположенных обычно у источников пресной воды и вблизи скал, где аборигены добывали моллюсков; нередко такие хижины располагались группами [91, 139, 167, 168].

* Обычно строительство таких жилищ объясняют сравнительно более суровым и холодным климатом западного побережья. Но дело не только в этом. Различные типы жилищ на востоке и западе Тасмании связаны также с различным образом жизни аборигенов. Джонсу удалось установить, что раковинная куча у м. Западного образовалась за сравнительно короткий срок [130, 363]. Это можно объяснить лишь тем, что население, притом довольно значительное, обитало здесь постоянно или в течение продолжительных периодов времени, когда оно занималось охотой на тюленей — а лежбища их находились поблизости. Зависимость от сезонной охоты на тюленей привязывала людей к местам их лежбищ. Охота на тюленей, наряду с добыванием моллюсков, собирательством и интенсивной охотой на сухопутных животных характерна и для других стоянок Западной и Северо-Западной Тасмании.

На восточном побережье плотность населения была, по-видимому, значительно ниже, чем на западном [151, 323—328]. Судя по составу раковинных куч, стоянки у

восточного побережья были ориентированы почти исключительно на добывание моллюсков. Каменных орудий здесь найдено сравнительно немного. Люди, по-видимому, приходили сюда на непродолжительное время, а затем откочевывали в другой район побережья или — в определенные сезоны — в глубь страны. Жители западного побережья из-за неблагоприятных природных условий были часто лишены такой возможности. В отличие от Западной Тасмании, на востоке было заселено не только побережье, и стоянки в глубине острова заметно отличаются от прибрежных. Одну такую стоянку, вероятно, типичную для всех внутренних областей Восточной Тасмании, Лурандос раскопал близ Краун Лэгун. Она расположена под открытым небом, в 16 милях к западу от раковинной кучи, что у города Литл-Суонпорт. Среди каменных орудий, найденных в Краун Лэгун, большое количество отщепов, причем некоторые обработаны вторичной ретушью и типологически очень близки к индустрии из Литл-Суонпорт, что, возможно, указывает на связь между обеими стоянками. Кроме того, в Краун Лэгун найдены абразивы, орудия для дробления, жернова, а это свидетельство того, что в районе местного населения заметное место занимала растительная пища [157].

Эти археологические находки дают право предположить, что аборигены Восточной Тасмании вели кочевой образ жизни, видимо, в пределах определенных территорий, на которых располагались временные стоянки локальных групп. Так, стоянки Краун Лэгун и Литл-Суонпорт принадлежали, возможно, одной локальной группе. На морском побережье она добывала моллюсков, а откочевав в определенное время года в глубь своей территории, переходила к охоте на сухопутных животных и собирательству. Такой образ жизни давал жителям Восточной Тасмании возможность вести сбалансированное хозяйство, опирающееся на сезонные стоябища то у моря, то в глубине острова. Отсюда — иной тип жилищ на востоке. Они примитивнее, чем на западе, недолговечны, менее вместительны, о чем сообщают этнографические источники.

В нижних слоях стоянки Литл-Суонпорт, как и на стоянке у м. Скалистого, были найдены кости рыб и костяные орудия. Это означает, что рыболовство и изготовление костяных орудий были характерны в древ-

ности не только для Северо-Западной Тасмании, но имели более широкое распространение.

Шестьдесят лет назад Нетлинг решительно утверждал, что изготовление орудий из кости тасманийцам было совершенно чуждо. По его словам, он, изучая покинутые стоянки аборигенов, не нашел ни одного костяного орудия и поэтому выражал сомнение в том, что костяной инструмент в виде лопатки, давно хранящийся в музее Хобарта [195, 102], принадлежал тасманийцам. Но к середине нашего столетия стало известно уже четыре таких орудия. А в 1956 г. А. Местон сообщил о находке большого количества костяных орудий различных типов. Почти все они сделаны из костей млекопитающих, и только одно — из птичьей кости. На остриях первой группы орудий — игл и шильев — заметны следы шлифовки, и Местон считает, что она произведена намеренно, а не образовалась в процессе работы инструментами. Вторая группа орудий — длинные и узкие куски кости с расширением в виде лопатки на одном конце [175, 193—195]. Все эти предметы происходят из раковинных куч Северо-Западной Тасмании. Складывалось впечатление, что их распространение ограничивается этой частью острова. Однако четыре лопатки, о которых сказано выше, были найдены на восточном побережье. В литературе нет ни одного сообщения об употреблении костяных орудий тасманийцами, и без трасологических исследований о их назначении можно лишь догадываться. Местон полагает, что орудиями первой группы пользовались как шильями, а орудиями второй группы, возможно, доставали из раковин моллюсков. Некоторые костяные острия, вероятно, применялись для ретуширования каменных орудий — такие костяные ретушеры имеются и у австралийцев.

Позднее последовали новые находки костяных орудий, преимущественно в древнейших археологических комплексах Тасмании, как Северо-Западной, так и Восточной. В 1968 г. Э. Гилл сообщил, что в одной из пещер близ города Биконсфилд на севере Тасмании было найдено костяное шило; его абсолютный возраст — 7080 ± 420 лет [99]. Впервые костяные орудия появились в Тасмании около 8 тыс. лет назад и 7—6 тыс. лет назад постепенно исчезли. Возможно, что их появление совпало с появлением на острове самих тасманийцев. Не вполне ясные причины их исчезновения мы по-

пытались изложить выше, связав их с тенденциями развития каменной техники и изменениями в экологических условиях жизни тасманийцев.

Костяные орудия в виде острий и лопаточек были широко распространены и в Австралии. Здесь они появились впервые в археологических культурах среднего периода, начало которого совпадает с концом плейстоцена и началом голоцена, и сохранялись до появления европейцев. Как и в Тасмании, они найдены преимущественно на берегах морей, озер, в устьях больших рек. Их применение было связано, очевидно, в первую очередь с рыболовством и добычей моллюсков. Применялись они, вероятно, и для изготовления накидок из шкур, которыми пользовались аборигены как Юго-Восточной Австралии, так и Западной Тасмании. Несколько заостренных на конце костяных орудий было найдено на стоянке Тартанга на нижнем Муррее. Их приблизительный возраст — 6 тыс. лет, но сама культура Тартанга, возможно, на несколько тысячелетий древнее. Костяные орудия, заостренные с одного или обоих концов, обнаружены и на стоянках Девон-Даунс и Фроммс-Лендинг, расположенных недалеко от стоянки Тартанга. Их возраст — от 4800 до 3200 лет. Изготовление орудий из кости вообще характерно для культур нижнего Муррея, находящегося в Юго-Восточной Австралии, одной из ближайших к Тасмании областей континента. Видимо, традиция изготовления орудий из кости возникла еще на континенте около 8 тыс. лет назад и сохранялась и в низовьях Муррея, и в Тасмании. На нижнем Муррее и в сопредельных областях Юго-Восточной и Восточной Австралии она сохранялась дольше, в Тасмании же исчезла раньше под воздействием специфических условий. Об общем происхождении костяных индустрий Тасмании и Юго-Восточной Австралии свидетельствует их типологическая однородность.

Это относится и ко всей каменной индустрии Тасмании, к ее древнейшим археологическим комплексам. Еще Фюрер-Хаймендорф отметил, что в каменной индустрии Тасмании, имеющей в общем палеолитический характер, мы находим как бы два исторических пласта — древний, с очень примитивными, атипичными формами раннепалеолитического, по его мнению, облика, и более поздний, с орудиями, напоминающими мустьерские и ориньякские. Фюрер-Хаймендорф считает, что в

Тасмании представлена древнейшая культура, типичная для всей Австралии. Из этого он заключает, что первые насельники Тасмании пришли из Австралии [93, 433, 451]. Один из лучших знатоков материальной культуры австралийцев, Д. С. Дэвидсон, также находил, что каменная индустрия Тасмании и древнейшие археологические комплексы Австралии типологически очень близки и что чем дальше в глубь времен, тем это сходство все больше возрастает; отсюда он делал вывод, что тасманийцы в древности населяли Австралию [72, 47—62]. Самые древние черты австралийской культуры, имеющие наибольшее сходство с тасманийской, сохранились в южных, юго-западных и юго-восточных областях Австралии, наиболее удаленных от контакта с внешним миром. В обширные районы Юго-Западной Австралии так и не успел проникнуть отшлифованный топор. Недаром еще в прошлом веке Тэйлор указывал на Юго-Западную Австралию как на ту часть континента, культура которой ближе всего к тасманийской. Не случайно именно на юге Австралии сохранились древнейшие черты австралийского антропологического типа.

Дж. Горн сближал типичные для Тасмании орудия с выемчатым рабочим краем с аналогичными орудиями из Юго-Восточной Виктории — той части Австралии, которая всего ближе к Тасмании [114, 182—187].

О сходстве каменных индустрий Австралии и Тасмании писал позднее и Г. Нун; по его мнению, эти аналогии не идут далее сравнительно ранней стадии развития, типологически — не далее ориньяка. Вероятно, еще до того, как контакт с Тасманией был прерван, австралийцы достигли стадии развития, которую мы теперь можем именовать «тасманийской» [196, 3—4]. У. Хаучин отметил многочисленные аналогии между каменными орудиями Центральной Австралии и Тасмании [115, 206—230; см. также: 137, 467—469]. Но особенно много общего между Австралией и Тасманией как в технике изготовления орудий, так и в их типах обнаружил Ф. Маккарти. Это и односторонне обработанные орудия на гальках, и скребки различных форм, в том числе с выступами и выемками, дисковидные и полудисковидные, концевые скребки на пластинах, долота на отщепках; типологическая близость этих орудий бесспорно указывает на культурные и исторические связи между Австралией и Тасманией [165, 305—319].

В свое время Бальфур справедливо утверждал, что происхождение тасманийской культуры не может быть понято без углубленного изучения древнейших культурных фаз Австралии. Иначе невозможно «предложить сколько-нибудь удовлетворительного объяснения генезиса тасманийской культуры» [25, 20]. Сегодня, когда археологическое изучение Австралии достигло значительных успехов и культура ее аборигенов впервые предстала перед нами в движении, развитии, в смене культурных фаз, мы можем сделать то, что казалось невозможным полвека тому назад.

Указания на австрало-тасманийские связи, на типологическое сходство австралийских и тасманийских археологических материалов делались иногда и до 30-х годов. Но одним из первых, кому удалось доказать несомненные типологические связи между каменной индустрией Тасмании и археологическими культурами Австралии, был Н. Тиндейл. В середине 30-х годов он установил среди тасманийских каменных орудий наличие чопперов на гальках, орудий типа карта, суматра и «лошадиное копыто», типичных для каменной индустрии о-ва Кенгуру [248, 39—60]. По наименованию этого острова — на языке аборигенов он зовется Карта — и названа одна из древнейших археологических культур Австралии.

Мы уже говорили о том, что каменные орудия, напоминающие орудия типа карта, найдены в среднем археологическом комплексе Тасмании, возраст которого около 6 тыс. лет. Это — грубо обитые дисковидные орудия из расколотых надвое камней или галек, ретушированные по рабочему краю. Их наличие в комплексе с некоторыми другими орудиями, характерными для культуры Карта [10, 110—122], заставляет вспомнить предположение Тиндейла, что в плейстоцене культура Карта распространялась на всю юго-восточную часть Австралии, включая Тасманию. В это время и о-в Кенгуру составлял одно целое с материком. Позднейшие археологические исследования на острове выявили наличие не только массивных нуклевидных орудий, но и скребков на отщепях с острями, типичных для Тасмании [109, 363—368]. В конце плейстоцена Кенгуру и Тасмания отделились от Австралии; но технологические традиции, свойственные культуре Карта, еще очень долго сохранялись тасманийцами, а на материке — некоторы-

ми изолированными группами австралийцев. Эти традиции, однако, прослеживаются лишь в некоторой части тасманийской каменной индустрии. В целом ее характер определяют традиции, восходящие к другим древнейшим культурам Австралии. Тасманийская каменная индустрия — в основном индустрия отщепов и коротких пластин и лишь в значительно меньшей степени односторонне обработанных ядрищ, типичных для культуры Карта.

К древнейшим археологическим культурам Австралии относится и культура Гамбир, локализованная на юго-востоке Южной Австралии и юго-западе Виктории [10, 128—132]. В числе типичных ее орудий — большие отщепы и пластины с длинным ретушированным рабочим краем, которые, как мы знаем, типологически очень близки к аналогичным орудиям из Тасмании, они даже получили название «тасманийские пластины».

Третья древнейшая археологическая культура Австралии — культура Каперти в Новом Южном Уэльсе [10, 122—128]. Она является одной из тех культур Восточной Австралии, которые оказали, по-видимому, наибольшее воздействие на развитие культуры тасманийцев. Наиболее типичный для нее инвентарь включает грубо оббитые отщепы и пластины с острыми выступами, выемчатыми краями и другими особенностями, столь характерными и для Тасмании. К нему относятся и орудия с удлинненным рабочим краем, напоминающие «тасманийские пластины», и сделанные из больших массивных отщепов треугольные в сечении клинья с острыми ретушированными рабочими краями (их мы тоже находим в Тасмании). Типологически культура Каперти ближе к каменной индустрии Тасмании, чем культура Карта, и это естественно: ведь носители культуры Каперти расселились на юг вдоль восточного побережья Австралии, тогда как культура Карта тяготела в основном к области, лежащей к западу от Большого Водораздельного хребта.

Абсолютный возраст культур Карта и Гамбир еще не установлен; древность культуры Каперти, как было доказано радиоуглеродными исследованиями, достигает 11 тыс. лет. Она относится, таким образом, к концу плейстоцена и вполне могла быть — и по давности, и по району распространения — одним из источников археологических индустрий Тасмании.

Но особенно ощутима типологическая близость к каменной индустрии Тасмании в четвертой древнейшей археологической культуре Восточной Австралии — Маунт-Моффат в Южном Квинсленде [10, 133—140]. Возраст этой культуры по радиоуглероду — от 16 тыс. до 9 тыс. лет. Она характеризуется массивными, грубо обработанными нуклеидными орудиями и разнообразными скребками на отщепках и пластинах. И в целом, и в деталях индустрия Маунт-Моффат очень напоминает тасманийскую. Это относится, например, к характерным для обеих культур толстым скребкам с крутой ретушью и особенно к орудиям с выступами и выемками по краю. Еще С. Митчелл отмечал, что наличие таких типичных для Тасмании орудий в Австралии указывало бы на тесные связи ее с Тасманией [176, 7]; но в его время находки подобных орудий в Австралии были редкостью, тогда как теперь они раскопаны в большом количестве. Орудия, найденные в культуре Маунт-Моффат, напоминают, например, характерные для Тасмании скребки с широким режущим краем и несколькими выемками и остриями. Среди орудий Маунт-Моффат, как и в Тасмании, меньше всего нуклеидных. Эта культура, еще более древняя, чем культура Каперти, также была связана с людьми, расселявшимися на юг вдоль Большого Водораздельного хребта, и также могла быть — и, вероятно, была — одним из источников каменной индустрии Тасмании. О типологической близости каменной индустрии Маунт-Моффат и тасманийского подъемного археологического материала пишет и Кемп [136, 245].

Немало общего в типах орудий и технике их изготовления прослеживается между каменной индустрией Тасмании и индустрией, открытой на древних стоянках юго-восточной части Южной Австралии в районе хребта Воаквине, в ареале распространения культуры Карта и сравнительно недалеко от ареала культуры Гамбир. Здесь тоже найдено большое количество типичных для Тасмании выемчатых концевых скребков и скребков с жалом [10, 139].

Культура Маунт-Моффат и другие рассмотренные выше культуры представляют собой один из ранних, может быть, самый ранний этап австралийской материальной культуры в целом. Возникновение каждой из них относится еще к плейстоцену. Генетически они восходят к древним культурам Юго-Восточной Азии. Распо-

ложены все они недалеко от Тасмании. Их морфологическое сходство с каменной индустрией Тасмании представляется поэтому вполне закономерным. Оно свидетельствует, очевидно, не только о стадильной близости всех этих культур, включая тасманийскую, но и о их генетическом родстве, о единстве их происхождения.

О том же говорят и другие археологические материалы. Уже много лет на выветрившихся дюнах у юго-восточного побережья Южной Австралии, в районе Маунт-Берр, находят покрытые патиной древние каменные орудия, поразительно напоминающие орудия, собранные на поверхности земли в Тасмании. Возраст таких же орудий, найденных в районе Маунт-Берр при раскопках, достигает 9 тыс. лет [185, 144]. Индустрия нуклеидных орудий и скребков, очень напоминающих тасманийские, возраст которой насчитывает 5—7 тыс. лет, открыта археологами в Ингаладди, на Северной Территории [185, 147—150].

Однако ближе всего к Тасмании расположена стоянка Грин-Галли близ Кейлора, в Виктории. Для каменной индустрии стоянки характерны боковые, выемчатые и круглые скребки, морфологически тесно примыкающие к материалу из пещеры Кенниф (культура Маунт-Моффат) и из Тасмании. Даты, полученные по радиоуглеродному анализу, фиксируют возраст местонахождения от 17 тыс. до 6 тыс. лет [185, 141]. Правда, орудий из кости на стоянке Грин-Галли найдено не было, но ее положение в пространстве и во времени, характер каменной индустрии позволяют видеть в ней один из возможных источников тасманийской культуры.

В то же время в Тасмании отсутствуют специализированные орудия более поздних археологических культур Австралии (острия бонди, геометрические микролиты и др.), хотя эти орудия были широко распространены в ближайших к Тасмании областях континента, но уже в тот период, когда Тасмания находилась в изоляции. Все эти факты показывают еще раз: чем дальше в глубь времен, тем больше сходства между каменными индустриями Австралии и Тасмании, тем больше оснований видеть в них генетические связи, свидетельствующие о единстве происхождения.

Каким же был физический облик носителей древних культур Австралии? Об этом можно судить по извест-

ному черепу, найденному близ Кейлора. По мнению Дж. Вундерли, в кейлорском черепе совмещены в одинаковой пропорции австралоидные и тасманоидные черты [274, 57—69]. Аналогичный череп был найден и в Грин-Галли. Люди из Кейлора и Грин-Галли населяли Юго-Восточную Австралию от 9 тыс. до 18 тыс. лет назад [10, 50—51]. Они и были представителями того населения, из которого развились впоследствии аборигены Австралии, с одной стороны, и Тасмании — с другой. Это подтверждается антропологическими особенностями черепов из Кейлора и Грин-Галли и характером современных им археологических культур.

Аналогии между Австралией и Тасманией не ограничиваются орудиями труда. Предмет из глинистого сланца с круглым отверстием посередине, найденный в Систерс-Крик, и плоский овальный камень с отверстием на конце, найденный у м. Песчаного, напоминают некоторые предметы из Восточной Австралии. Камень с м. Песчаного, кроме того, по форме имеет сходство с центральноавстралийскими чурингами (священными предметами из камня или из дерева), игравшими, как известно, важную роль в религиозно-обрядовой жизни аборигенов.

Среди находок из Юго-Восточной Австралии есть камни цилиндро-конической формы (так называемые циклоны), распространение которых ограничено лишь этой частью континента, а назначение до сих пор не выяснено. Аналогичный предмет был обнаружен и на севере Тасмании [82, 20—21; 166, 78—79].

Археологические находки на территории Тасмании заставляют признать, что в прошлом орудия тасманийцев в отдельных случаях укреплялись на рукояти [166, 74—76; 165, 305—319]. Это инструменты, аналогичные австралийским орудиям типа *тула* и *баррен*. *Тула* — полудисковидное или удлиненно-овальное орудие на отщепе, ретушированное по краю, противоположному основанию. *Баррен* — разновидность такого орудия. Рабочий край этих орудий обычно хранит следы длительного пользования: он затуплялся и его неоднократно вновь ретушировали. После нескольких таких подправок орудие становилось настолько узким, что работать им, удерживая его непосредственно в руке, было почти невозможно. Поэтому австралийцы укрепляли его с помощью смолы на конце деревянной рукояти и пользо-

вались им как долотом, главным образом. для обработки изделий из дерева. Рабочий край их часто вогнут, следовательно, имеет форму, удобную именно для этой цели. До недавнего времени долота *тула* оставались важнейшими деревообделочными инструментами многих племен Южной и Западной Австралии. В Тасмании были найдены сильно изношенные в работе орудия того же типа, и это свидетельствует о том, что тасманийцы пользовались каменными орудиями и на рукояти, хотя последние и не сохранились. Этот вывод противоречит обычным утверждениям о том, что тасманийцы не умели укреплять каменные орудия на рукояти, что они вообще не знали составных орудий. Очевидно, тасманийцы когда-то находились на более высоком уровне технического развития, чем предполагали до сих пор ученые.

Правда, некоторые исследователи утверждают, что укреплять каменные орудия на рукояти тасманийцы научились у аборигенов Австралии, которых белые поселенцы ввозили в Тасманию еще в первой половине XIX в.; но это не больше чем предположение.

Орудия типа *тула* и *баррен* впервые появляются в культуре Тартанга — одной из австралийских археологических культур среднего периода [10, 173—183]. Основное ее местонахождение, обнаруженное на о-ве Тартанга, находится в Южной Австралии, на нижнем Муррее. Но долота *тула* распространены гораздо шире, вплоть до Квинсленда и Северной Территории, хотя тяготеют они преимущественно к Южной Австралии. Древность культуры Тартанга — примерно 6—9 тыс. лет. Значит, и географическое положение культуры и ее абсолютный возраст говорят о том, что она могла оказать какое-то влияние и на развитие каменной индустрии Тасмании. Если мы допускаем, что орудия на рукоятях появились в Южной Австралии по крайней мере 8 тыс. лет назад, почему нельзя допустить то же и для Тасмании?

Может возникнуть вопрос: если тасманийцы умели пользоваться, пусть лишь в некоторых случаях, орудиями на рукояти, почему же они утратили это несомненное техническое достижение? Мы еще вернемся к вопросу о причинах утраты народами-изолятами — а именно таким народом были тасманийцы — культурных достижений их предков. Подобных примеров в истории культуры немало. Полинезийцы, например, утратили искусство изготовления керамики, которое, как показывает архео-

логия, было хорошо знакомо их предкам. У тасманийцев же орудия на рукоятях, по-видимому, никогда не были особенно распространены. Есть основания полагать, что они и не исчезали полностью. Об этом свидетельствуют глухие упоминания о таких орудиях в воспоминаниях белых поселенцев.

Один из таких очевидцев видел укрепленное на рукоятки с помощью сухожилий грубо оббитое каменное орудие, которое У. Хэмбли классифицирует как «рубило» [106, 89]. Есть и другие сообщения о тасманийских топорах, укрепленных на рукоятки точно так же, как это делают аборигены Австралии, причем тасманийцы действовали этими орудиями очень умело. Говоря об этом, Тэйлор замечает, что, если бы тасманийцы были знакомы с такими орудиями еще до контакта с австралийцами, в Тасмании, как и в Австралии, сохранились бы каменные топоры, приспособленные для крепления в рукоятки и даже отшлифованные; однако подобные орудия здесь не обнаружены [257, 146]. Это было написано в 1894 г. А через год Тэйлор сам опубликовал статью, посвященную трем отшлифованным каменным топорам из Тасмании — точно таким, какие аборигены Австралии обычно прикрепляют к топорикам, — но тут же заявил, что не верит в их тасманийское происхождение — убежденность его сказала и здесь.

Даже если бы такие орудия и не были найдены, это ни о чем еще не говорит. Достаточно вспомнить топоры *кодья*, распространенные в Юго-Западной Австралии — настолько архаические орудия, что их по праву можно считать палеолитическими предшественниками позднейших отшлифованных топоров и тесел. Топор *кодья* снабжен деревянной рукоятью с комом очень твердой смолы на одном ее конце; в смоле утоплены один или два камня, причем из смолы выглядывают только рабочие края, обращенные в противоположные стороны. Как правило, камни не обработаны, изредка лишь грубо обиты, и без рукоятки даже опытный археолог не всегда признает в них орудия труда. Топоры *кодья*, бесспорно, принадлежат к числу древнейших элементов австралийской культуры [10, 251—253]. Такие или подобные им незамысловатые орудия на рукоятках могли сохраняться и в Тасмании. Ничто не говорит за то, что они появились в результате позднейших контактов с австралийцами. Тэйлор сам отмечает, что топоры

кодьа почти не отличаются от обычных тасманийских форм [259, 199].

Одним из интереснейших наблюдений, не только сблизивших тасманийские каменные орудия с австралийскими, но и показавших, что каменная техника тасманийцев достигла сравнительно высокого уровня, было открытие на некоторых тасманийских орудиях отжимной ретуши, наличие которой в Тасмании отрицали Тэйлор, Соллас и другие эволюционисты [177, 131—139]. Считается, что тасманийским каменным орудиям не свойственна и пильчатая ретушь, характерная для Австралии. Однако в Тасмании встречаются — правда, крайне редко — экземпляры, обработанные пильчатой ретушью [190, 204].

Но, пожалуй, самым замечательным было открытие трех отшлифованных каменных топоров, поступивших в Брайтонский музей из коллекции Дж. Робинсона, по данным которого орудия эти принадлежали тасманийцам. Это овальные, или валиковые, топоры, заточенные по рабочему краю, типичные для Австралии, и Э. Тэйлор, который опубликовал сообщение о них в 1895 г., считал, что они сделаны либо австралийцами, либо тасманийцами, которые научились искусству шлифовки у австралийцев [258, 335—340]. Тэйлор, считавший тасманийцев типичными представителями палеолитической стадии развития, не допускал, что орудия эти были сделаны ими независимо от влияния извне. И, однако, он же рассказывает, со слов европейских наблюдателей, что тасманийцы взбирались на деревья — совершенно так же, как это делали австралийцы, — с помощью петли из растительных волокон, охватывающей ствол дерева, и острого камня, которым делали в коре зарубки для больших пальцев ног, причем камень, который они держали непосредственно в руке, был заточен. Тэйлор приводит два таких свидетельства, из которых одно относится еще к первой трети XIX в. В сопроводительном документе к одному из топоров также написано, что им пользовались тасманийские женщины для влезания на деревья. Такие же орудия были в ходу и у австралийцев. Как и тасманийцы, они взбирались с их помощью на деревья, нередко тоже удерживая их непосредственно в руке [258, 339]. Но ведь этот способ влезания на деревья, сблизивший тасманийцев с аборигенами Австралии, был известен тасманийцам задолго до

колонизации, чему, как говорилось выше, еще в XVII в. был свидетелем Тасман.

Группа австралийских аборигенов из района Сиднея в 1820-х годах действительно была перевезена в Тасманию, а один из них, по имени Москито, даже руководил действиями коренных тасманийцев против колонистов во время «черной войны». Но то, что эти люди научили тасманийцев шлифовать каменные орудия, остается не более чем предположением. Да и до того ли было тасманийцам в годы колонизации и «черной войны»!

Режущее орудие с подшлифованным с обеих поверхностей лезвием воспроизведено также на рисунке в статье Бальфура [25, 21]. Известны и другие шлифованные предметы, найденные уже после того, как была опубликована статья Тэйлора. В 1906 г. на одной из стоянок была обнаружена овальная плоская галька, хорошо отшлифованная по одной из поверхностей и заточенная по краю. В другом месте был найден круглый камень, отшлифованный по одной из поверхностей. Галька, найденная в третьем месте, имеет яйцевидную форму; одна ее поверхность тоже тщательно отшлифована [194, 633—638]. Два последних предмета формой своей напоминают австралийские жернова или наковальни, поверхность которых шлифуется во время работы ими; возможно, они служили также для затачивания костяных орудий. Но первый предмет, у которого заточен край, зашлифован, несомненно, специально.

Этим, однако, не ограничиваются находки отшлифованных орудий в Тасмании. В 1895 г. у г. Сент-Леонардс был найден отшлифованный каменный топор, по мнению специалистов происходящий из Новой Зеландии. В 1942 г. была опубликована серия топоров и тесел из семи предметов [225, 35—67]. По мнению Скиннера, одно орудие этой серии происходит с Новой Каледонии, три орудия — из Полинезии и три — из Австралии [233, 18]. Нефритовое тесло — как полагают, новокаледонского происхождения — было найдено в 1927 г. у г. Девонпорт, на стоянке аборигенов, на глубине около 3 футов от поверхности. Скиннер высказал мнение, что орудие это оставлено первонасельниками Тасмании, выходцами с Новой Каледонии [232, 39—42]. На это сразу же откликнулся Дэвидсон. Признав, что тесло и в самом деле могло происходить с Новой Каледонии, Дэвидсон, однако, отметил, что ни сама стоянка, ни культур-

ный слой, в котором оно найдено, не датированы. Древний возраст орудия, восходящий якобы к первоначальному заселению Тасмании, таким образом, ничем не подтвержден. Не доказано даже, что оно и в самом деле залегало на глубине около 3 футов, а не попало сюда с вышележащих слоев или с поверхности. Не доказано археологически и то, что такие типы тесел из нефрита уже существовали на Новой Каледонии ко времени заселения Тасмании. Скорее всего, тесло попало к тасманийцам от китобоев или иных мореплавателей [73, 85—87]. Теперь, когда мы располагаем целым комплексом данных, доказывающих австралийское происхождение аборигенов Тасмании, изолированная находка новокаледонского тесла не может поколебать наши выводы.

Конечно, какие-то орудия попадали в Тасманию с других островов Океании, вероятно, с европейскими морями, а может быть, даже с жителями Меланезии и Полинезии, случайно заброшенными на ее берега штормами и течениями. Такие находки известны и в Австралии. Какую-то роль могли сыграть и позднейшие контакты с соседней Австралией. И все же предположение, что искусство шлифования камня было известно тасманийцам с глубокой древности, имеет не меньшее право на существование. Когда-то его высказал Нетлинг, полагавший, что в Тасмании шлифовались только предметы нехозяйственного, ритуального назначения — такими он считал упомянутые выше гальки, найденные на старых стоянках [194, 639—640; 188, 1—6]. Мнение о том, что тасманийцы шлифовали только «священные», или магические, камни, аналоги австралийских чуринг, повторил позднее и Фюрер-Хаймендорф [92, 8—11]. Известно, что шлифование камня возникло еще в палеолите — найдены палеолитические ретушеры из шлифованного камня, в Костенках I обнаружена кремневая проковка с пришлифованным концом, а в Костенках IV — большая серия шлифованных сланцевых дисков [26, 75]. Отчего же не допустить, что техника шлифования камня могла быть знакома и тасманийцам с глубокой древности, а не заимствована ими в последние десятилетия их существования, и применялась, хотя и крайне редко, не только к ритуальным предметам, но и к орудиям труда?

Основание предполагать это дают не только прямые

свидетельства — находки в Тасмании немногочисленных шлифованных орудий, — но и косвенные. Это — замечательное, поистине сенсационное открытие последних десятилетий на севере Австралии шлифованных топоров, примерно таких же, какие были найдены в Тасмании, но в слоях, относящихся к плейстоцену. Возраст этих орудий, по радиоуглеродному исследованию, достигает 22 тыс. лет [10, 149—150; 265, 144—145]. Следовательно, аборигены Австралии умели шлифовать камень задолго до того, как началось заселение Тасмании. Правда, на востоке Австралии шлифованные топоры, согласно данным археологии, появились несколькими тысячелетиями позже, уже после образования Бассова пролива и отделения Тасмании. Но возможно, что археология еще не сказала здесь своего последнего слова. Трудно допустить, чтобы такое полезное изобретение, как шлифование орудий, на протяжении нескольких тысячелетий не распространилось за пределы Северной Австралии. Вероятно, шлифованные орудия спорадически появлялись и на востоке. Вполне правомерно допустить, что тасманийцы принесли с австралийского континента на свою новую родину наряду с другими техническими навыками и умение шлифовать камень. Этим подтверждается связь тасманийской культуры с Австралией и опровергается широко распространенное мнение об особенной примитивности тасманийцев. Но даже если верно, что тасманийцы научились шлифовать каменные орудия и пользоваться ими — у австралийцев или независимо от них — лишь на закате своей истории, то и это опровергает традиционное мнение о застойном характере культуры тасманийцев и их невосприимчивости к новым, прогрессивным достижениям.

ИСКУССТВО ИСЧЕЗНУВШЕГО НАРОДА

Еще от мореплавателей XVIII — начала XIX в. стали известны некоторые элементы художественного творчества тасманийцев — рисунки на теле, на стенах хижин и просто укрытиях от непогоды, на погребальных сооружениях из коры. Дж. Робинсон видел в 1830—1831 гг. на западном побережье острова и в глубинных районах Восточной Тасмании хижины аборигенов, стены которых, сложенные из листов коры, изнутри были покрыты изображениями людей, птиц, животных, кругов и «стрел» (которых в действительности у тасманийцев не было; по-видимому, знак этот изображал нечто иное) [91, 214, 514—515, 542—543, 571]. Особенно часто Робинсон пишет о кругах, которые являются также наиболее распространенным мотивом наскального искусства тасманийцев. «Эти круги — символические изображения мужчин и женщин» [91, 543]. Это замечание Робинсона наводит на мысль об австралийцах: ведь именно в такой абстрактной, символической манере, кругами и полуокружностями, концентрическими окружностями и спиралями австралийцы нередко изображали людей и тотемических предков, героев мифологии; в этих символах было зашифровано содержание мифов, деяния героев древности. Спирали и концентрические окружности — мотивы, хорошо известные еще с эпохи позднего палеолита, — имели у австралийцев, как правило, религиозно-магическое значение и часто изображались в пещерах и на скалах, служивших святилищами, на чурингах. Мы не знаем, какое значение вкладывали в абстрактные символы своего искусства тасманийцы, — слова Робинсона, возможно, не раскрывают его до конца, — но есть все основания полагать, что с ними, как и у австралийцев, нередко ассо-

цировались идеи религиозно-магического характера, недоступные непосвященным. Тот факт, что в Тасмании эти символы были обнаружены на стенах хижин, еще не доказывает, что здесь они не могли обладать таким содержанием. Ведь и австралийцы иногда изображают символы мифологического и религиозно-магического характера на стенах хижин, в которых подростки, проходящие инициацию, познают мифологическую историю племени, его законы и обычаи. К тому же такие символы, как мы увидим дальше, в Тасмании широко представлены в резьбе на скалах, а последние могли быть, как и в Австралии, святыщами.

Дж. Бонвик упоминает о схематичных рисунках на дереве, изображающих солнце, луну, змей и людей в лодке [49, 47]. Среди них также встречаются круг и спираль. Вспоминаются и слова Робинсона о том, что круги, которые тасманийцы рисовали на своих телах, тоже изображали солнце и луну [91, 581—582]. Тот же Бонвик пишет об отпечатках рук, выполненных, по-видимому, красной охрой, на деревьях и скалах. Такие же отпечатки широко распространены в Австралии [49, 191]. Сообщение Бонвика подтвердилось в середине нашего столетия: в долине р. Деруэнт, в Южной Тасмании, в глубине пещеры на стене были обнаружены отпечатки рук и какие-то другие неясные изображения [241, 191]. Открытие это снова связывает Тасманию с Австралией — ведь отпечатки рук покрывают стены многих австралийских пещер. Как известно, такие отпечатки характерны и для европейского палеолита.

В связи с сообщениями Робинсона, Бонвика, Колдера и некоторых других информаторов следует напомнить, что рисование на листах коры, из которых сделаны стены хижин, хорошо известно в Австралии: в наше время — на севере континента, а в прошлом — и на юго-востоке его, по соседству с Тасманией [234, т. I, 292].

Гравюры, вырезанные тасманийцами на скалах, первым из европейцев увидел Дж. Робинсон. В 1830 г. на крайней северо-западной оконечности острова, на м. Грим, он обнаружил изображения круга с точками вокруг него, а три года спустя увидел аналогичные гравюры на западном побережье, у Гринс-Крик [91, 183, 233, 790]. Робинсон снова высказал мнение, что круги изображают людей — неясно только, получил ли он это разъяснение от самих аборигенов. Лишь через 100 лет

гравюры на скалах были открыты и в других местах Тасмании. Мир узнал о них так поздно, вероятно, потому, что они расположены в труднодоступных, малопосещаемых местах, главным образом у северного и северо-западного побережий острова.

В начале 1930-х годов появились сообщения о наскальных изображениях в Мерси-Блаф у Девонпорта, на севере острова, и в Маунт-Камерон-Уэст, на северо-западе [170, 12—19; 171, 1—6; 172, 179—184; 224, 112—129; 22, 168—169]. Петроглифы Девонпорта — свыше 70 из них видны отчетливо, другие сильно пострадали от выветривания — различаются между собой размерами и стилем. Одни из них — и таких большинство — представляют собой простые линии или царапины, другие образуют глубоко вырезанные круги, овалы, концентрические окружности и спирали. Исследователями отмечены здесь также условные изображения рыб, раковин, змей, птичьей головы. Обнаружен и контур эму, а также изображение его следов — мотив, широко представленный в искусстве аборигенов Австралии [231, 117—118]. Семантика большинства изображений не поддается убедительной расшифровке, а толкование их исследователями во многих случаях совершенно произвольно.

В Маунт-Камерон-Уэст петроглифы, вырезанные на поверхности скалы, нависающей над океаном, представляют собой группы кругов и концентрических окружностей. В отличие от Девонпорта, они образуют более сложные сочетания; например, внутри большого круга вписано несколько малых. Кроме того, встречаются параллельные ряды углублений правильной формы, расположенных на равном расстоянии одно от другого. Эти мотивы — круги, спирали, концентрические окружности, сплошные линии, ряды углублений и другие геометрические формы — очень напоминают петроглифы Центральной, Западной и Южной Австралии, в том числе ее восточной, ближайшей к Тасмании части, которые исследователи не без основания считают весьма древними [246, 93—95]. Концентрические окружности — один из древнейших мотивов австралийского искусства. Они встречаются уже в пещере Куналда, в Южной Австралии, а возраст петроглифов этой пещеры, как установлено радиоуглеродными исследованиями, достигает 20 тыс. лет [94, рис. 4; 185, 176—177].

Тасманийские и австралийские петроглифы сходны и по технике их выполнения — интаглио (хотя имеются некоторые различия): точечными ударами выдалбливают контуры петроглифов, после чего промежуточные стенки уничтожают, так что образуются сплошные линии [71, 42—43; 158, 25—27]. Замечательна большая глубина резьбы изображений из Мерси-Блаф на севере Тасмании: она достигает в одном случае 58 мм, в других — 15—26 мм, хотя выдолблены они в твердом диабазе. Наряду с техникой интаглио в Тасмании изредка встречаются и вышлифованные борозды. Рисунки на скалах здесь почти неизвестны, за исключением разве что отпечатков рук. На австралийском континенте приемы наскальной резьбы более разнообразны, но техника интаглио распространена повсюду и может с основанием считаться одной из древнейших на континенте. Относительная древность этой фазы в развитии австралийского искусства доказывается, между прочим, и тем, что современные аборигены уже не помнят ни создателей памятников этого времени, ни смысла изображений и приписывают их создание мифическим героям давно минувших времен.

Изучение петроглифов Маунт-Камерон-Уэст, этой художественной галереи исчезнувшего народа, признанной одним из самых важных местонахождений петроглифов Тасмании, продолжается [168]. Археологические исследования показали, что многие гравюры были занесены песком и что у подножия скалы находится раковинная куча, оставленная поколениями аборигенов, обитавших здесь или приходивших сюда периодически. Такая же раковинная куча, след постоянного или временного стойбища, находится и неподалеку от Мерси-Блаф. В Маунт-Камерон-Уэст, как и в Девонпорте, обнаружены крупные, искусно выполненные гравированные изображения следов птицы — вероятно, исчезнувшего теперь в Тасмании эму, — и это снова вызывает в памяти петроглифы Австралии [167, 4—6]. Оказалось, что тасманийцы обладали гораздо большими художественными способностями, чем думали раньше исследователи.

На протяжении последних тридцати с лишним лет в Тасмании были обнаружены и другие местонахождения наскальных гравюр — в Трайел-Харбор и Порт-Дейви на западном побережье, на юге п-ова Тасман и в других местах [124, 47—51; 209, 273—278; 210, 87—89].

Особенно примечательны петроглифы Трайел-Харбор — круги и вышлифованные борозды; такие же борозды известны и по другим находкам. Не всегда ясно, произведение ли это искусства или следы от затачивания каменных, костяных или деревянных орудий. Следует напомнить, что вышлифованные или прорезанные в скале борозды встречаются уже среди самых ранних петроглифов Австралии, так что их появление в Тасмании не должно нас удивлять. Для ранних памятников австралийского искусства характерны и изображения птичьих следов, и выдолбленные острым камнем углубления в скале. Гравюры ранней фазы австралийского наскального искусства особенно многочисленны в горах Центрального Квинсленда, на пути, которым в древности происходило заселение Восточной Австралии, а затем и Тасмании.

В 1957 г. появилось сообщение о новой находке петроглифов в Блю-Тиэрс, на северо-восточном побережье Тасмании: прямых линий, следов птиц и сумчатых, контуров кенгуру и длинной цепи подковообразных углублений [228, 38—41]. Были высказаны, однако, сомнения в том, что все они сделаны рукой человека, а не являются следами древесных корней [85, 40]. В настоящее время в Тасмании известно 12 местонахождений петроглифов, но большинство их полностью еще не исследовано и не документировано; исключение составляет лишь Маунт-Камерон-Уэст.

Итак, решительно все в искусстве тасманийцев указывает на связи с Австралией, на принадлежность Тасмании и Австралии к единой культурной общности, причем связи эти восходят, по-видимому, к глубокой древности. Искусство тасманийцев имеет сходство с наиболее архаическими пластами изобразительного искусства австралийского континента. Это дает нам право предполагать, что искусство тасманийцев и по содержанию несло в себе элементы идеологии древних австралийцев, мифологической по своему характеру.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальная культура тасманийцев издавна привлекала внимание многочисленных авторов, писавших об этом загадочном народе. Поэтому не будем тратить время и место на подробное описание предметов материальной культуры — это сделано другими, — а попытаемся взглянуть на нее с новой точки зрения. Спросим себя: что же дает она для решения проблемы происхождения тасманийцев и их этнокультурных связей с другими народами, для ответа на вопрос о том, какое место занимают тасманийцы на шкале культурного развития человечества.

Начнем с жилища. В предыдущих главах мы уже касались частично этого материала. Мы знаем, что жилища западного побережья острова отличались от жилищ восточного. В то время как последние были временными примитивными ветровыми заслонами, под защитой которых бродячие охотники разжигали костры, чтобы готовить пищу и обогреться в холодные ночи, первые представляли собой долговременные, зачастую вместительные обиталища, связанные с полуседлым образом жизни местного населения. Напомним, что Робинсон видел здесь круглые куполообразные хижины, покрытые корой или травой, диаметр которых превышал 3, а высота — 2 м; они вмещали, по его словам, «до 15 человек, и еще собак» [91, 724]. По свидетельству других авторов, хижины бывали и конические, и вмещали порой до 30 человек; тасманийцы жили в них непрерывно в течение полугода [152, 109].

Ветровые заслоны сближают тасманийцев не только с австралийцами, но и с бродячими охотниками других частей света. Они относятся не столько к этническим,

сколько к стадиальным признакам, т. е. являются принадлежностью определенной стадии культурного развития. Такой же характерной чертой первобытности можно считать использование тасманийцами для жилья пещер и укрытий под скалами или ночлег в дупле дерева, специально расширенном огнем [152, 107; 153, 545]. Круглые в плане, куполообразные или конические жилища представляют собою более специфический признак тасманийской культуры. Весьма вероятно, что они восходят к глубокой древности. Искусственные круглые углубления, встречающиеся группами вдоль северо-западного побережья Тасмании, археологи считают следами хижин [125, 133]. Наряду с хижинами иных форм и конструкций, круглые в плане хижины, на каркасе, крытые чаще всего корой, иногда ветвями или травой, хорошо известны и в Австралии. Особенно же интересно то, что еще в первой половине XIX в. в Виктории австралийцы строили большие куполообразные хижины, имеющие свыше 3 м в поперечнике и более 180 см в высоту, почти такие же, какие Робинсон видел на западном побережье Тасмании; в таких хижинах помещалось до 12 человек [18, 139]. Следовательно, хижины такой формы и таких размеров нельзя считать чем-то исключительным для Тасмании — они встречаются и в Австралии.

Тасманийцы, как правило, ходили обнаженными, несмотря на то что на острове часто бывает холодно и сыро. Единственным одеянием им служили плащи-накидки из шкур сумчатых животных, которыми пользовались аборигены юга острова, где особенно часто дуют холодные ветры. Их видели мореплаватели начала прошлого века. По свидетельству путешественников, ими укрывались преимущественно старики и больные, а женщины носили в них младенцев. Такие же плащи встречались на юге, юго-востоке и юго-западе Австралии, т. е. там, где сохранились наиболее древние черты австралийской культуры. Использовались плащи в Тасмании и Австралии одинаково [179, 525—543]. Помимо накидок из шкур тасманийцы обогревались горящими факелами, как делают многие другие отсталые народы. Таким образом, и одежда тасманийцев сближает их с аборигенами Австралии.

Сближает их и обувь — сандалии, которые Робинсон и другие авторы называют «мокасами». По словам

Робинсона, тасманийцы делали их из кожи кенгуру [91, 288, 510; 264, т. 2, 85; 152, 130; 24, 372]. Сандалиями из лыка или, подобно тасманийским, из кожи кенгуру или опоссума пользовались и аборигены Центральной Австралии.

Перейдем к деревянному вооружению тасманийцев (орудия из камня и кости рассмотрены в гл. «Прошлое тасманийцев в свете археологических исследований»). Оно было немногочисленным — в основном копья и палицы. Те и другие были и охотничьим, и боевым оружием. Наиболее распространены были простые цельные копья без зубцов или присоединяющегося наконечника, с острием, обожженным для прочности. Длина их достигала 3—4 м. Более примитивное копьё трудно себе представить. Лишь на севере Тасмании отмечены копья с зубренным концом [152, 69].

Палицы, или *вадди*, имели в длину от 60 см до 1 м 20 см; к одному концу они утолщались, другой служил рукоятью. С большим искусством тасманийцы метали их в стаю птиц, животное или же врага. О необычайной меткости тасманийцев сообщают многие очевидцы. Однако *вадди* были не только метательным оружием, но и ударным.

Аборигены Австралии располагали значительно бóльшим набором копий и палиц различных типов, но элементарные формы этих орудий, подобные тасманийским, были широко распространены и здесь. Так, в Южном Квинсленде и в некоторых других районах Восточной Австралии наиболее распространенной была палица тасманийского типа [70, 76—100; 163, 22—23]. Замечательно, что у тасманийцев засвидетельствован точно такой же, как у австралийцев, способ приближения с копьем к врагу. Человек подходит, положив руки на голову, — привычная поза тасманийца, не внушающая подозрений, — а копьё он в это время незаметно тащит по земле, удерживая его пальцами ноги. Внезапным быстрым движением нападающий подхватывает копьё рукой и наносит смертельный удар. Такой способ приближения к врагу хорошо известен и в Австралии [58, 21—22; 33, илл. к стр. 128].

Широко распространено мнение, что ни бумерангов, ни копьеметалок, ни щитов, характерных для Австралии, тасманийцы не знали. Действительно, в эпоху колонизации бумерангов у тасманийцев или уже не было, или

же они встречались очень редко, в порядке исключения. Так, в 1942 г. появилось сообщение о бумеранге, найденном близ Девонпорта, на севере Тасмании [103, 21—26]. Но ведь бумеранг был бы почти бесполезен в густых лесах Тасмании. Вполне возможно, что он был известен предкам тасманийцев до заселения ими Тасмании и в эпоху ее заселения, но потом почти полностью исчез с острова.

Однако и в самой Австралии бумеранги, как и копьё-металки, распространены далеко не повсеместно, несмотря на то что оба эти орудия принадлежат, по-видимому, к древнейшим элементам австралийской культуры [10, 266—282]. Многие племена Австралии не выделяют бумерангов, а получают их путем обмена от соседей, а некоторым это оружие и вовсе не известно. Бумеранги отсутствуют у сравнительно изолированных групп Центральной Австралии — пинтуби, биндибу и питьяндьяра, в северных, северо-западных и северо-восточных прибрежных областях континента, они неизвестны на о-вах Уэлсли, Мелвилл и Батерст. Как и в Тасмании, бумеранг, метательное оружие, рассчитанное на открытые пространства, в лесах Северной Австралии малоэффективен.

Что же касается отдельных групп населения Центральной Австралии, которые сами тоже не делают бумерангов, а лишь иногда заимствуют их у других племен, то это можно объяснить глубоко укоренившимся, традиционным межплеменным разделением труда, многообразные проявления которого хорошо известны исследователям австралийской культуры. Вследствие относительной этнографической изоляции этих групп их культура в целом, подобно культуре тасманийцев, вообще представляется более архаичной и примитивной по сравнению с культурой других австралийских племен. Причины исчезновения отдельных культурных явлений в таких этнографических изолятах могут быть различными. Исчезают условия, делавшие необходимым или возможным то или иное культурное явление, или же оно не получило еще достаточно широкого распространения в той большой этнической общности, от которой изолят отделился, или, наконец, отделившееся население может быть знакомо с самим культурным явлением, но не умеет или избегает почему-либо его воспроизводить. Так, отсутствие бумерангов в Тасмании

и на о-вах Мелвилл, Батерст и Уэлсли связано, вероятно, не только с природными условиями, преобладанием лесов и отсутствием открытых пространств в Тасмании, существовавших в эпоху ее первоначального заселения, но и с тем, что до отделения этих островов от австралийского континента, т. е. до конца плейстоцена, распространение бумерангов в Австралии было еще сравнительно ограниченным. Лишь в эпоху термического максимума, уже после отделения этих островов от Австралии, бумеранги широко распространились на землях Внутренней Австралии (за исключением некоторых сравнительно изолированных районов) в связи с образованием обширных открытых пространств — саванн, степей, полупустынь и пустынь.

О том, что предки тасманийцев были знакомы с бумерангами, возможно, свидетельствует и свойственный тасманийцам способ метания палиц — *вадди*. Очевидцы сообщают, что при метании палицу держали в горизонтальном положении; при полете она приходила, подобно бумерангу, во вращательное движение и описывала в воздухе характерную для бумеранга траекторию, издавая при этом свойственный летящему бумерангу жужжащий звук [152, 71].

Все сказанное о бумерангах относится и к копье-металкам. Будучи одним из древнейших элементов австралийской культуры, копье-металки, однако, как и бумеранги, были распространены в Австралии далеко не всюду. Они отсутствовали не только на о-вах Мелвилл и Батерст, но и в прибрежных районах Нового Южного Уэльса на востоке континента [215, 167], а также в некоторых других местах Австралии, населенных сравнительно изолированными группами, где исчезновение копье-металок было, вероятно, также следствием этнографической изоляции. Возможно, что в плейстоцене, до отделения Тасмании и наступления термического максимума, копье-металки были распространены в Австралии еще менее широко. В то же время некоторые данные говорят о том, что и тасманийцы были знакомы с этим орудием, хотя в эпоху колонизации оно встречалось крайне редко. Один из очевидцев первой трети прошлого века сам видел в руках тасманийцев настоящие копье-металки [240, 84]. Можно, конечно, предположить, что пользоваться копье-металкой тасманийцев научили завезенные на остров европейскими колонистами аборигены

Австралии, но это не более чем предположение, ни на чем не основанное.

Были у тасманийцев и щиты — характерное оборонительное оружие австралийцев. О плоских деревянных щитах пишет Линг-Рот, однако он тут же замечает, что щиты, вероятно, появились под влиянием привезенных колонистами аборигенов Австралии [152, 68]. Но и это остается лишь предположением. Можно добавить, что в 1942 г. появилось описание еще одного тасманийского щита [103, 21—26].

У тасманийцев имелось еще одно орудие, замечательное своим сходством с аналогичным австралийским орудием. На него обратил внимание еще Лабиллардьер в конце XVIII в. Он описывает деревянную лопатку, с помощью которой женщины отделяли от скал моллюсков (см. гл. «Земля и народ. Загадка его происхождения»).

О свойственном тасманийцам разделении труда между мужчинами и женщинами и о соответствующих различиях в орудиях труда пишет и Робинсон. Подобно Лабиллардьеру, он сообщает, что женщины ныряли за моллюсками и отдирали их от скал с помощью палки, заостренной «наподобие долота» [91, 63, 79]. Очевидно, это то же самое орудие, но одному наблюдателю оно напомнило лопатку, другому — долото. В другом месте своего дневника Робинсон пишет о том же орудии — короткой палке длиной 18 дюймов, уплощенной и заостренной на одном конце подобно долоту, — как о главном орудии женщин. Оно, по-видимому, было многофункциональным, подобно многим другим орудиям тасманийцев и австралийцев, женщин и мужчин. С его помощью, действуя им как рычагом, женщины снимали с деревьев кору для хижин — а строительство жилищ, как и соби́рание моллюсков, было и у тасманийцев, и у австралийцев обязанностью женщин [91, 531]. Далее выясняется, что короткая палка, заостренная «подобно долоту», служила тасманийкам также для добычи охры в карьерах. При этом они стучали камнем, как молотом, по противоположному концу палки. «Женщины показали мне несколько мест, — пишет Робинсон, — где они работали длительное время, теперь оставленных. Это были большие разработки, уходившие под землю на несколько ярдов» [91, 904]. Итак, добыча охры тоже была занятием женщин, и для этой цели служило все то же универсальное орудие. Женщины

возвращались в стойбище, нагруженные большим количеством охры, сложенной в шкуры кенгуру. Мужчины, отмечает Робинсон, редко помогали им в этом.

Оказывается, что аборигены Центральной Австралии также пользуются палками, заостренными на одном конце наподобие долота. Ч. Маунтфорд видел такое орудие у питьяндьяра (Маунтфорду принадлежит и сравнение этого орудия с долотом), а Д. Томсон — у биндибу, самого изолированного из всех племен Центральной Австралии, а потому сохранившего некоторые наиболее древние черты австралийской культуры [180, 7—9; 243, 12; 244, 407—408]. Те и другие пользовались этим орудием для выкапывания корней, разрывания нор животных и т. д., т. е. как землекопалкой, специальным орудием собирательства. Здесь оно тоже было орудием женщин.

Ссылаясь на Нетлинга, Дэвидсон пишет, что в Тасмании землекопалок не было [70, 87]. Трудно, однако, представить себе, что народ, в жизни которого собирательство играло такую большую роль, не имел этого необходимого для собирательства орудия. Есть основания думать, что универсальное орудие, описанное Лабиллардьером и Робинсоном, служило и для этой цели, как это было в Центральной Австралии.

В деревянном орудии, уплощенном и заостренном на конце наподобие лопатки или долота, свойственном таким далеким друг от друга группам, как тасманийцы, с одной стороны, и питьяндьяра и биндибу Центральной Австралии — с другой, мы видим еще один элемент древнего общеавстралийского культурного пласта.

Для характеристики уровня развития тасманийцев как народа-охотника большой интерес представляют рассеянные в дневниках Робинсона упоминания о ловушках и силках на птиц; имеется даже рисунок ловушки в виде клетки, широко распространенной, по словам Робинсона, на юго-западе острова [91, 722, 724, 751—752]. Описаны им и ловушки на кенгуру. Они предельно просты и представлены двумя типами: копье или острый кол, воткнутый в землю на тропе, которой пользуются животные, либо натянутая над тропой незаметная веревка [91, 218, 626, 875]. В общих работах, посвященных тасманийцам, такие приспособления для охоты на птиц и животных не упоминаются. Не находим мы их и в обобщающей работе Бенгта Анелла о все-

возможных приемах охоты в Австралии и Океании, а в книге «Народы Австралии и Океании» недвусмысленно говорится «Тасманийцы не знали никаких ловушек» [18, 276].

Мы уже знаем, что в археологических комплексах Тасмании сохранились многочисленные кости рыб, следы систематического рыболовства, хотя в эпоху колонизации тасманийцы, по-видимому, уже не употребляли в пищу рыбы. Имеются, правда, сообщения наблюдателей-европейцев о том, что тасманийцы иногда били морскую рыбу копьями со скал на мелководье, но лишь «в спортивных целях» [152, 102]. Возможно, что в далеком прошлом они ловили рыбу на костяные острия, о которых говорилось в главе 3. Достоверных сведений о наличии у тасманийцев в эпоху колонизации каких-либо рыболовных снастей нет; хотя Бонвик пишет, что у них были и рыболовные крючки, и сети [49, 15], другие авторы это решительно отрицают. Да и зачем они нужны были тасманийцам, если в то время они уже отказались от рыбной пищи? В дневниках Робинсона рассказывается о том, как тасманийцы ловили рыбу на удочку и крючок; но они это делали для европейцев, сами они рыбу не ели [91, 719].

Мы уже говорили о том, что на обоих берегах Басова пролива существовали одинаковые приемы влезания на деревья и при помощи одинаковых орудий — петли из растительных волокон или сухожилий кенгуру и острого камня, которым на стволе делались зарубки для пальцев ног. Не говорит ли и это о культурной общности, причем такой, где уже никак нельзя заподозрить позднейшее влияние австралийцев на жителей Тасмании? Напомним, что этот способ влезания на деревья был засвидетельствован еще Тасманом в середине XVII в.

А как тасманийцы добывали огонь? На этот счет существуют различные, прямо противоположные суждения. Линг-Рот писал во втором издании своего труда, что, судя по сообщениям очевидцев, тасманийцам были известны три способа добывания огня: высеканием искры, т. е. ударами камня о камень, высверливанием и выпаживанием (в первом издании упомянуты только два первых способа) [152, 83—84 Append. H; 154, 606]. Правда, сам Линг-Рот сомневается в том, что высекание искры действительно было известно тасманийцам,

но о добывании огня этим способом пишет и Робинсон [91, 113]. О добывании огня высверливанием кроме авторов, цитируемых Линг-Ротом, сообщают Дж. Уэст и Р. Броу Смит [264, т. 2, 82; 234, т. II, 408]. Г. Вельгер, опираясь на свидетельства ранних путешественников и другие данные, доказывает, что тасманийцы добывали огонь высеканием искры; в том, что тасманийцы знали высверливание и выпаживание огня, она сомневается [260а, 58—63]. Наконец, Н. Пломли утверждает, что тасманийцы вообще не знали искусственных способов добывания огня и поддерживали огонь постоянно, а если он угасал, брали его у соседей [91, 225]. Такие утверждения делались уже в прошлом веке, их цитирует и Линг-Рот. Но тот же Линг-Рот приводит и ряд свидетельств, говорящих о противоположном. В самом деле, если даже забыть на минуту сообщения очевидцев, точка зрения Пломли и его предшественников представляется маловероятной. Этнография не знает народа, которому не было бы знакомо добывание огня. Если предположить, что тасманийцы не знали этого искусства, то мы допустим, что они были крайне примитивным народом, для чего у нас нет оснований, или что они деградировали, что тоже трудно объяснить. У тасманийцев существовала даже легенда о происхождении огня: культурными героями, научившими людей «делать огонь из дерева», были две звезды — Кастор и Поллукс [152, 84—85]. Не говорит ли и это о знакомстве тасманийцев с искусственным добыванием огня и о том, что это знакомство восходит к глубокой древности?

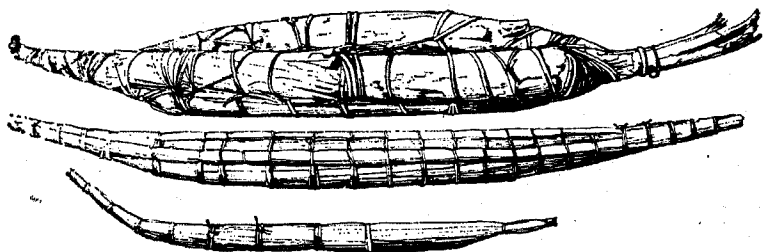
Умением добывать огонь владели, как известно, и австралийцы. Им были знакомы все три отмеченных в Тасмании способа добывания огня, причем особенно распространено было высверливание огня с помощью деревянного сверла, быстро вращаемого между ладонями, в то время как конец сверла упирается в круглую лунку в лежащем горизонтально куске сухого дерева. Именно такой способ описывает Линг-Рот. Огневое сверло — не только самый распространенный, но, вероятно, и наиболее древний способ добывания огня в Австралии. Выпаживание огня с помощью так называемого огневого плуга имеет здесь гораздо более ограниченное распространение. Высекание искры ударами камня о камень известно лишь в Южной и Юго-Восточной Австралии, но этот способ наряду с высверливанием, вероятно,

Манналаргенна, абориген восточного побережья Тасмании, с горящей головней

тоже может претендовать на значительную древность. Вопрос этот, однако, далек еще от окончательного решения, хотя и делались попытки выяснить последовательность распространения на австралийском континенте различных способов добывания огня и их относительный возраст (например, Д. Дэвидсоном).

Кстати, еще Дж. Мэтью [163, 21—22] отметил большое сходство между легендами о происхождении огня в Тасмании и Виктории (Юго-Восточная Австралия) — в обоих случаях герои, принесшие людям огонь, становятся звездами. Не раскрывается ли и в этом древний пласт общеавстралийской мифологической традиции?

Модели тасманийских лодок-плотов из музея Питт-Риверса
(Оксфорд)

Известно, что тасманийцы действительно предпочитали переносить огонь с помощью тлеющей головни или факела из коры с места на место, а не добывать его всякий раз заново. Это и понятно: добыть огонь в сыром климате Тасмании было не просто, легче было его сохранить. Но так поступали и многие другие отсталые народы. Австралийцы тоже предпочитали иметь при себе на стоянке или в походе тлеющую головню. К искусственному добыванию огня тасманийцы прибегали, вероятно, в самых крайних случаях — вот почему сохранилось так мало сведений об этом и почему они так противоречивы, вот что послужило поводом для утверждений о полном якобы незнакомстве тасманийцев с искусством добывания огня.

Перейдем к одной из самых больших загадок тасманийской культуры — к судам тасманийцев, основному их средству навигации. Это было нечто среднее между плотом и лодкой. Они делались из трех свернутых в трубку и обмотанных травяными веревками кусков коры эвкалипта или из пяти связок тростника. Пучки коры или тростника связывались вместе, причем узкие концы плота загибались кверху. Обычная длина такого судна — 3—4,5 м. Оно поднимало до восьми человек, причем мужчины сидели впереди, женщины — сзади. В движение оно приводилось шестью длиной от 2,5 до 5 м; при низкой воде ими пользовались как баграми, при высокой — как веслами. Гребцы работали стоя или сидя. На одном конце плота зажигали огонь, а чтобы он не распространился, под него подкладывали землю или золу. Это давало тасманийцам возможность разжечь костер там, куда они прибывали. Колдер

пишет, что строительство плотов было делом женщин [58, 22].

По-видимому, такие лодки-плоты были распространены только на юге и западе острова. Здесь они были описаны и зарисованы еще Лабиллардьером и Пероном, а позднее Робинсоном. Последний отмечает достоинства этих судов — благодаря плавучести материала они в хорошую погоду не переворачивались и не погружались в воду [91, 119, 226]. Аборигены южного побережья Тасмании, пишет Робинсон в другом месте своего дневника, нередко пускались на лодках-плотах в опасные плавания, но частые штормы стоили жизни сотням храбрецов [91, 379]. Через несколько часов плавания суда из коры или тростника так сильно пропитывались водой, что управлять ими становилось почти невозможно. Тасманийские суда явно не годились для длительных плаваний в океане. На них тасманийцы не только не смогли бы приплыть из Меланезии, как это допускали многие исследователи, но не пересекли бы даже Бассов пролив. Суда эти предназначались лишь для каботажных плаваний; с их помощью тасманийцы освоили многочисленные острова вокруг Тасмании. Расстояние, преодолеваемое тасманийцами на лодках-плотах в открытом море, не превышало 20 миль (около 30 км). Более далекие плавания они не отваживались в них предпринимать. Сообщения о плаваниях на большие расстояния относятся, вероятно, к плаваниям вдоль берега или поэтапным, от острова к острову.

Правда, экспедиция Тура Хейердала на папирусной лодке «Ра» прошла в открытом океане около 5 тыс. км, доказав, что есть все основания верить сообщениям древних источников о мореходных папирусных судах. Но тот же Хейердал убедительно доказал, что мореходные качества подобных судов, зависящие от их конструкции, очень различны. Так, эфиопские лодки, находясь непрерывно в воде, приходят в негодность не позднее чем через две недели, а обычно даже раньше [28, 273, 282]. По всей видимости, лодки-плоты тасманийцев можно поставить рядом с эфиопскими как наименее надежными, а возможно, что конструктивно они были еще более примитивными.

Помимо лодок-плотов из связок коры или тростника существовали плоты из двух параллельных бревен, соединенных деревянной платформой. Эти своего рода

катамараны вмещали до 10 человек [49, 51; 152, 158; 174, 155—162]. Бонвик, кроме того, рассказывает о лодках из одного куска коры, связанной на концах,— совершенно таких же, какие бытовали на юго-востоке Австралии [49, 50—51]. Линг-Рот, однако, сомневается в точности этого сообщения. Иногда, чтобы пересечь реку, тасманийцы использовали связку коры или простое бревно.

Каково же происхождение столь своеобразного средства навигации, как тасманийский плот из связок коры или тростника? У. Соллас, Р. Пёх, а позднее Дж. Пирсон попытались выяснить, где еще существуют подобные суда, и обнаружили ближайшие аналоги тасманийского плота за тысячи километров от Тасмании. Это плоты из снопов тростника или камыша индейцев тихоокеанского побережья Южной Америки и индейцев сери (Калифорнийский залив, Мексика), лодки-плоты древних египтян, сделанные из папируса; такие суда еще и сегодня можно встретить в истоках Нила, на озерах Эфиопии, на оз. Чад в Центральной Африке; встречались они и в Меланезии [235, 116—118; 205, 79—83; 198, 221—225]. Пирсон приходит к выводу, что тасманийцы не изобрели плот самостоятельно, но и не заимствовали его, что он принесен их предками с далекой азиатской прародины, из единого центра, где произошли все суда подобного типа. Но ведь и перуанские лодки-плоты из камыша тотора — они существовали еще в древнем Перу и дожили на оз. Титикака до наших дней — тоже очень похожи на тасманийские. Точно такие же камышовые лодки сохранились и на о-ве Пасхи в Океании.

К этому списку можно добавить камышовые лодки-плоты индейцев Калифорнии и оз. Пирамид (США, шт. Невада) [26, 268—270]. Существовали они и на о-ве Сардиния в Средиземном море. По словам Т. Хейердала, который специально исследовал этот вопрос, лодками из камыша и папируса пользовались от Месопотамии до Атлантического побережья Марокко. Действительно, камышовые суда были не только в Древнем Египте, но и в Месопотамии.

Таким образом, камышовые и тростниковые суда (их вариант — суда из папируса) существуют на Ближнем Востоке и в Северной Африке с глубокой древности — возможно, еще с каменного века,— тогда как распро-

странены они гораздо шире — в Центральной Африке и в Средиземноморье, в Северной, Центральной и Южной Америке, частично в Океании. Трудно допустить, что суда такого типа распространились чуть ли не по всему свету из какого-то одного центра. Видимо, таких центров было несколько, в том числе один в Северной Африке или на Ближнем Востоке, другой — где-то на тихоокеанском побережье американского континента (откуда камышовые лодки-плоты попали на о-в Пасхи). Вероятно, строительство судов такого типа, сначала очень примитивных, возникало независимо в сходной естественно-географической среде, а затем распространялось в пределах достаточно обширных ареалов. Аналогичные конструктивные особенности, по всей видимости, подсказаны самим материалом, из которого строились суда.

Поэтому, чтобы решить загадку происхождения тасманийских лодок-плотов из связок коры и тростника, не нужно отправляться в очень далекое путешествие. Не поискать ли суда такого типа ближе к берегам Тасмании? Выяснилось, что они встречаются в Австралии. Н. Томас указывает два места на австралийском континенте, где бытуют суда, очень похожие на тасманийские [242, 71]. Другой исследователь обнаружил плоты из камыша, напоминающие тасманийские, в устье Муррея, в ближайшей к Тасмании области Южной Австралии [48, 351—361]. Итак, Австралия снова оказывается возможным источником происхождения одного из элементов тасманийской культуры — характерного для тасманийцев средства навигации. Возможно, что и австралийские, и тасманийские лодки-плоты восходят к общему прототипу, распространившемуся из одного из древнейших центров происхождения судов такого типа — скорее всего, из переднеазиатского — и принесенному предками аборигенов Австралии на их новую родину много тысячелетий назад, а уже от них заимствованному и тасманийцами. В более совершенных средствах мореплавания предки австралийцев не нуждались — ведь они двигались из Юго-Восточной Азии еще в плейстоцене, когда между Азией и Австралией существовали мосты суши, разрезаемые местами лишь сравнительно неширокими проливами. А если у тасманийцев действительно были, кроме того, лодки из цельного куска коры, связанного на концах, то это еще одно указание на

австрало-тасманийскую культурную общность. Наряду с простыми бревнами и плотами из бревен — а такие средства навигации, как известно, тоже имелись у тасманийцев — лодки из цельного куска коры принадлежат к древнейшим элементам австралийской культуры. Возможно, к ним следует отнести и лодки-плоты из связок коры, тростника или камыша, которые бытовали у тасманийцев и спорадически встречались на территории Австралии.

В литературе неоднократно описывались тасманийская техника плетения и выполненные в этой технике корзины и сумки. Отмечалось и сходство этих изделий с австралийскими. Сама техника плетения представляет собой, по-видимому, одну из древнейших особенностей австралийской культуры. По мнению Дэвидсона, нынешнее распространение ее на континенте показывает, что в прошлом она была распространена на большей части Центральной и Восточной Австралии [69, 257—299; 74, 186—187]. Не удивительно, что она сохранилась и в Тасмании, куда была принесена из Австралии.

Имелись у тасманийцев и более примитивные сосуды из коры, листьев, водорослей, раковин, мешки из шкур. Однако самым своеобразным является сосуд из черепной крышки, найденный в 1929 г. в одной из раковинных куч на северном побережье Тасмании. Череп, по-видимому, принадлежал коренному тасманийцу [175, 191—192]. В Тасмании это пока единственный известный экземпляр сосуда такого рода. Вообще же использование человеческого черепа в качестве сосуда для питья — не такая уж редкость. В Европе этот обычай существовал уже в мадлене. По известному преданию, печенег сделал чашу из черепа убитого ими киевского князя Святослава Игоревича и пил из нее. Но для нас важно и интересно то, что и аборигены Юго-Восточной Австралии пользовались черепами как сосудами для питья; имеется несколько сообщений об этом, сохранились и сами сосуды. Такова еще одна аналогия между культурами аборигенов Тасмании и Австралии.

Внимание многих, кого интересовало происхождение тасманийцев, привлекали два элемента материальной культуры, издавна приписываемые тасманийцам: барабан, обтянутый кожей, и скамейка, подставляемая во время сна под голову, — головная скамейка. Оба они сближают Тасманию с Меланезией и Новой Гвинеей,

для которых эти предметы очень характерны. В Австралии головная скамейка неизвестна, а деревянный барабан с натянутой на него кожей ящерицы встречается только на севере, где он появился, скорее всего, под влиянием Новой Гвинеи; и в том, что эти предметы обнаружены в Тасмании, видели одно из доказательств происхождения тасманийцев из Меланезии [см., напр.: 18, 71]. В действительности же, ни барабана, ни головной скамейки у тасманийцев не было. Такой авторитетный источник сведений о культуре тасманийцев, как Линг-Рот, упоминает только два музыкальных инструмента: свернутые в трубку шкуры кенгуру, по которым били ладонью, так что они издавали глухой звук, «подобный звуку барабана», и две палки из высушенного дерева, которыми отбивали такт во время плясок [152, 135]. Такие музыкальные палки и шкура кенгуру известны и в Австралии. О головной скамейке Линг-Рот и другие наиболее надежные источники не упоминают. Ни головной скамейки, ни барабана нет и в тасманийских коллекциях музеев мира. Во все популярные работы о тасманийцах эти два предмета проникли из записок Лабиллардьера, участника экспедиции Д'Антраксто, посетившей Тасманию в конце XVIII в. (см. гл. «Земля и народ. Загадка его происхождения») [205, 72, 89]. По-видимому, Лабиллардьер просто ошибся. Экспедиция Д'Антраксто кроме Тасмании посетила многие острова Меланезии — Новую Каледонию, Соломоновы, Санта-Крус; побывала она на о-вах Тонга в Полинезии и у берегов Новой Гвинеи. Возможно, что какие-то впечатления, вынесенные с других островов Океании, Лабиллардьер ошибочно отнес к Тасмании.

Итак, материальная культура тасманийцев очень близка к культуре аборигенов Австралии. О сходстве, более того, об однородности двух культур писал в свое время Дэвидсон [72, 47—62]. И в самом деле, наш анализ выявил это сходство почти в каждом из важнейших элементов материальной культуры тасманийцев: в жилищах (вместительные куполообразные хижины, не говоря уже о ветровых заслонах; к этому можно добавить общий для обоих народов обычай рисовать на коре, образующей стены жилищ), в одежде и обуви (плащ-накидки из шкур сумчатых животных и сандалии), в деревянном оружии (копья, палицы, щиты), в способе приближения к врагу с копьем, зажатым между паль-

цами ноги, в таком специфическом орудии, как деревянная лопатка-долото, в способе взлезания на деревья с помощью петли и острого камня, в способах добывания огня, в средствах навигации, в технике плетения и в плетеных изделиях, в сосудах из черепов, в ударных музыкальных инструментах (шкура кенгуру и музыкальные палки). Сравнение культур двух народов показало вместе с тем, что культура австралийцев в целом богаче. Если у тасманийцев и отсутствовали такие характерные элементы австралийской культуры, как бумеранги и копьёметалки, то есть основания считать, что предкам тасманийцев они были знакомы. По некоторым сведениям, они даже встречались в Тасмании еще в эпоху колонизации. Их исчезновение (полное или частичное) связано с механизмом культурной изоляции. Отсутствие у тасманийцев рыболовных снастей объясняется их отказом от рыбной пищи.

Культура тасманийцев является как бы локальным вариантом австралийской культуры, вследствие длительной изоляции отрезанным от воздействия других локальных австралийских культур, которые в процессе продолжительного взаимного общения и культурного обогащения выработали в целом более богатую и разнообразную материальную и нематериальную культуру. Относительная бедность тасманийской культуры как локального варианта общеавстралийской культуры вполне объяснима ее изоляцией, продолжавшейся тысячелетия, а также естественно-географическими условиями. Вследствие этого тасманийцы утратили — полностью или частично — некоторые культурные достижения прошлого, но в целом их материальная культура — типичная культура охотников и собирателей на доземледельческой стадии, по уровню своего развития очень близкая к культуре аборигенов Австралии, а точнее, к одному из ранних этапов эволюции австралийской культуры. Причиной более замедленного темпа развития культуры тасманийцев, их относительной отсталости была продолжительная изоляция от Австралии. В самой Австралии сохранились (или существовали еще недавно) отдельные группы, в силу тех или иных причин отставшие в своем культурном развитии и во многом близкие к уровню развития тасманийцев.

Мы снова убеждаемся в том, что развитие тасманийской культуры было сложным и противоречивым про-

цессом. Не впервые убеждаемся и в том, что культура тасманийцев, подобно культуре аборигенов Австралии, тоже не была чем-то единым, неизменным во времени и в пространстве; мы можем говорить о культурных различиях между группами, населяющими разные территории острова. В целом материальная культура тасманийцев — культура позднепалеолитического общества, развитие которого протекало в особых, специфических для Тасмании условиях.

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Хозяйство и общество тасманийцев заслуживают самого пристального внимания. Ведь на земле сохранилось очень мало и с каждым годом становится все меньше таких народов, которые, подобно тасманийцам, были бы типичными охотниками и собирателями и находились на доземледельческой стадии развития, на стадии присваивающей экономики. Изучая тасманийцев, мы узнаем, как жили далекие предки остальных народов мира на протяжении многих тысячелетий до возникновения производящего хозяйства, каким был их общественный строй. Конечно, развитие многих других народов проходило в иных географических и социально-исторических условиях, поэтому прямые аналогии между ними и тасманийцами невозможны, но очень многое все же сближает их. Изучение социально-экономических отношений в тасманийском обществе могло бы показать точнее, чем что-либо иное, на каком уровне развития находились тасманийцы ко времени европейской колонизации. К сожалению, именно эти отношения изучены хуже всего, сведения о них приходится собирать по крупицам, и восполнить упущенное уже невозможно.

Общественные отношения охотников и собирателей нельзя изучать в отрыве от их хозяйства, так как это комплекс неразрывно связанных, взаимообусловленных явлений. Только комплексный подход способствует подлинному пониманию общественных отношений на этом уровне социально-экономического развития.

Мы уже говорили выше о физико-географических условиях на территории Тасмании в последнюю эпоху, которые в значительной мере определили образ жизни и направление хозяйства тасманийцев к на-

чалу колонизации: на западе Тасмании горы и непроходимые леса, оставляющие людям лишь узкую полосу океанского побережья и лежбища тюленей вдоль него, обусловили относительную оседлость местного населения, более высокую его концентрацию и ориентацию его преимущественно на море, на промысел тюленей и добывание моллюсков наряду с сохранением таких традиционных занятий, как охота на сухопутных животных и собирательство. Специализированная отрасль хозяйства жителей побережья — охота на тюленей — имела, по-видимому, сезонный характер. По данным археологии, хозяйственная специализация тасманийцев, оставаясь на протяжении тысячелетий в целом стабильной, в одном испытала заметный сдвиг: такая существенная отрасль, как рыболовство, постепенно исчезла.

Особенности естественно-географической среды (см. выше) отразились на различиях в типах хозяйственной деятельности, а следовательно, и на всем образе жизни аборигенов Западной и Восточной Тасмании; достаточно напомнить лишь такой показатель, как относительная оседлость на западе и кочевой образ жизни на востоке. Различия эти не могли не отразиться и на относительной плотности населения: в условиях экстенсивного хозяйства аборигенов Восточной Тасмании и связанного с ним периодического кочевания она была ниже, чем на западе острова. Напомним, что на востоке стоянки в глубине острова заметно отличаются от стоянок побережья, что, вероятно, указывает на существенные сезонные различия в хозяйственной деятельности жителей Восточной Тасмании — добывание моллюсков в один период года и охоту на сухопутных животных и собирательство — в другой. Мы уже говорили о том, что такой образ жизни, сильно отличающийся от образа жизни аборигенов западного побережья, давал жителям Восточной Тасмании возможность вести сбалансированное хозяйство, опирающееся на сезонные стоябища то у моря, то в глубине острова.

Близость природных условий Тасмании и Юго-Восточной Австралии, общность их животного мира наряду с общностью культурных традиций, свойственных населению, сближают их системы освоения природной среды, прежде всего приемы охоты. Тасманийцы, подобно австралийцам, пользовались силками и ловушками на птиц и кенгуру (см. гл. «Материальная куль-

тура»), хотя в Тасмании приспособления эти были проще, примитивнее, чем у австралийцев. Бетти Хайэтт удалось показать, как успешно использовали тасманийцы природные богатства своего острова, сколь разнообразным было их питание [112, 99—133, 190—219]. Сумчатые животные, в том числе кенгуру, валлаби, различные виды опоссумов, бандикут, сумчатый кот, сумчатая крыса и сумчатая мышь, сумчатая гиена, сумчатый волк, сумчатый, или тасманийский, дьявол, ехидна, два вида тюленей, морские и пресноводные раки, крабы, омары, всевозможные моллюски, морские, озерные и сухопутные птицы, в том числе пингвины, лебеди, утки, пеликаны, эму, голуби, яйца птиц и муравьев, насекомые, ящерицы, разнообразная растительная пища, в том числе корни папоротника и других растений, грибы, клубневые, семена различных растений, морские водоросли — таков далеко не полный список того, чем питались тасманийцы. За исключением рыбы, это в основном почти то же, чем питались и аборигены Австралии, а в древности, как мы знаем, тасманийцы питались и рыбой.

Во времена, предшествующие колонизации, питание тасманийцев было довольно стабильным и разнообразным. Таков лишь один из многочисленных этнографических примеров, опровергающих широко распространенное мнение, будто охотники и собиратели обречены жить на грани голода. Это справедливо лишь в особенно неблагоприятных обстоятельствах. В известной мере питание тасманийцев было даже более сбалансированным, чем питание аборигенов Австралии в целом. Наблюдения показывают, что в среднем в рационе тасманийцев растительная пища не превышала 26%, в то время как у австралийцев она была основой питания и в рационе некоторых групп составляла от 70 до 80% [112, 110, 116; 120, 113—142]. Конечно, данные эти суммарны: в зависимости от местных природных условий значение одних видов пищи увеличивалось за счет других. Так, в питании жителей побережья продукты морского промысла преобладали в процентном отношении над продуктами охоты и собирательства на суше. Но и здесь хозяйство тасманийцев не ограничивалось морским промыслом. В питании жителей побережья моллюски, например, составляли 22%, растительная пища — 15, тогда как в питании аборигенов внутренних областей острова

она составляла 26%; сухопутные животные в питании аборигенов приморских районов составляли 28%, а в питании жителей внутренних областей — 70% [112, 177].

Впрочем, в приведенных выше данных Б. Хайэтт не учитываются периодические миграции значительной части жителей Восточной Тасмании от моря в глубь острова и обратно: значительная часть их питалась поэтому то продуктами морского собирательства, то продуктами сухопутного собирательства и охоты.

Приходится пожалеть, что таблица в работе Хайэтт [112, 124], где она пытается проследить, как распределяются те или иные виды пищи по временам года и по географическим регионам Тасмании, опирается на единичные, случайные наблюдения, не отражающие в достаточной мере объективной картины. Это объясняется тем, что Хайэтт пользовалась только литературными источниками. При всей своей неполноте данные, положенные в основу этой таблицы (а также таблицы на стр. 125), показывают, что аборигены восточного побережья, подобно своим собратьям на западе, пользовались продуктами морского промысла круглый год. Сведения эти относятся, вероятно, к той части населения Восточной Тасмании, которая не откочевывала на значительное расстояние от моря в глубь страны и занималась морским промыслом весь год. Хозяйственная деятельность этих групп, в отличие от остальной части восточнотасманийского населения, не носила поэтому заметно выраженного сезонного характера.

О сезонных миграциях аборигенов Восточной Тасмании пишут многие авторы. В 1820-х годах наблюдатели-европейцы сообщали, что аборигены передвигаются осенью с запада на восток, к океану, а весной с востока на запад, в глубь острова [112, 202]. Другие авторы пишут о том, что аборигены Восточной Тасмании зимой кочуют вдоль побережья, а в летние месяцы перекочевывают в глубь страны и в горы [136, 243]. Все это вполне согласуется с данными археологии, о которых говорилось выше. Поэтому едва ли можно согласиться с Б. Хайэтт, которая чересчур категорически отрицает приведенные выше сообщения. Она ссылается на то, что занятия морским промыслом засвидетельствованы на побережье Восточной Тасмании и в летнее время, что группы аборигенов и в эти месяцы были достаточно многочисленными. Это объясняется, как было сказано,

по-видимому, тем, что какая-то часть местного населения постоянно обитала у побережья и в летние месяцы не откочевывала в глубь острова. Но к остальному населению Восточной Тасмании это не относится. Поэтому Хайэтт права, когда далее все же признает наличие миграций, но не всего населения Восточной Тасмании, не в одном и том же направлении и не в одно и то же время. Ситуация была, вероятно, и в самом деле сложной. Как и в Австралии, каждая группа имела, очевидно, свою территорию, на которой занималась охотой и собирательством, передвигаясь по ней в соответствии со временем года и наличием продовольственных ресурсов. Территории эти в зависимости от конкретных условий могли быть компактными или, напротив, очень обширными. Как и в Австралии, практиковались, вероятно, взаимные посещения территорий других групп для охоты и собирательства.

Не нужно думать, что и аборигены западного побережья Тасмании не передвигались порой на значительные расстояния. Сохранились отдельные сведения о таких передвижениях как вдоль побережья, так и в глубь острова. Местами миграции вдоль западного побережья имели, вероятно, регулярный характер. Так, во время путешествия вдоль южного берега Тасмании Дж. Робинсон видел, по его словам, более сотни хижин, хотя не встретил ни одного аборигена. Он высказывает предположение, что хижинами этими пользовались люди, постоянно обитающие на западном побережье в районе заливов Хиббс и Эллиот, но периодически приходящие на южный берег для сбора птичьих яиц [91, 125]. Таким образом, некоторые группы имели дополнительные традиционные кормовые области вдали от мест их постоянного проживания. То же самое, вероятно, происходило и в других местах Тасмании. Одна и та же группа аборигенов могла иметь поселения в двух и более местах, которые она посещала в разное время года.

Заболевание, даже тяжелое, одного из членов группы, по-видимому, не останавливало остальных. По словам Робинсона, они оставляли больному небольшой запас воды и пищи и уходили [91, 57; 152, 61].

Тропы аборигенов в различных частях острова дают возможность выяснить направление периодических миграций. Самые значительные пути пересекали влажные леса северо-запада и северо-востока и связывали

две населенные аборигенами области острова — западную и восточную. Другие пути шли вдоль побережий и в глубь восточной части острова. Лишь горы Западной Тасмании никогда — ни в древности, ни к началу колонизации — не имели постоянного населения и не пересекались тропами аборигенов.

Кочевой образ жизни тасманийцев, периодичность, сезонность их миграций всегда привлекали внимание наблюдателей-европейцев [152, 104—107]. Сезонность миграций и всей хозяйственной деятельности — характерная черта жизни и коренного населения Австралии.

Итак, в Тасмании в пределах единой охотничье-собирательской экономики существовали два типа хозяйства — один на востоке, другой на западе острова. Это показывает, что охотничье-собирательская экономика даже одного уровня развития может быть представлена различными типами хозяйства. А если вспомнить, что в Тасмании последние связаны и с некоторыми различиями в культуре, то мы придем к выводу, что здесь формировались и два различных хозяйственно-культурных типа, — иными словами, два комплекса взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры. Мы уже говорили о взаимной корреляции таких явлений, как направление хозяйственной деятельности, относительная плотность населения, относительная оседлость, тип жилища — долговременного на западе, эфемерного ветрового заслона на востоке, — особенности орудий труда. Напомним, что каменные индустрии Восточной и Западной Тасмании отражали хозяйственную специализацию их населения, что на западе преобладали орудия, пригодные для забоя и разделки тюленей, а развитие здесь деревообделочных инструментов было связано с нуждами строительства долговременных жилищ. Формирование различных хозяйственно-культурных типов на уровне присваивающей, охотничье-собирательской экономики — одна из замечательных ее особенностей, заслуживающих самого внимательного изучения. В другом месте мы попытались проследить формирование хозяйственно-культурных типов и у аборигенов Австралии [10, 335—338].

Одним из самых интересных и далеко идущих по своим последствиям видов хозяйственной деятельности тасманийцев было выжигание травы, сблизившее их, как и многое другое, с австралийцами [65, 1—18; 105, 23]. Согласно многочисленным свидетельствам, и тас-

манийцы, и австралийцы сознательно выжигали старую траву, чтобы обеспечить кенгуру пастбище с молодой травой; при этом тасманийцы сохраняли группы деревьев или небольшие рощицы, которые служили кенгуру укрытием [91, 54]. Это вновь привлекало на традиционные охотничьи угодья животных и способствовало увеличению их поголовья. Следовательно, аборигены сознательно заботились о поддержании главного источника мясной пищи на оптимальном уровне. Такая предусмотрительность, более того, стихийное понимание некоторых закономерностей, царящих в природе, понимание связи причин и следствий, отдаленных друг от друга значительным промежутком времени,—замечательная черта, по широко распространенному мнению, несвойственная якобы первобытным охотникам и собирателям. Р. Джонс даже называет этот вид деятельности «земледелием с горячей головней» [132, 224—228]. Хотя его правильнее было бы назвать примитивным скотоводством, по своим последствиям, по воздействию на природу он в какой-то мере сравним с земледелием. По воле человека и его руками создавалась новая, искусственная среда, и это задолго до земледелия, с которым мы привыкли связывать появление антропогенного, «очеловеченного» ландшафта.

К таким же последствиям приводила в жаркое, сухое время года и загонная охота на кенгуру с поджиганием травы и кустарника, широко распространенная и в Австралии. Как в Тасмании, так и в Австралии аборигены расчищали огнем густые заросли, чтобы легче было проходить через них, а заодно уничтожить змей. Огромные костры зажигались в целях сигнализации отдельными общинами или семьями, занятыми поисками пищи на большом расстоянии друг от друга. Робинсон рассказывает о женщинах, похищенных белыми тюленепромышленниками и увезенных ими на маленькие островки вокруг Тасмании: они подавали сигналы своим соплеменникам, разжигая большие костры, дым от которых поднимался высоко к небу.

Первые европейские мореплаватели часто рассказывают о многочисленных огнях, которые они видели на берегах Тасмании. «Здесь и там над лесом поднимались клубы густого дыма»,—вспоминает Тасман свое посещение острова в 1642 г. Перон, посетив юго-восточное побережье Тасмании в 1802 г., писал: «Куда бы мы

ни обращали наши взгляды, мы везде видели леса, объятые пламенем». Когда первые европейцы пробирались через внутренние области Тасмании, нередко весь горизонт бывал затянут облаками дыма от костров аборигенов. Нам уже знакомо обыкновение тасманийцев носить с собой повсюду горящую головню. Лабиллардьер, Перон и другие европейцы часто рассказывают, как аборигены поджигали горящими головнями траву и кустарник [131, 206]. Дневники Робинсона изобилуют многочисленными рассказами о том, как аборигены поджигали кустарники, и об огромных территориях, сожженных ими. «Вся окрестность на 15 миль в окружности была сожжена и теперь стала хорошим охотничьим угольем», — пишет он, например, на одной из страниц дневника [91, 380]. Даже одна из горных областей Центральной Тасмании «так часто сжигалась аборигенами, что превратилась в прекрасное охотничье уголье для них», пишет он в другом месте [91, 512].

И охота, и рыболовство, и сбор растений, конечно, оказывали воздействие на природную среду, окружающую первобытного охотника, рыбака и собирателя, но ничто не сравнится в этом отношении с огнем. Известно, к каким катастрофическим последствиям даже в наших северных широтах может привести простой костер, оставленный в лесу в жаркое сухое лето. Что же говорить о сознательном, систематическом выжигании травы, производимом на огромных площадях на протяжении тысячелетий!

Экологический эффект этих систематических пожаров изучается теперь тасманийскими ботаниками и другими специалистами. Он очень велик. На обширных пространствах Тасмании произошла смена растительности, влажные леса уступили место кустарникам, открытым саваннам, степной и болотной растительности; произошли изменения в характере почвы, изменился климат. Огонь освободил от лесов целые районы западно-тасманийского побережья, где лес ранее подступал к самому морю, и для аборигенов Западной Тасмании, зона обитания которых ограничена узкой полосой берега, это имело неопределимое значение. Влажный лес негостеприимен, в нем сыро и темно, мало съедобных растений и животных. В результате систематических пожаров здесь стало больше съедобных животных и растений, создались более благоприятные условия для охоты и

сезонных миграций. То же произошло в Центральной и Восточной Тасмании. Этот процесс имел и отрицательные последствия: разрушение растительного покрова и усиление эрозии [131, 207, 209—210].

Благодаря огню количество пищи у людей увеличилось, а это, в свою очередь, не могло не отразиться на приросте населения. Люди действовали как бы рука об руку с природой, которая помогала им в периоды послеледниковых колебаний климата.

Молнии и самовозгорание лишь в редких случаях бывают причиной лесных пожаров; как считают специалисты, большинство опустошительных лесных пожаров Тасмании — дело человеческих рук [112, 212]. С уничтожением аборигенов количество и размеры пожаров резко сократились, а это, в свою очередь, отразилось и на растительности, производя в ней изменения, во многом нежелательные для колонистов.

Следовательно, даже на таком раннем этапе общественно-экономического и культурного развития люди не только приспосабливаются к природной среде, но и активно воздействуют на нее, вмешиваются в происходящие в ней процессы, производят далеко идущие по своим последствиям перемены, причем действуют они не только самим своим присутствием как часть экосистемы, но нередко совершенно сознательно. Оказывается, охотники и собиратели не просто паразитируют на своем естественном окружении, как очень часто думают, но и пытаются воздействовать на него. И огонь был наиболее эффективным орудием, которым располагал первобытный человек для этой цели. С помощью огня он пытался воздействовать на произрастание диких растений, а через них на животный мир; но огонь не был единственным таким средством — у первобытного охотника и собирателя существовали примитивные ирригационные сооружения и некоторые другие способы культивации диких растений. Мы знаем о них из австралийской этнографии.

О том, как тасманийцы охотились, писали много. Применялись различные способы охоты. На кенгуру, валлаби, вомбатов тасманийцы охотились с копьем. Мы уже говорили о таких приспособлениях, как копыя, воткнутые в землю на тропах животных, или натянутая над тропой незаметная веревка. Нередко охотники, с криками, иногда с применением огня, загоняли кенгуру

на какой-нибудь мыс у побережья, где их легче поразить копьями, в реку, лагуну или узкое ущелье, где другие охотники ожидали дичь [112, 206]. В таких коллективных охотах в качестве загонщиц участвовали и женщины. Однако известно лишь одно сообщение о женщине, убившей кенгуру, и Робинсон, рассказавший об этом, в другом месте прямо пишет, что охота на кенгуру — дело мужчин [91, 531]. Зато охота на опоссумов была занятием почти исключительно женским, и женщины ловко взбирались на деревья с помощью веревочной петли и острого камня. Опоссума извлекали из дупла и бросали на землю, где ждали другие аборигены. Другой способ охоты на опоссумов, хорошо известный в Австралии, состоял в том, что животных выкуривали из дупла дымом огня, разведенного внутри дерева [91, 837]. Возможно, поэтому в Тасмании у многих деревьев обожженные основания. В литературе описана коллективная охота женщин на тюленей; оружием женщин были палицы [135, 177]. Охотой на пингвинов и других птиц, обитающих на прибрежных скалах, а также собиранием их яиц занимались и женщины, и мужчины. Мы уже знаем, что тасманийцы ловили уток и других птиц с помощью силков и ловушек. Знаем и о том, что добыча моллюсков и ракообразных была преимущественно занятием женщин и что они употребляли при этом особые орудия в виде лопаток и плетеные корзины и сумки. Женщины обычно собирали и растительную пищу, хотя, по некоторым сведениям, иногда в поисках растительной пищи принимали участие и мужчины.

В сосудах из водорослей или раковин женщины и девочки приносили в стойбище воду. Обязанностью женщин было собирание топлива и строительство хижин. Женщины поддерживали огонь на стоянках и сохраняли его в пути. Они же в большинстве случаев готовили пищу. Но иногда мужчины сами готовили и съедали, не принося на стоянку, убитую ими на охоте дичь. На плечи женщин ложилась наиболее тяжелая работа: во время перекочевок они тащили и детей, и весь домашний скарб, включая каменные орудия труда, которыми мужчины делали копья и палицы, тогда как мужчины несли только оружие [91, 531]. Каждому, кто читал об австралийцах, хорошо знакома эта картина.

Основные занятия мужчин (охота) и женщин (сбориание растительной пищи и моллюсков) были, как

правило, территориально разобщены. Вследствие этого значительную часть времени, затрачиваемого на добычу пищи, мужчины и женщины проводили порознь, объединившись в мужские и женские коллективы. Вот чем объясняется тот факт, что в рассказах мореплавателей XVIII — начала XIX в. мужчины и женщины не всегда появлялись вместе, — вспомним, например, сообщение Перона о встрече с группой из 20 женщин, которая возвращалась с ловли моллюсков.

Была и еще одна причина, вследствие которой европейцы сталкивались иногда только с группами вооруженных мужчин. Колдер пишет о «древнем обычае» тасманийцев, который запрещал женщинам принимать участие в военных действиях. Отправляясь в поход, тасманийцы оставляли жен и детей в безопасном месте. Несмотря на этот запрет, в годы европейской колонизации женщины не только участвовали наравне с мужчинами в нападениях на европейцев, активно защищали свое человеческое достоинство и право на землю предков, но иногда и руководили группами нападавших. Колдер рассказывает о женщине с восточного побережья, которой удалось собрать остатки нескольких племен и сплотить их в единую, враждебную европейцам группу. Возглавив этих людей, она сумела отомстить за «многочисленные надругательства, которые ей довелось испытать в руках тюленепромышленников» [58, 10—11]. Но все это было уже в годы «черной войны», когда вследствие истребления колонизаторами мужчин женщинам пришлось самим превратиться в воинов.

Разделение труда у тасманийцев во многом напоминало общество аборигенов Австралии. И здесь, и там женщины собирали растительную пищу, моллюсков и ракообразных, охотились на небольших животных, таких, как опоссумы, приносили воду и топливо, сооружали хижины, делали плетеные сумки и корзины, готовили пищу; мужчины охотились на крупных животных — кенгуру, валлаби, вомбатов. Но были и различия. Вспомним рассказ Робинсона об изготовлении тасманийскими женщинами каменных орудий для растирания охры (см. гл. 3). Правда, этими орудиями женщины пользовались сами, но даже изготовление орудий женского труда, как правило, не свойственно австралийцам. Для мужчин-австралийцев изготовление каменных орудий — основных орудий труда — одно из средств укрепления их

руководящего положения в обществе [8, 65—78]. В том, что тасманийки сами изготовляли каменные орудия своего труда, может быть, прощупывается архаический пласт когда-то единой австрало-тасманийской культуры. Возможно — достоверных сведений об этом нет, — тасманийские женщины делали и деревянные лопатки — незаменимое их орудие для ловли моллюсков и для других целей. А деревянные орудия делались каменными инструментами. В Австралии каменные орудия, за немногими исключениями (зернотерки, «женские» ножи), находятся в личной собственности мужчин, которые обычно сами делают с их помощью орудия женского собирательства. К тому же тасманийские женщины охотились на тюленей. В Австралии на крупных морских животных охотятся только мужчины. В этих особенностях свойственного тасманийцам разделения труда тоже прослеживаются архаические черты, уже исчезнувшие (или исчезающие) в Австралии.

Выше упоминалось о редчайшем случае, когда женщина-тасманийка убила кенгуру. Некоторые из присутствовавших аборигенов отказались есть убитое животное под тем предлогом, что они не едят самцов кенгуру [91, 601]. Возможно, подлинной причиной было то, что кенгуру убила женщина. Если это так, — а в пользу такого предположения говорит и сама исключительность случая, — это лишь подтверждает, что забой кенгуру — занятие мужское. Именно забой, так как в облавной охоте принимали участие и загонщицы. Отказ есть самцов кенгуру может указывать и на существование запретов тотемического характера, распространявшихся на определенные группы.

В Тасмании и женщины, и мужчины вносили одинаково значительный вклад в добывание пищи, хотя женщины, видимо, добывали больше пищи, чем мужчины. Этим Тасмания отличалась от других районов умеренного климата, где мужчины-охотники добывают в среднем две трети продуктов питания.

Времени на добывание пищи мужчины-тасманийцы затрачивали меньше, чем женщины. И хотя работа мужчин требовала иногда значительных затрат физической силы и энергии, она была менее монотонной, менее систематической, чем труд женщин, но зато и менее надежной — ведь успех на охоте зависит от удачи и случая. Но, быть может, подобно тому, как это было у австра-

лийцев и других охотничьих народов, она ценилась выше, потому что выше ценилась и более калорийная и питательная мясная пища, которую приносили мужчины-охотники.

В целом мужчины-тасманийцы, подобно австралийцам, имели больше свободного от поисков пищи времени, чем женщины. Частично они использовали его для изготовления каменных орудий, копий, палиц. Но и женщины тоже делали веревки, корзины и сумки, сосуды для воды, сооружали хижины и лодки-плоты. Значительную часть свободного времени мужчины-австралийцы посвящали подготовке и участию в обрядах тотемического и магического характера, многие из которых совершались с целью способствовать умножению животных и изобилию растительной пищи и рассматривались всем обществом как акты не менее важные и ответственные, чем само добывание пищи. То же, вероятно, было и у тасманийцев, хотя источники наши здесь очень немногословны: европейцам лишь с большим трудом удавалось проникнуть в тщательно скрытую от постороннего взгляда религиозно-обрядовую жизнь тасманийцев.

До европейской колонизации тасманийцы оставались, вероятно, единственным охотничьим народом, не только не имевшим собаки, но даже не знавшим о существовании этого первого одомашненного животного, прирученного человеком еще в плейстоцене от 10 тыс. до 30 тыс. лет назад [133, 256—271]. Несмотря на это, через несколько лет после того, как тасманийцы впервые увидели собаку, они сумели оценить ее достоинства, и она сделалась их неизменным спутником и помощником на охоте [264, т. 2, 21; 152, 111; 91, 16]. Заимствованная у европейцев, продукт культурного контакта, собака сама стала источником перемен в приемах охоты и в быту аборигенов. Некоторые группы владели целыми стаями собак. В 1816 г. Келли видел большую группу аборигенов, возможно человек в двести, которую сопровождала стая собак не менее чем из 50 животных [52, 40]. Местами (в Восточной Тасмании) собак было больше, чем людей. Многие собаки находились в личной собственности мужчин или женщин; у одного человека могло быть от одной до двенадцати собак, очень редко — больше [91, 272, 798, 866]. Известно, что в Тасмании локальные группы или племена отличались друг от дру-

га узорами на теле, образованными искусственными рубцами. Нечто подобное тасманийцы стали проделывать и со своими собаками, по-видимому чтобы отличить собак, принадлежавших той или иной группе. Так, одна из групп Западной Тасмании обрубила хвосты всем своим собакам [91, 618]. Едва ли есть основания говорить о том, что появление собаки повлекло за собой перемены и в формах собственности — скорее, собаки были включены в традиционную систему этих форм. Ведь личная собственность на предметы утвари, орудия труда, охотничье оружие была свойственна тасманийцам и прежде. Естественно, что тасманиец считал собаку, как копьё или палицу, своей собственностью. Соответственно и на кенгуру, добытых с помощью его собаки, охотник смотрел как на свою собственность — так же как он смотрел бы на кенгуру, убитых только его копьем [91, 655]. К тому же тасманийцы очень привязались к своим собакам.

О межплеменном обмене у тасманийцев почти ничего не известно. Ф. Шомло считает его возможным. Он ссылается на то, что каменные орудия тасманийцев нередко находят на значительном расстоянии от источников сырья [236, 73]. Сам по себе этот факт не указывает на существование обмена, так как племя, которое не располагало необходимым сырьем, могло совершать специальные экспедиции к источникам сырья с согласия племени, на земле которого эти источники находились; в литературе встречаются некоторые указания на возможность таких экспедиций. Известно, однако, как широко был развит межгрупповой и межплеменной обмен у австралийцев, которые находились примерно на том же уровне социально-экономического развития, что и тасманийцы.

Остановимся на численности тасманийских групп и попытаемся понять, что же представляли собою эти группы.

Как и в Австралии, численность тасманийских групп определялась различными факторами: функцией группы (группа семей, совместно добывающих пищу, временное объединение для облавной охоты, для массового забоя и потребления тюленей, для военных целей и т. д.), характером взаимоотношений между составляющими группу семьями и отдельными лицами (взаимоотношениями формальными и неформальными, родственными и

дружественными), абсолютной и относительной численностью населения, местными природными условиями и временем года — иными словами, состоянием продовольственных ресурсов, которыми обычно лимитируются размеры групп, совместно добывающих пищу, традицией и т. д.

Из мореплавателей XVIII — начала XIX в. наиболее детальные сведения о численности и составе тасманийских групп дает Лабиллардьер. Так, в 1793 г. он встретил группу аборигенов в количестве 48 человек, состоящую из 10 мужчин, 14 женщин и 24 детей. В стойбище горело семь костров, и вокруг каждого сидела небольшая семья. Это значит, что семьи насчитывали в среднем по семь человек. На других страницах своих записок Лабиллардьер рассказывает о группе из 42 человек — 7 мужчин, 8 женщин и 27 детей, о группе из 19 аборигенов, сидевших вокруг трех костров, — следовательно, семья состояла в среднем из шести человек — и группе из восьми человек, сидевших вокруг одного большого костра. В последнем случае речь идет, вероятно, об одной семье. Пишет он и о группах из шести и четырех человек — очевидно, тоже семьях [140, 127, 134, 303, 308—309].

«Маленькими группами переходят они с места на место в поисках пищи,— пишет о тасманийцах капитан Фюрно.— Мы никогда не встречали более трех или четырех хижин в одном месте, и в каждой могло поместиться не более трех или четырех человек» [152, 104]. Позднее, в 1802 г., Перон и Фрейсине сообщили о встречах с отдельными семьями из трех и шести человек и с группой из 25—30 аборигенов. Находим мы у них и рассказ о встрече с группой из 20 женщин, которые возвращались к своим семьям с ловли моллюсков [199, 195—196]. Можно предположить, что вся группа, включая мужчин и детей, состояла примерно из 60—80 человек. Сведения эти дополняют сообщения Коллинса (1803 г.) о том, что обнаруженные им хижины аборигенов обычно стояли по семь или восемь вместе, и Кнопвуда (1804 г.) о группе в долине р. Хьюон, которая состояла примерно из 20 семей [91, 18]. Группа аборигенов, обитавшая в заливе Маккуори, насчитывала около 30 человек [152, 167]. В 1816 г. Келли видел около 50 аборигенов на о-ве Роббинс у северо-западного побережья Тасмании [52, 30]. В 1824 г. группа, состоявшая

из 64 человек, посетила Хобарт, а в следующем году в город снова пришла группа из 50 аборигенов. В 1820-х годах группа примерно из 50 тасманийцев неоднократно навещала о-в Бруни на юге Тасмании [91, 49, 100]. По словам Уэста, группы тасманийцев обычно состояли из 40—50 человек [264, т. 2, 72].

В 1830 г. Робинсон встретил группу аборигенов в районе Порт-Дейви. Она состояла из 26 человек: 20 взрослых, двух подростков и четырех детей [91, 132]. Соотношение взрослых и детей было здесь явно необычным: по сведениям Робинсона, группа пережила какую-то эпидемию. В другом месте Робинсон рассказывает о встрече с группой из 33 человек [91, 137]. В 1832 г. он встретил, по его словам, остатки «племени», обитавшего у м. Западного. Группа состояла из 23 человек — десяти мужчин, пяти женщин, четырех подростков и четырех детей [91, 633]. При том соотношении мужчин, женщин и детей, о котором пишут первые французские мореплаватели, такая группа состояла бы из 10 семей и насчитывала около 40 человек. На других страницах дневника Робинсона мы встречаем упоминания о встрече с группой из 12 человек (трех мужчин, пяти женщин и четверых детей) [91, 724] и с группой из девяти человек (четырех мужчин, двух женщин и троих детей) [91, 874].

Большой интерес представляют сведения о сезонных и локальных колебаниях численности групп аборигенов. По данным Б. Хайэтт, наибольшие группы (от 60 до 70 человек) наблюдались на восточном побережье в районе залива Ойстер и г. Хобарт летом и осенью, наименьшие (два человека) — на западе в районе залива Хиббс зимой. Зимой и весной сведений о группах на побережье меньше, чем летом и осенью, а сами группы сравнительно немногочисленны: наибольшие наблюдались в этот период на северо-западе (28—29 человек). Если исходить из этих данных, средняя годовая численность групп — 20 человек [112, 198—199]. Хотя эти данные, подобно другим данным Хайэтт, случайны и далеко не отражают всей картины, какая-то закономерность в них прослеживается. Видимо, те группы тасманийцев, которые не откочевывали в летнее время в глубь острова, образывали в этот период более крупные объединения, тяготевающие к побережью.

В Тасмании наблюдались и еще более многочислен-

ные временные объединения. Так, имеются сообщения, относящиеся к 1807 г., о группах численностью 200 или 300 человек в районе Джордж-Рокс на северо-востоке Тасмании и в районе р. Броунс-Ривер на юге острова, о группе аборигенов из 500 или 600 человек, напавших на поселение колонистов Рисдон в 1804 г. (Дж. Уокер утверждает, что аборигены собрались не для нападения на колонистов, а для облавной охоты на кенгуру [112, 199]), и о группе в 200 человек близ г. Лонсестон в 1824 г. Известно немало и других подобных фактов [91, 834; 262, 177—178; 152, 164, 166—171]. Когда речь идет о столкновениях между аборигенами и колонистами, цифрам, касающимся численности аборигенов, доверять нельзя: они могут быть сильно преувеличены. Но нельзя и отвергать без достаточных оснований все сообщения такого рода. Имеются и другие сведения о группах численностью до 500 человек, собиравшихся для коллективной охоты. «Кочевали они обычно маленькими группами, вероятно состоявшими из близкородственных семей, живших вместе,— пишет Уокер.— В их стойбищах редко бывало больше 30 или 40 человек — мужчин, женщин и детей. Однако в определенное время года формировались большие охотничьи партии, в которых объединялись семьи одного или нескольких племен, чтобы окружить и загнать дичь. Так, в 1804 г. в районе залива Ойстер собралось для охоты на кенгуру от 300 до 500 человек. Капитан Келли видел группу из 300 человек в 1806 г., и около дюжины других случаев, когда видели группы, насчитывавшие от 150 до 300 человек, имели место между 1804 и 1826 г.» [263, 264—265].

Можно предположить, что тасманийцы собирались большими группами в местах, где бывало в избытке мясо тюленей. А местность в районе Джордж-Рокс, где видели группу аборигенов численностью 200—300 человек, изобиловала тюленями, и аборигены, вероятно, собрались здесь в большом числе во время их забоя. Концентрация групп в местах, где в определенное время года имеется в изобилии растительная или мясная пища,— обычное явление и для Австралии.

Итак, за исключением особых случаев — коллективной загонной охоты, концентрации групп в местах, изобилующих пищей, и т. п., — группы тасманийцев насчитывали обычно от 20 до 50 человек. Они испытывали значительные колебания в сторону уменьшения или уве-

личения численности, связанные, главным образом с сезонным циклом, изменениями, происходящими в природе, увеличением или сокращением продовольственных ресурсов.

На западном побережье Тасмании, население которого вело полуоседлый образ жизни, группы в общем были многочисленнее, чем в других местах острова. Об этом можно судить по концентрации здесь вместительных жилищ. Вспомним, что в питании аборигенов внутренних областей Тасмании сухопутные животные составляли 70%, а в питании аборигенов приморских районов — 28%, растительная пища — соответственно 26 и 15%. Хозяйство аборигенов приморских областей было ориентировано преимущественно на море, а морской промысел в большей мере, чем охота, способствует концентрации населения и оседлости. Как говорилось выше, на западном побережье были и другие физико-географические причины, сдерживавшие миграции и способствовавшие оседанию.

Эти группы состояли из нескольких семей, и в зависимости от времени года и других условий размеры их то увеличивались, то сокращались, иногда до одной семьи, ведущей самостоятельное существование. То же самое наблюдается и в Австралии. Австралийская этнография предлагает готовую модель, и мы имеем все основания перенести ее в Тасманию. Она поможет нам понять основы общественного строя тасманийцев. Этой моделью является хозяйственная группа, или группа семей, совместно ведущих свое хозяйство до тех пор, пока в самое неблагоприятное время года или в самых неблагоприятных условиях она не распадется на отдельные семьи. Австралийские хозяйственные группы, подобно тасманийским, непостоянны в своих размерах. В более благоприятное время года они увеличиваются, в менее благоприятное — становятся меньше. Правильная повторяемость, цикличность этих колебаний закономерно связана с хозяйством — охотой, собирательством и морским промыслом — и обусловлена цикличностью изменений, происходящих в природе, прежде всего обеспеченностью продовольственными ресурсами. Наряду с сезонными колебаниями размеры групп зависят и от стабильных местных условий. В более благоприятных физико-географических условиях группы больше, в менее благоприятных — меньше [9, 241—242]. Такими хо-

зяйственными группами, или объединениями по совместному добыванию пищи и являлись группы аборигенов Тасмании, о которых говорилось выше.

Особенность тасманийских хозяйственных групп в том, что они не только формировались из отдельных семей, но и делились затем на коллективы по половозрастному признаку: мужчины сообща охотились на крупную дичь, а женщины, нередко с детьми, совместно собирали растительную пищу, моллюсков, охотились на небольших животных и т. д. Впрочем, подобное разделение осуществлялось не очень строго. Иногда мужчины охотились в одиночку или небольшими коллективами, не включаясь в мужчин всей группы. Иногда мужчины и женщины добывали пищу совместно. Особенно часто это случалось тогда, когда отдельные семьи вели экономически самостоятельное существование. Как мы знаем, хозяйственные группы порою концентрировались на территориях, изобиловавших пищей; в Австралии такие встречи дружественных групп используются для проведения совместных обрядов — например, посвящения, или инициации, подростков. Иногда при подобных встречах группы объединяются, например, для совместной облавной охоты. Но и такая форма добывания пищи, подобно распадению групп на отдельные семьи, имеет временный характер. Типичным для тасманийцев было, а для австралийцев, ведущих традиционный образ жизни охотников и собирателей, остается и сейчас объединение нескольких семей, совместно добывающих пищу, число которых функционально связано с экологическими природными условиями, не слишком велико и не слишком мало, т. е. является оптимальным для охотничье-собирательского хозяйства в нормальных для данной географической зоны и для данного времени года условиях. Итак, при прочих равных демографических условиях (прирост населения, плотность его и т. п.) величина охотничьей хозяйственной группы является как бы функцией естественно-географической среды.

Хозяйственная группа — оптимальная хозяйственная ячейка охотничье-собирательского, доземледельческого общества. Оптимальная, но не единственная. Наряду с ней существуют и другие общественные формы. Основной клеткой общественной структуры у тасманийцев, как и у других охотников и собирателей в эпоху, доступную нашим источникам, была семья.

А. Б. Пиотровский утверждал, что у тасманийцев «семья не являлась сложившейся социальной единицей» [21, 173]. Многочисленные факты, в том числе и те, которые приводит в своей статье автор, противоречат этому довольно неожиданному выводу. Дело обстоит как раз наоборот. Все европейцы, которым довелось наблюдать тасманийцев, пишут о семьях, об очагах, вокруг которых располагались семьями для еды и на ночлег тасманийцы. «Каждое туземное племя делится на несколько семей, и каждая семья, состоящая из нескольких человек, помещается у разведенного ею огня» [37, 104]. «Где бы ни расположилось туземное племя,— пишет другой очевидец,— каждая семья зажигает отдельный костер на расстоянии 14—20 ярдов (12,8—18,3 м.—В. К.) друг от друга» [155, 137; 152, 107]. Вспомним рассказ Лабиллардьера о стойбище, в котором горело семь костров, и вокруг каждого располагалась небольшая семья. Что же известно нам о браке и семье у тасманийцев?

Тасманийская семья — элементарная общественная клетка, которая выступает как самостоятельная хозяйственная группа, как коллектив по совместному добыванию пищи в неблагоприятное время года и в неблагоприятных физико-географических условиях. «Каждая семья имеет свой огонь, самостоятельно охотится и возводит для себя отдельную хижину», — пишет Уэст [264, т. 2, 82]. Хозяйственную самостоятельность тасманийской семьи, конечно, не следует преувеличивать, но тенденция подмечена, по-видимому, верно.

Многочисленные факты показывают, что во многих австралийских племенах семьи ежегодно в течение довольно продолжительного времени — от нескольких недель до нескольких месяцев — ведут экономически самостоятельное существование. Продолжительность этих периодов зависит от местных природных условий, времени года, наличия продовольственных ресурсов. То же самое, очевидно, происходило и в Тасмании. Мы не знаем, насколько продолжительными были здесь эти периоды — все зависело от конкретных условий. Периодическое дробление хозяйственной группы на отдельные семьи — форма существования охотничье-собираетельского общества в определенных условиях, форма активной адаптации к ним. Нестабильность групп в связи с цикличностью экологических условий, периодическая вре-

менная хозяйственная самостоятельность семьи характерны для охотников и собирателей и других частей света [9, 239—241].

У тасманийцев, как и у аборигенов Австралии, семья состояла из родителей и неженатых или незамужних детей. Лишь иногда в состав семьи входили отдельные ближайшие родственники — чаще всего старики родители или неженатые братья мужа или жены. Такая семья характерна и для многих других охотничье-собирательских народов.

По словам Робинсона, жена у тасманийцев обычно переходила в «племя» мужа — «племья» в понимании Робинсона. Следовательно, браки были в большинстве случаев вирилокальными. Робинсон пишет об этом так: «Случается иногда, что муж остается в племени жены и становится членом этого племени. Чаще, однако, мужчина возвращается с молодой женой к своему народу» [91, 888]. По словам Броу-Смита, «мужчине не разрешено жениться на женщине своего собственного племени» [234, т. 2, 386]. Об экзогамии «племени» пишет и Бонвик [49, 61]. Как мы увидим дальше, под «племенем» здесь следует понимать локальную группу, так что речь идет об экзогамии и преимущественной вирилокальности локальных групп. О том, что такое локальная группа, мы поговорим ниже.

То же самое наблюдается и у австралийцев. Браки между локальными группами аборигенов Австралии выражают тесные экономические связи этих групп.

Робинсон пишет, что жених делает подарки родителям невесты, например преподносит им свою охотничью добычу (кенгуру) [91, 888]. Такой обычай существовал и в Австралии в племени курнаи, которое населяло ближайшую к Тасмании область Юго-Восточной Австралии. «Наибольшая и лучшая часть охотничьей добычи посылается родителям жены», — пишут о курнаи Л. Файсон и А. Хауитт [87, 263]. Получив согласие родителей невесты, мужчина-курнаи — так же как и его тасманийский собрат — отправляется с женой в «землю своих отцов», т. е. на территорию своей локальной группы, но может также поселиться и на территории локальной группы родителей жены [87, 203—204]. Временная (до- или послебрачная) уксорилокальность, т. е. поселение брачной пары в группе жены, наблюдаемое иногда и в вирилокальных группах австралийцев, объясняется

иногда не только обязанностью охотника снабжать добычей родителей жены, но и пережитками материнско-родовых институтов. В действительности жених или муж обеспечивает пищей родителей своей невесты или жены в порядке своего рода выкупа, компенсации группе, к которой принадлежит или принадлежала женщина, за потерю в ее лице рабочей силы, добычицы средств пропитания. Этот обычай отсутствует там, где брак основан на обмене женами и где группа, теряя одну женщину, приобретает другую. Временное или постоянное уксорилокальное поселение супругов преследует ту же цель: в случае взаимно удаленного расположения локальных групп (что при обширности охотничьих территорий бывает нередко) оно помогает охотнику наилучшим образом выполнять свои обязанности по отношению к тестю и другим свойственникам.

Сходство обычаев аборигенов Тасмании и Юго-Восточной Австралии здесь очевидно, и оно характеризует не только генетическое родство двух этносов, но и структурно-типологическую близость их общественных отношений.

Итак, данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что брак у тасманийцев был по преимуществу вирилокальным. Эта ведущая тенденция предполагала исключения в виде постоянной или временной уксорилокальности брака. В некоторых случаях здесь была возможна и неолокальность: поселение брачной пары вне локальных групп мужа и жены. Не наблюдалась лишь дислокальность брака, при которой муж и жена остаются в своих локальных группах. Такая форма брака, которую некоторые теоретики считают типичной для ранних стадий общественного развития, вообще не характерна для охотников и собирателей, и пример тасманийцев, сохранивших к началу колонизации свой общественный строй в неприкосновенности, подтверждает это еще раз.

Вирилокальность брака — ведущая форма локальности брака и у австралийцев. По-видимому, такая локальность брака вообще в большей степени отвечает условиям, в которых живут охотники и собиратели, и социальным взаимоотношениям в охотничьих общинах [9, 246, 248].

О существовании у тасманийцев родовой организации в какой-либо форме источники умалчивают. Единствен-

ным указанием на возможность ее существования является экзогамия локальных групп; но родовая организация не сводится к экзогамии, это лишь один из признаков рода, хотя и обязательный, выражающий его сущность. Обычай брать жену или мужа из другой локальной группы может возникнуть и независимо от существования рода. Экзогамия локальной группы и экзогамия рода — не одно и то же. Локальная группа — территориальный институт, она может состоять и чаще всего состоит из семей, включающих в себя выходцев из различных локальных групп (хотя это и не является неизменным ее признаком), а род — институт генеалогический, он не состоит и не может состоять из семей, так как члены каждой семьи — всегда представители различных родов. Но очень возможно, что исторически родовая организация возникла на основе экзогамии локальных групп. Существовала ли родовая организация у тасманийцев, мы не знаем, и любые домыслы здесь бесполезны. Таково, например, утверждение — мы находим его в книге «Народы Австралии и Океании» — о том, что подразделения племен у тасманийцев были «примитивными родами» [18, 277]. Повод для такого вывода дает только существование экзогамии.

Не лучше обстоит дело и с таким предположением: «Счет родства (у тасманийцев.— В. К.) был, по-видимому, матрилинейным» [18, 278]. Единственное основание для него — слова Бонвика: «В Австралии и Тасмании мужчины считались родственниками родственников своих матерей» [49, 62]. Откуда почерпнул эти сведения Бонвик, остается его тайной, в чем легко убедиться, заглянув в его книгу. Позаимствовав эту цитату из книги Линг-Рота, автор главы о тасманийцах в книге «Народы Австралии и Океании» почему-то умолчал, что этот признанный авторитет в тасманийской этнографии сопровождает слова Бонвика следующим замечанием: «В действительности нам ничего не известно о подобных отношениях у тасманийцев» [152, 115].

В. Ф. Зыбковец тоже без всяких оснований называет «родами» локальные и хозяйственные группы тасманийцев [7, 136—137].

Мало обоснован и вывод — там же, в книге «Народы Австралии и Океании», — о «преобладании традиций группового брака у тасманийцев» [18, 278]. Это утверждение покоится на фактах полигамии; но полигамия не

является «остатком группового брака», как считает автор. Нам еще предстоит рассмотреть вероятные причины многоженства, и мы убедимся в том, что они — в самом строе тасманийской семьи. Замечание Уэста (которое цитирует автор), что «женщины в последнее время жили в бигамии» [264, т. 2, 78; 152, 112], неясно; возможно, речь идет о последствиях охоты белых тюленепромышленников на тасманийских женщин, которая нарушила пропорциональное соотношение полов. Явление это, во всяком случае, позднее, как и пишет Уэст.

Другое доказательство традиций группового брака — «легкость развода» — едва ли следует рассматривать серьезно. Ведь перед нами — не современная моногамная семья.

Последнее, чем автор главы о тасманияцах в книге «Народы Австралии и Океании» пытается обосновать свой вывод о «преобладании традиций группового брака у тасманийцев», — то, что «вдова считалась собственностью всей группы: на нее имели право все мужчины». Откуда заимствованы эти сведения, неизвестно, источник не указан, но даже если это и так, не слишком ли этого мало для столь ответственного вывода?

Зыбковец, пытаясь обосновать групповой характер тасманийского брака, прибегает к довольно странному переводу источника. Излагая цитату из Миллигана о разводе у тасманийцев, он пишет, что мужчина и женщина, прекратив связь, вступали «в новые связи внутри „семьи“», а затем связь между ними возобновлялась [7, 136]. Между тем Миллиган пишет лишь о том, что мужчины с легкостью меняли жен и спустя какое-то время после развода могли снова вступить в брак с первой женой [152, 112]. Слов «внутри семьи» у Миллигана нет. Никаких серьезных доказательств группового характера тасманийского брака мы не находим и здесь. Речь идет о неустойчивом характере тасманийской семьи.

Говоря о том, что брачные отношения у тасманийцев носили групповой характер, Зыбковец в то же время отмечает, что тасманийкам, по мнению всех наблюдателей, была свойственна «верность своему супружескому долгу» [7, 179]. Как одно сочетается с другим, он не объясняет.

Сообщения авторов-очевидцев иногда противоречат друг другу. Так, Дж. Ллойд утверждает, что много-

женство было у тасманийцев «всеобщим законом» [155, 44—45]. Он пишет, что в племени, которое он знал в 1821 г., мужчины обычно имели по две или по три жены одновременно. Он рассказывает далее о старике, который имел трех жен в возрасте 30, 17 и 10 лет. Все они были обещаны ему с самого раннего детства и вскоре после этого вошли в его семью (кстати, еще одно указание на вирилокальность тасманийского брака). Большая разница в возрасте между мужем и женой (или женами) обычна и для австралийцев. О тасманийце, имевшем одновременно двух жен, сообщает Колдер [58, 22]. О полигамии у тасманийцев писал еще в 1792 г. Лабиллардьер (см. гл. 1), а позднее и другие авторы [152, 112—113; 264, т. 2, 78]. Напротив, Миллиган утверждает, что тасманийцы жили в моногамном браке [152, 112], а Робинсон в разных местах своего дневника пишет, что многоженство было у тасманийцев очень редким явлением, хотя и упоминает отдельные случаи, когда мужчины-тасманийцы имели по две жены [91, 57, 137, 644, 742]. По-видимому, полигамия все же существовала в Тасмании, хотя, возможно, и не была распространена так широко, как у австралийцев.

Каковы же причины и условия возникновения полигамии в обществе охотников и собирателей? Семья здесь — экономический институт, основанный на разделении труда, и австралийские и тасманийские этнографические материалы доказывают это со всей очевидностью. Экономически обусловлена здесь и полигамия. Она тесно связана с образом жизни и разделением труда в бродячем охотничье-собирательском хозяйстве, когда на плечи женщины ложится основная работа по обеспечению семьи пищей и по воспитанию детей. В этих условиях и вся семья, и сами женщины, особенно в период беременности и кормления, жизненно заинтересованы в том, чтобы в семье появилась помощница в лице молодой жены. Полигамия не пережиток группового брака, а институт, рожденный самими условиями охотничье-собирательского быта. Она является одной из характерных, хотя и не повсеместных особенностей семьи на ранней стадии ее развития.

Такой тип полигамии следовало бы точнее называть полигинией — многоженством, в отличие от полиандрии — многомужества. Робинсон упоминает о тасманийке, которая имела одновременно двух мужей [91, 281], —

случай редкий и вообще нехарактерный для охотников и собирателей. Возможно, он относится к позднему времени. В том, что это действительно так, нас убеждают приведенные выше слова Уэста о том, что тасманийские женщины жили в бигамии «в последнее время», по-видимому уже в эпоху колонизации, но не раньше.

Структура семьи в обществе аборигенов Тасмании и Австралии одинакова в основных, существенных своих чертах: как и в Австралии, молодые девушки — тасманийки нередко становились женами людей, которые были значительно старше их [49, 85]. А так как тасманийцы были отрезаны от Австралии в эпоху позднего палеолита или мезолита и подобный тип семьи все еще существует у многих других охотничьих, доземледельческих народов, можно предположить, что он был характерен для охотников и собирателей позднего палеолита и мезолита и других частей света, ибо отвечал условиям жизни общества на этой стадии развития.

О положении женщины в тасманийском обществе пишут многие очевидцы, начиная с мореплавателей XVIII — начала XIX в. Все они сходятся в одном: женщины занимали приниженное положение, в детстве они были подчинены родителям, затем мужьям, мужчины перекладывали на женщин всю тяжелую и утомительную работу, отбирали у них большую и лучшую часть пищи, били и т. д. [140, 59, 61; 152, 34, 44, 112—115]. Вождями племен и локальных групп бывали только мужчины, и лишь в эпоху колонизации, когда мужское население сократилось в результате систематического истребления, женщины иногда возглавляли отряды мстителей, нападавших на европейцев. Если во всем этом и есть известное преувеличение, если положение женщин не было столь приниженным и рабским, как это казалось европейцам, все же ясно, что тасманийское общество было совершенно чуждо матриархату, который нередко постулируется для ранних стадий общественного развития.

Наряду с хозяйственной группой и семьей у тасманийцев существовали и другие общественные формы. Все, кто писал о социальной организации тасманийцев, говорили о племенах, но слово это понимали по-разному. В австраловедении термину «племя» придается настолько широкое и нечеткое значение, им называют столь различные социальные образования, от крупных лингви-

стических общностей, говорящих на одном языке, до небольших объединений локальных групп, что иногда возникает желание вообще отказаться от этого понятия. В своих записках Робинсон говорит то о племенах, то о нациях, употребляя оба слова как синонимы. Итак, рассмотрим сначала те общности, которые Робинсон называет племенами или нациями, и попытаемся понять, что они собой представляли.

Племя, по Робинсону, это группа людей, которая называет себя особым наименованием и под этим наименованием известна другим аборигенам. Многие племена, впрочем, имели два наименования; возможно, что одним аборигены называли себя сами, а под другим были известны соседям. Каждое племя было связано с определенной территорией, известной далеко вокруг не только своими границами, но прежде всего «ядром территории». Поэтому говорили о племени Песчаного мыса, племени Порт-Дейви и т. д. Опираясь на данные Робинсона, Пломли нанес на карту Тасмании 46 таких групп [91, 970—976]. Есть основания полагать, что данные эти далеко не полные: названия многих «племен», населявших районы, захваченные колонистами, остались неизвестными. А в этих районах было сосредоточено когда-то довольно значительное коренное население. Поэтому Пломли полагает, что его список включает менее половины всех племен [91, 969], а Р. Джонс считает, что число таких групп должно быть увеличено по крайней мере до 70 [134, 274].

Известно, что на побережье — а о нем мы располагаем наиболее полной информацией — каждая такая общность, которую Робинсон, а вслед за ним Пломли и Джонс называют племенем, занимала участок длиной от 24 до 32 км, и лишь на юго-западе, где источники питания были более ограниченными, эти участки увеличивались примерно вдвое [91, 969].

Уэст отмечал, что топографические познания тасманийцев отличались большой точностью, что каждая гора, долина и река имели свои названия. Аборигены знали, в стране какого племени они находились. Одна женщина сказала Робинсону, что она не знает названия местности, что это — «не ее страна» [91, 526]. Особенности рельефа — реки и холмы — нередко образовывали границы племенных территорий [91, 312]. Для тасманийцев топография была частью социальной структуры.

Границы социальной общности, ее «ядро», или «сердце», ассоциировались в их представлении с приметам местности.

Во время периодических ежегодных миграций многие племена уходили на расстояние до 150 км и более от «ядра» своей территории и пересекали земли соседних групп. Такие передвижения были возможны только при наличии дружественных, добрососедских отношений между группами; в противном случае вспыхивали кровавые столкновения [91, 854; 262, 176—187; 134, 277].

По данным Робинсона, племена были экзогамны, браки заключались только между людьми из соседних племен. Но вопрос в том, племена ли это были. Исследования других охотничьих народов показывают, что экзогамия характерна для локальных групп, из которых состоит племя, а сами племена преимущественно эндогамны, хотя какой-то процент браков обычно заключается и за пределами племени. Так, в Австралии браки за пределами племени составляют в среднем 15%, а 85% браков заключается, следовательно, внутри племен [249, 169—190]. Примерно такое же соотношение экзогамных и эндогамных браков характерно и для племен у многих других народов. Замечания Робинсона об экзогамии племен как их характерной особенности показывают, что перед нами скорее всего локальные группы, а не племена.

Из скольких же человек состояли группы, которые Робинсон считает племенами? Робинсон называл племенем любую большую группу аборигенов, более или менее стабильную по своему составу. В свою очередь, такая группа состояла из «очагов», или семейных групп, каждая из которых состояла из мужа, жены (или жен), детей и иногда других родственников и располагалась в стойбище вокруг отдельного костра. Робинсон рассказывает, как однажды вечером, накануне нападения на него у р. Артур, аборигены расположились для еды и сна. Люди каждого «племен» собрались семьями вокруг очагов, на известном расстоянии от людей других «племен» [91, 649]. По данным Лабиллардьера, в семьях тасманийцев было по 6—7 человек. Однажды в зарослях он увидел 14 кострищ [140, 127]; аборигенов около них не было, но можно предположить, что группа насчитывала около 90 человек.

Робинсон и другие европейцы не раз встречали на

западном берегу Тасмании группы долговременных хижин, которые они называют деревнями. Каждая хижина вмещала обычно от 6 до 15 человек, а по некоторым, возможно преувеличенным, сведениям, — до 30 человек (см. выше). В хижинах, следовательно, обитали одна или несколько семей. Исходя из количества хижин в совместном поселении, Робинсон иногда пытался установить численность его обитателей. Так, в одном случае он пишет, что «племя» состояло примерно из 40 человек, так как в поселении было четыре хижины, а, по его наблюдениям, в хижине проживало в среднем 10 человек [91, 168—170]. Вблизи оз. Грейт-Лейк, в Центральной Тасмании, Робинсон видел стойбище, состоявшее из пяти хижин [91, 512]. Хотя Робинсон пишет о хижинах и в этом случае, речь идет, вероятно, о менее вместительных, чем на западе, жилищах. Ветровые заслоны, характерные для Восточной Тасмании, по словам Уэста, тоже образовывали «деревни», в которых бывало от 17 до 40 шалашей. «В первом случае в племени могло быть около 70 человек, так как под одним заслоном укрывалось от четырех до пяти человек», — пишет Уэст [152, 109]. Исходя из этого расчета, во втором случае в группе могло быть около 160 человек.

На одном из участков западного побережья Робинсон обнаружил ямы от 3 до 6 м шириной и от 1 до 1,5 м глубиной рядом с огромными грудями раковин, которыми можно было, по его словам, «наполнить большой корабль». Это были следы долговременного поселения. А за полгода до этого Робинсон недалеко отсюда видел жилища аборигенов в углублениях, вырытых на склоне песчаного холма, и на рисунке в его дневнике изображены пять хижин [91, 790, 858]. Точно такие же углубления на поверхности раковинных куч на западном побережье были обнаружены позднее археологами. «Практически каждая большая раковинная куча, что приходилось мне видеть на северо-западном побережье между Маунт-Камерон-Уэст и р. Артур, имела одинаковые, хорошо очерченные, круглые в плане углубления на поверхности, — пишет Р. Джонс. — Я думаю, что эти углубления предназначались для хижин или по крайней мере для укрытий от ветра» [134, 278]. В двух местах Джонс насчитал по пять углублений, в третьем — семь. Это также были следы долговременных стоянок каких-то групп, по терминологии Робинсона — племен, каждое

из которых насчитывало, вероятно, от 30 до 50 человек. Все они располагались на берегах лагун, изобилующих рыбой и моллюсками, или вблизи тюленьих лежбищ. Огромные размеры раковинных куч и стратиграфия ясно указывают на то, что люди обитали здесь длительное время, что поколения сменялись поколениями.

Таким образом, те общности, которые Робинсон и некоторые другие авторы (например, Уэст) называют «племенами», согласно имеющимся у нас отрывочным сведениям, насчитывали от 30 до 160 человек и включали примерно от 5 до 26 семей, если исходить из того, что тасманийская семья состояла в среднем из шести человек. Есть ли у нас основания называть такие группы, вслед за Робинсоном, племенами?

Думается, что в большинстве случаев это были те же хозяйственные группы или объединения по совместному добыванию пищи, о которых говорилось выше и которые испытывали значительные колебания своей численности в зависимости от различных причин. В разных географических ареалах острова численность групп определялась закономерностями, характерными для этих ареалов.

Итак, те группы, которые Робинсон называет племенами, по-видимому, были в большинстве случаев хозяйственными группами, а такие их признаки, как связь с определенной территорией, с топографическими ее приметами, название и самоназвание, экзогамия, относительно стабильный состав, следует относить к локальным группам, которые, как и в Австралии, временами распались на хозяйственные группы. Напомним, что австралийские хозяйственные группы послужили для нас моделью, способствующей более углубленному пониманию тасманийского материала. Такой же моделью может стать и австралийская локальная группа. Вот почему, прежде чем продолжить «поиски» тасманийского племени, скажем несколько слов о локальной группе.

Локальную группу и хозяйственную группу легко отождествить, потому что и та, и другая состоят из нескольких семей и иногда полностью совпадают по своему составу. Однако их следует различать. Локальная группа — а племя состоит из нескольких локальных групп — величина более или менее постоянная, стабильная. Она занимается охотой и собирательством на территории племени и в зависимости от местных природных усло-

вий, времени года, наличия продовольственных ресурсов и других факторов, о которых говорилось выше, то коцует в полном составе, то распадается на более мелкие группы, временами — вплоть до отдельных семей. Вот эти-то коллективы, добывающие пищу на территории своей локальной группы, численность и состав которых периодически меняются, мы и называем хозяйственными группами. Хозяйственные группы — это локальная группа в действии, в динамике. В зависимости от времени года и других причин хозяйственная группа выступает то как локальная группа в полном ее составе — и в это время между хозяйственной и локальной группами никакой разницы нет, — то как часть локальной группы, и в такие периоды локальная группа представлена несколькими хозяйственными группами. Так продолжается до того времени, пока локальная группа не распадается на отдельные семьи, но затем, когда это становится возможным, снова собирается в полном составе. Потому-то мы и говорим, что связь с определенной территорией, а точнее, собственность на территорию, на которой группа ведет свое хозяйство, название и самоназвание, экзогамия — это все признаки не временных хозяйственных, а локальных групп, общностей более стабильных по составу и численности. У тасманийцев, как и у всех других охотников и собирателей, локальная группа или община — основная экономическая ячейка общества, главный его производственный коллектив. Земля находится в коллективной собственности локальной группы в полном ее составе.

Локальными группами и являются племена, которые нанес на карту Тасмании, используя данные Робинсона, Пломли [91, 971] и которых, по мнению Джонса, было не менее семидесяти.

Робинсон и другие авторы прошлого века не различали племя и локальную группу — современная им наука еще не выделила последнего понятия, — поэтому очень вероятно, что некоторые признаки, относимые Робинсоном к тем общностям, которые мы считаем локальными группами, относились к племенам. Скорее всего названия и самоназвания локальных групп в некоторых случаях были в то же время названиями и самоназваниями племен и распространялись и на другие локальные группы того же племени. Связь с определенной территорией для племени не менее обязательна, чем для локальной

группы, следовательно, границы племени были выражены не менее ясно, чем границы локальных групп, и племенная территория точно так же, как и территория локальной группы, могла иметь свое «ядро».

Можно ли говорить о тасманийском племени как о чем-то реальном? Оказалось, что в Тасмании прослеживаются еще более крупные общности, чем локальные группы. Опираясь на сообщения колонистов, записки путешественников, официальные отчеты и словари тасманийских языков, Дж. Уокер разделил в конце прошлого века все коренное население Тасмании на четыре большие группы: 1) южную, 2) западную и северо-западную, 3) центральную и 4) северную и северо-восточную [262, 176—187; 152, 165—171]. Впоследствии В. Шмидт, тщательно проанализировав все опубликованные словари тасманийских языков, пришел к выводу о существовании в Тасмании пяти различных языков [222, 54—56]. Его мнение было поддержано австралийским лингвистом А. Капеллом [59, 315; 63, 71]. Языки эти можно объединить в две большие группы — восточную и западную. Зона распространения языков восточной группы включает в себя три языка — северо-восточный, центрально-восточный и юго-восточный. Вдоль западного и северо-западного побережья протянулась зона распространения западного языка, к которому на севере примыкал родственный ему северный язык. Классификации Уокера и Шмидта во многом совпадают, и это показывает, что в основе их лежат объективные факты. Лингвистические ареалы Шмидта хорошо согласуются и с распространением некоторых элементов материальной культуры и обычаев [134, 279].

Между лингвистическими общностями и локальными группами находятся общности не столь обширные, как первые, но включающие каждая несколько локальных групп. Они выделены тем же Уокером. Вот эти-то общности мы и можем рассматривать как истинные племена. Центрально-восточная лингвистическая общность состояла из двух племен — племени р. Биг-Ривер и племени залива Ойстер (все названия племен даны Уокером по географическим наименованиям европейского происхождения). Первое тяготело к оз. Грейт-Лейк, географическому центру Тасмании, и системе рек, текущих к югу, второе — к восточному побережью и обширной области хинтерланда. Они говорили на одном и том же языке.

время от времени встречались — вероятно, в периоды изобилия тех или иных видов пищи — и иногда объединялись, особенно в последних отчаянных попытках противостоять европейским притеснителям, однако направление их сезонных миграций, источники питания и минерального сырья были совершенно различны. И европейские поселенцы, и сами аборигены ясно различали эти два племени как самостоятельные общности.

Северо-восточная лингвистическая общность включала четыре племени — северо-восточное племя, тяготеющее к северо-восточному побережью, племя Порт-Дейл-римпль в долине р. Теймар вплоть до ее устья и племени Бен-Ломонд и Стоуни-Крик, занимавшие обширные внутренние области Северо-Восточной Тасмании. Некоторые из них были почти совершенно независимы друг от друга, и, хотя они говорили на одном языке, между ними прослеживались, правда незначительные, диалектные и культурные различия. Так, например, есть сведения, что язык племени Бен-Ломонд несколько отличался от языка, на котором говорили остальные племена этой группы. Диалектными различиями в пределах единой языковой общности можно объяснить тот факт, что, по свидетельству европейцев, две сотни представителей уцелевших в «черной войне» тасманийских племен, вывезенных на о-в Флиндерс, говорили на восьми или десяти различных языках или диалектах [262, 179, 184, 186].

В отдельных случаях лингвистические общности и племена полностью совпадали. Так было в зонах распространения северного и юго-восточного языков. В зоне распространения западного языка Р. Джонс, опираясь на данные Робинсона, предлагает выделить два племени — северо-западное и юго-западное [134, 280]. Граница между ними проходила севернее залива Маккуори.

Если принять, что в Тасмании было только 10 племен, а численность коренного населения составляла 6—8 тыс. человек, получится, что тасманийское племя насчитывало в среднем 600—800 человек.

Близкие цифры дают материалы по Австралии. Численность австралийского племени колебалась приблизительно от 100 до 1500 человек и составляла в среднем 500—600 человек [33, 26]. Дж. Бердселл считает, что австралийское племя насчитывало в среднем 500 человек [46, 230]. Среднее число локальных групп в тасманийском племени — примерно то же, что и в австралийском. В це-

лом социальная структура тасманийского общества (племена, локальные группы и т. д.) чрезвычайно близка к структуре общества аборигенов Австралии.

Приведенные выше факты о группах аборигенов численностью от 200 до 600 человек, собиравшихся для коллективной охоты, забоя тюленей и других целей, относятся, вероятно, к временным, сезонным объединениям нескольких локальных групп одного племени или двух соседних дружественных племен, как это сообщают, например, о племенах р. Биг-Ривер и залива Ойстер, а в отдельных случаях и всего племени.

Враждебные столкновения, рассказами о которых изобилует литература о тасманийцах, вероятно, чаще вспыхивали между локальными группами различных племен, чем одного и того же племени.

Итак, мы можем определить тасманийское племя как наиболее крупную социальную общность, связанную с определенной территорией, ведущую на ней охотничье-собирательское хозяйство и периодически собирающееся — в составе нескольких локальных групп или полностью — для различных целей. Как и в Австралии, такие встречи нескольких локальных групп или всего племени в местах изобилия пищи сопровождалась, вероятно, не только коллективными охотами, но и совместными обрядами. Можно предположить, что здесь обсуждались общие дела племени, улаживались споры, заключались браки, происходила инициация подростков и т. д. Иногда это были настоящие общеплеменные собрания. Племя было, вероятно, крупнейшей социальной общностью, членом которой чувствовал себя тасманиец. Выражением племенного самосознания было самоназвание племени. Более того, люди одного и того же племени обращались друг к другу со словами «брат» и «сестра», а один абориген из северо-восточного племени сообщил капитану Келли, что он воюет со своим «братом», вождем локальной группы северо-восточного побережья [152, 165]. Слова «брат» и «сестра» здесь не выражают ничего иного, кроме признания того факта, что люди, называющие так друг друга, являются соплеменниками. Но в силу преобладавшей эндогамности племени они как соплеменники могли находиться и в той или иной степени родства друг с другом.

В одних случаях языковые общности состояли из не-

скольких племен, в других — лингвистическая общность и племя совпадали. Данные, которыми мы располагаем, показывают, что в тасманийской языковой общности могло быть от одного до четырех племен, причем между последними иногда прослеживаются дальнейшие диалектные различия — очевидный признак углубляющейся со временем дифференциации. Ведь по мере того как население Тасмании увеличивалось, локальные группы расселялись, на их основе образовывались новые племена, и культурные и языковые различия между ними должны были со временем усиливаться.

Тасманийское племя (это характерно и для Австралии) не выступало обычно как единое целое в организационном отношении, т. е. как сообщество, руководимое каким-либо общеплеменным собранием или вождем, — исключения могли быть только в периоды межплеменных войн или войны с колонизаторами; кроме периодических, но кратковременных общеплеменных встреч и тех же войн, оно едва ли выступало целиком и как социальное целое; в экономическом плане оно представляло собой единый организм лишь как собственник племенной территории со всеми находящимися на ней источниками пищи и минерального сырья, а также в периоды тех же общеплеменных сборищ, когда устраивались коллективные охоты. Общая территория и общий язык, некоторое культурное своеобразие, племенное самосознание, выражающееся в самоназвании, — вот что главным образом конституировало тасманийское племя. Перед нами, таким образом, одна из ранних стадий процесса становления племени как общественного института.

Структура, численность и расселение аборигенов Тасмании были в известной мере результатом подвижного, гибкого равновесия между населением и средой, которое установилось на протяжении многих тысячелетий, протекших со дня первоначального заселения Тасмании группой палеоавстралийцев в конце плейстоцена. В этом отношении тасманийская модель аналогична тому, что нам известно об охотниках и собирателях других частей света, в первую очередь об австралийцах. К началу колонизации Тасмании (к 1803 г.) численность коренного ее населения достигла относительно высокого для охотников и собирателей уровня, сопоставимого с численностью некоторых прибрежных популя-

ций Австралии и Северной Америки. Через 70 лет после начала колонизации аборигенов Тасмании не стало.

Тасманийское племя считало территорию, на которой оно жило, своей собственностью прежде всего в экономическом смысле, совершенно так же, как смотрели на свои участки племенной территории локальные группы. Ведь на этой земле обитали животные, на которых племя охотилось, на ней произрастали растения, которые племя собирало, в недрах ее находилось минеральное сырье, из которого племя выделывало орудия труда и краски. По словам Уэста, тасманийцы держались за свои охотничьи угодья так же крепко, как поселенцы за свои фермы. У тасманийцев не было частной собственности на землю, пишет он, но границы земель локальных групп и племен были хорошо известны, и самовольное нарушение этих границ рассматривалось как объявление войны [264, т. 2, 20]. Р. О'Коннор тоже отмечал, что аборигены Тасмании «относятся к своим охотничьим территориям так же ревниво, как поселенцы к своим фермам, и выражают недовольство, если обнаруживают, что... поселенцы охотятся на их территории» [29, 34]. Г. Мелвилл сообщает о том, что каждое тасманийское племя имело свою территорию с четко очерченными границами [169, 346]. Все это характерно и для австралийцев, а также для охотников и собирателей других частей света.

В пределах своих племенных территорий, пишет Уэст [там же], тасманийцы кочевали не стихийно, а в определенное время года и по определенным маршрутам, и эти миграции носили настолько правильный и регулярный характер, что их время и направление всегда можно было предсказать заранее. По словам одного из очевидцев, «каждый год в одном и том же месяце и почти в один и тот же день группы аборигенов двигались на юг вдоль левого берега р. Деруэнт, и женщины, подобно весталкам со священным огнем, несли горящие факелы» [253, 48].

Обычным явлением были и миграции за пределы племенных земель, чаще всего из внутренних районов острова к побережью и обратно, к местам добычи моллюсков, к лежбищам тюленей, к местам, где в изобилии имелись птичьи яйца, к карьерам, в которых добывалась охра и сырье для орудий. Такие передвижения через земли чужих племен, всегда совершавшиеся по опре-

деленным, традиционным маршрутам, требовали дружественных взаимоотношений и предварительной договоренности. Отсутствие этих условий вело к войне.

Общая собственность локальной группы и племени на территорию локальной группы и племени и на находящиеся на этой земле съедобных животных и растения, на места добычи камня и охры, личная собственность тасманийца на орудия, оружие и все остальные предметы индивидуального пользования — таковы вкратце отношения собственности в тасманийском обществе.

К сожалению, наши источники почти не дают ясных или недвусмысленных указаний на характер распределения у тасманийцев. По-видимому, то, что человек добывал личным трудом, принадлежало ему и его семье. Животное, убитое одним охотником, принадлежало ему одному. Однако часть своей охотничьей добычи охотник отдавал, как мы знаем, родителям невесты или жены, а часть поступала иногда в распоряжение вождя и других членов общины. Если в охоте принимало участие несколько человек, добыча, вероятно, делилась между всеми участниками, однако источники не содержат указаний на правила распределения добычи в этом случае. Продукты женского собирательства распределялись внутри семьи.

В книге «Народы Австралии и Океании» мы читаем: «Относительно распределения продуктов охоты и собирательства источники содержат лишь указание на то, что добыча коллективной охоты распределялась между всеми участниками» [18, 277]. В статье, написанной в 1933 г., А. Б. Пиотровский в большем соответствии с фактами писал: «Относительно распределения продуктов собирательства и охоты в источниках отсутствуют какие бы то ни было прямые данные» [21, 172].

Выше мы уже говорили о некоторых противоречиях в сообщениях очевидцев. Противоречат друг другу и сведения различных авторов о таких явлениях общественной жизни тасманийцев, которые можно рассматривать как первые, самые ранние ростки социального расслоения. Так, Робинсон часто говорит о вождях; последние, по его словам, возглавляли охотничьи и военные походы. Межплеменные и межгрупповые столкновения возникали из-за самовольного нарушения племенных и локально-групповых границ, похищения женщин, нарушения соглашений — когда, например, одно племя отка-

зало другому в обещанной охре, как рассказывает Робинсон,— и по другим поводам [91, 257, 644, 854, 874]. Отметим, кстати, что по тем же причинам вспыхивали войны и у австралийцев. Более того, Робинсон называет власть вождей «абсолютной»: вождь может, по его словам, лишить жизни любого человека или взять в жены любую девушку своего племени. Все это Робинсон узнал от самих аборигенов. Он называет возраст вождя одной группы — ему было 25 лет, — а Келли пишет о вожде в возрасте примерно 30 лет [152, 67]. Между тем Лабиллардьер утверждает, что никаких вождей у тасманийцев нет и каждая семья живет независимо от других [152, 58]. О том же говорит Броу-Смит [234, т. II, 389], а Бэкхауз и Уэст пишут, что вожди тасманийцев — просто «главы семей», обладающие «необычайной доблестью», они выделяются среди соплеменников силой или хитростью, но власть их незначительна [37, 105; 264, т. 2, 81]. Уокер говорит об «ограниченной, патриархальной власти» тасманийских вождей, «во многих отношениях почти номинальной» [263, 250]. Столь же противоречивы высказывания других авторов [152, 57—59].

По-видимому, сведения Робинсона несколько преувеличены, тогда как Бэкхауз и Уэст ближе к истине. Власть на этом уровне социального развития еще не имеет наследственного характера, и люди, которых европейцы были склонны считать вождями племен или локальных групп,— это, как правило, наиболее способные, удачливые охотники или руководители военных походов, люди, обладающие организаторскими или иными выдающимися качествами, наконец, сильные личности, занимающие в обществе доминирующее положение. «Каждое племя или часть племени управляется вождем, но его функции, по-видимому, не передаются по наследству; ими облакаются отважные воины» [152, 58]. «У тасманийцев, без сомнения, существовал институт вождей, хотя не наследственный и не выборный. Тем не менее вождей признавали, особенно в военное время, руководителями племен и подчинялись их распоряжениям» [49, 81]. Вождями, как мы видели, бывали молодые люди в расцвете сил и способностей. Старики, уступив свое место молодым, начинали играть иную социальную роль — хранителей традиций, мудрецов, знахарей.

Так, Робинсон рассказывает о руководителе одной из групп: «Он был их вождем много лет и наконец, когда

он стал слишком стар, чтобы сражаться, сделался их прорицателем или мудрецом» [91, 742]. Таких «прорицателей» Робинсон тоже называет «вождями» [91, 396, 528, 542 и др.], однако из его слов ясно, что во многих случаях речь идет о знахарях или шаманах. Возможно, впрочем, что некоторые вожди одновременно выступали в роли шаманов. Более того, возможно, что личные качества вождя, человека, во многих отношениях незаурядного, предполагали наличие у него и таких способностей, которые необходимы знахарям и шаманам. С годами они раскрывались все больше и больше.

Тасманийцы избегали произносить имена умерших. Исключения делались лишь для знаменитых вождей: их вспоминали, рассказы о их подвигах становились легендами [91, 977].

По-видимому, тасманийцы не имели постоянно функционирующего института общеплеменных вождей. Замечания авторов-европейцев о племенных вождях не должны вводить нас в заблуждение: ведь «племенами» очень часто называли локальные группы тасманийцев. Вполне возможно, что время от времени военные руководители вставали и во главе целых племен — это бывало в периоды межплеменных войн, в годы «черной войны». Но в мирное время тасманийское общество еще не знало племенных вождей. Не знало оно и такого общеплеменного или локально-группового административного органа, как совет вождей или старейшин, хотя какие-то формы коллективного обсуждения дел локальной группы или всего племени во время общеплеменных собраний, вероятно, имели место. Что же касается локальных групп, то они уже имели вождей как в военное, так и в мирное время.

Может возникнуть обоснованный вопрос, следует ли вообще таких руководителей называть вождями. Слово «вождь» вызывает у нас определенные ассоциации, воспоминания о таких явлениях, которые были еще глубоко чужды архаическому тасманийскому обществу, всему строю его жизни. С другой стороны, тасманийские вожди обладали такими личными качествами, которые едва ли совместимы с обычным представлением о «вождях». И все же слово это можно употреблять, если только помнить, что речь идет о первобытнообщинном строе с еще только зарождающимся социальным расслоением. Этим и объясняются аморфность, нечеткость, случайность

института вождей, некоторая неопределенность их функций, значительная роль в их возвышении личных качеств, сочетание в одном лице качеств и функций вождя и знахаря или шамана.

Источники ясно указывают на существование в тасманийском обществе неписаного правового кодекса — обычного права, регулировавшего общественную жизнь. Нарушителей общественно-правовых норм наказывали совершенно так же, как в соседней Австралии: преступник должен был стоять на месте, в то время как в него со всех сторон летели копья. Только острота глаза, быстрота и ловкость движений позволяли ему избежать смертельного удара [264, т. 2, 81].

Мы попытались в процессе исследования связать экономику и общественные отношения, неразрывно связанные в самой жизни первобытного общества. Экономика вплетена здесь в самую ткань общественной жизни. Без понимания этой особенности первобытного общества останется непонятной его общественная структура: взаимоотношения между племенами и составляющими его локальными группами, локальными и хозяйственными группами, хозяйственными группами и семьями, останется непонятой структура семьи, локальность брака, сущность полигамии, связь социума с территорией и многое другое. Экономика — ключ к пониманию первобытного общества.

Несмотря на фрагментарность исходных данных, перед нашими глазами, подобно разбитому сотни лет назад сосуду, который археолог воссоздает из обломков, складывается картина давно угасшей жизни тасманийского общества.

Подведем итоги. Естественно-географическая среда играла огромную роль в формировании особенностей хозяйства типичного общества охотников и собирателей, какими являлись тасманийцы. Их хозяйственная деятельность и весь образ жизни носили сезонный, циклический характер. Об этом свидетельствуют периодические миграции. В рамках единой охотничье-собирательской экономики, но в различных условиях складывались различные типы хозяйства и формировались различные хозяйственно-культурные модели с относительно большей и меньшей оседлостью. В хозяйственной деятельности тасманийцев нами обнаружены элементы сознательного использования экологических механизмов в интересах че-

ловека. Даже на таком раннем уровне развития люди не только приспособлялись к природной среде, но и активно воздействовали на нее.

Разделение труда у тасманийцев, типологически близкое разделению труда в обществе аборигенов Австралии, сохранило вместе с тем некоторые архаические черты, уже не свойственные австралийцам.

Все коренное население Тасмании состояло из ряда иерархических общностей — двух больших лингвистических групп, пяти лингвистических общностей, десяти племен и не менее семидесяти локальных групп, состоявших, в свою очередь, из семей («очагов»). На основе локальных групп формировались хозяйственные группы («локальные группы в действии») и половозрастные группы, т. е. производственные объединения членов локальных групп, образованные по половозрастному принципу.

Реконструируя социальную структуру тасманийского общества, мы начали с хозяйственной группы — объединения семей, совместно добывающих пищу, — как оптимальной хозяйственной ячейки. В зависимости от времени года, физико-географических условий и других факторов хозяйственные группы то увеличиваются, то сокращаются, а временами распадаются на отдельные семьи. Циклический характер этих колебаний в основном соответствует циклическим колебаниям в природе. Такая лабильность, динамичность, пластичность первобытной общины как основы хозяйственных групп является условием необычайной устойчивости этого общественного института, сформированного тысячелетиями жизни общества охотников и собирателей в самой разнообразной естественно-географической среде, выражением максимальной приспособленности его к меняющимся условиям, каковы бы они ни были. Община в том виде, в каком она засвидетельствована этнографическими материалами, включая и тасманийские — основной производственный коллектив охотничье-собирательского общества, наиболее соответствующий условиям его жизни. Это делает ее и ведущей социальной ячейкой этого общества.

Хозяйственные группы формировались на основе общин, или локальных групп, которые и были субъектами собственности на определенные участки племенной территории и то кочевали в полном составе, — и тогда ло-

кальные и хозяйственные группы совпадали,— то распадалась на более мелкие объединения — собственно хозяйственные группы. Модель «локальная группа → хозяйственные группы → локальная группа» присуща и другим обществам охотников и собирателей, прежде всего австралийцам. Совокупность хозяйственных групп — это форма существования локальной группы.

Несколько локальных групп составляли племя — наиболее крупную у тасманийцев социальную общность. Границы племен были хорошо известны, и племя в целом рассматривало себя как коллективного собственника своей территории, так же как локальные группы считались собственниками ее участков. Это была своего рода иерархия отношений собственности на землю.

Элементарной клеткой тасманийского общества была семья, состоявшая из родителей и детей, а иногда и других родственников. Семья была не только биологической ячейкой. Она обладала также социальными функциями как первичный институт, готовивший потомство к вступлению в общественную жизнь, и функциями хозяйственными как минимальное объединение, основанное на разделении труда. Временами семьи вели экономически самостоятельное существование. Браки были в большинстве случаев вирилокальными. Встречалась полигамия как явление, вызванное условиями жизни семьи в обществе охотников и собирателей.

Отношения собственности характеризуются коллективной собственностью на землю и ее ресурсы и личной собственностью на предметы индивидуального пользования.

О зачатках социального расслоения свидетельствует институт вождей локальных групп. Но иногда военные руководители становились во главе целых племен.

Все, что нам известно об общественных отношениях у тасманийцев, поразительно напоминает содержание рассказов первых европейцев, столкнувшихся в начале XIX в. с обществом аборигенов Австралии, еще не затронутым воздействием колонизации и, подобно тасманийцам, сохранившим свои общественные отношения в неприкосновенности. К числу таких очевидцев относятся беглый каторжник У. Бакли, который провел среди аборигенов Виктории 32 года, Дж. Оксли, один из первых исследователей Нового Южного Уэльса, и многие другие. Книги этих людей говорят о том, что аборигены

Австралии к началу колонизации жили локальными группами, состоявшими из нескольких семей, которые то вместе, то порознь, то небольшими хозяйственными группами бродили в поисках пищи по территории племени или же занимались рыбной ловлей и собиранием моллюсков на морском берегу. Каждое племя было собственником племенной территории, границы которой не было принято нарушать без разрешения, в противном случае это вело к столкновениям; внутри ее отдельные охотничьи угодья находились в собственности локальных групп. Численность хозяйственных групп изменялась в зависимости от экологических условий. Кочевания носили сезонный характер, существовало разделение труда между мужчинами и женщинами. Брак, по свидетельству этих авторов, был вирилокальным, хотя практиковалась и временная уксорилокальность. Многие мужчины имели несколько жен одновременно. Мужчины-охотники играли руководящую роль в общественной жизни [9, 252—257].

Это сходство свидетельствует не только об общем происхождении двух народов — оно имеет ярко выраженный типологический характер: перед нами — один и тот же тип общественных отношений, характерный для одного и того же уровня социального развития. Иначе, говоря, представляемому аборигенами Австралии и Тасмании уровню социального развития свойственны отмеченные выше особенности общественного строя. И если мы находим их у охотников и собирателей других частей света, это значит, что они, эти особенности, характеризуют в своей совокупности человеческое общество на определенном этапе социально-экономического развития — на том этапе первобытнообщинного строя, который предшествует возникновению земледелия и прочной оседлости и в истории человечества был представлен поздним палеолитом и мезолитом. К XIX в. характерные черты этого типа еще сохранялись многими охотниками и собирателями земного шара.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИИ

Духовная культура первобытного народа — предмет едва уловимый, ускользающий от взгляда постороннего наблюдателя; к тому же сведения о религиозных верованиях тасманийцев отрывочны и противоречивы. Не удивительно поэтому, что они всегда вызвали самые противоположные суждения и оценки. На объективные трудности изучения этого аспекта культуры тасманийцев накладываются различия в идейных и методологических позициях авторов, различное понимание ими самого феномена религии. Одни из них утверждали, что у тасманийцев не было религии вообще, другие же писали нечто прямо противоположное. К тем и другим утверждениям следует относиться с одинаковой осторожностью, учитывая личность и идейную позицию авторов. Для многих из них, например для Уидоусона [152, 53], критерий религиозности — вера в бога, поэтому то, что они обнаружили у тасманийцев, свидетельствовало, по их мнению, об отсутствии каких-либо следов религии. Явной натяжкой выглядит попытка В. Шмидта изобразить тасманийцев монотеистами и стремление Е. Вормса и Х. Петри интерпретировать представления тасманийцев как свидетельство их веры в некое высшее существо [187, 290—292]. Столь же неубедительна попытка В. Ф. Зыбковца изобразить тасманийцев людьми, находившимися еще на дорелигиозной стадии развития общественного сознания. Зыбковец, конечно, прав в том, что религии как «системы верований» тасманийцы не знали [7, 164], но религиозные верования у тасманийцев все же существовали. Ведь религия не сразу начинается с веры в бога, с «системы верований»; подобно другим формам общественного сознания, она возникает в виде

весьма элементарных представлений и затем проходит длительный и сложный путь развития.

Обратимся к свидетельствам очевидцев. По словам епископа Никсона, «страх перед злым духом» был «главным, если не единственным» религиозным чувством тасманийцев. Дэвис пишет о вере тасманийцев в злого духа, «могущество которого проявляется по ночам; его они страшно боятся и никогда по доброй воле не выйдут в темноту». Гендерсон сообщает, имея в виду и тасманийцев, и аборигенов Нового Южного Уэльса (Австралия): «В той и другой стране господствует общераспространенное верование в существование низших духов, которые днем скрываются в глубоких лесистых пропастях, но с наступлением темноты бродят, обладая способностью приносить невзгоды и даже гибель». Сообщения о злых духах темноты и ночи приводятся и другими авторами. Миссионер Ли, однако, пишет, что тасманийцы «верят в двух духов: один, по их словам, правит днем, и называют они его добрым духом, другой — ночью, и его они считают злым. Доброму духу они приписывают все хорошее, злomu — все пагубное». Джеффрис также говорит о вере тасманийцев в существо, «подателя всякого блага», которое «правит днем, злой же дух или демон появляется ночью» [152, 53—55].

Даже если на суждения авторов этих сообщений известное воздействие оказало их христианское мировоззрение — они переносили на тасманийцев даже привычную им терминологию, например слово «дух», которого последние не знали, — перед нами все же возникают очертания какой-то неясной веры в существа, противопоставленные друг другу по своей природе, функциям, полярно-противоположному отношению к людям, даже связанные с различным временем суток. Согласно некоторым очевидцам, тасманийцы обращались к этим существам со словами и жестами, напоминающими молитвы или заклинания.

Веру тасманийцев в существование доброго и злого «духов» подтверждает и такой авторитетный источник, как Робинсон. Добрый «дух», пребывающий на небе, выступает то под именем Парлерде, то под другими именами [91, 63, 249, 281]. Но чаще мы слышим о его антипode, и не удивительно, ведь злomu «духу» — он тоже фигурировал в разных группах под различными именами, чаще всего под именем Регуроппер, — тасма-

нийцы приписывали все свои несчастья. Причиной болезни и самой смерти тасманийцы считали козни Регуроппера [91, 60, 113, 141]. Когда, например, кто-нибудь умирает, существо это выходит ночью и разбрасывает из большого мешка, сделанного из шкуры кенгуру, болезни, предназначенные живым. Поэтому тасманийцы избегали оставаться там, где побывала смерть, — иначе погибнут и остальные. Существо это упоминается на страницах дневника Робинсона много раз — казалось, зловещий его образ виделся тасманийцам повсюду [91, 57, 83, 170, 374, 771, 908 и др.]. Слово, которым они его называли, они употребляли также для обозначения грома и молнии. «Дьявол живет в огне», — говорили тасманийцы [91, 249, 403]. Опасаясь заболеть, они никогда не прикасались к дереву, в которое ударила молния [91, 884]. Повидимому, тасманийцы и умерших порою (не всегда) считали злыми и мстительными существами.

Злые «духи» были в то же время и вещими существами. Так, например, злой «дух», вселившись в главаря группы, указал ему, где находится ядовитая змея, или заставил вещать другого главаря, находившегося, подобно типичному шаману, в состоянии транса, и указал ему, где в то время находились аборигены, которых разыскивал Робинсон [91, 528, 542, 605]. О прорицаниях шаманистского характера, произносимых в состоянии транса, рассказывается и в других местах его дневника [91, 397, 413]. Конечно, речь здесь может идти лишь об элементарных формах шаманизма. Но несомненно, что истоки его лежат в глубинах первобытности.

Исследуя мифологические термины тасманийцев, Вормс попытался выяснить значение имен различных мифических существ, в том числе знакомого нам по дневникам Робинсона Регуроппера (в нашей литературе иногда неправильно переводили «опутывающий Регу»). Имя его, считает Вормс, следует произносить Раги Роба, где «раги» означает «плохой дух» или «привидение», а «роба» — «страшный», «ужасный». Регуроппер был известен на всем острове, за исключением лишь западной его части. Позднее аборигены так называли белых пришельцев, которых считали покойниками, вернувшимся из царства мертвых. Поэтому Вормс предлагает переводить имя этого существа как «Ужасный дух смерти» [270, 7—8].

По словам Миллигана, у тасманийцев была «отчет-

ливая идея бессмертия души»; они также верили «во множество злонамеренных духов и злобных леших, обитавших в пещерах и мрачных густых лесах, расщелинах скал на вершинах гор и т. д.; одному или двум духам тасманийцы приписывали энергию и всеислие, но и их, по-видимому, не наделяли атрибутами милосердия, хотя питали неограниченное доверие к благосклонному вмешательству духов покойных друзей и родственников. Этим духам-хранителям они давали родовое имя «варрава», что означает «тень», «сень», «привидение», «призрак» [152, 55]. В своем словаре Миллиган дает для этого слова значение «дух умерших» (spirit of the dead); в различных диалектах оно звучит почти одинаково: «варрава», «варравена» [152, XXXVI]. Словом «варра» аборигены, по-видимому, называли и впервые увиденных ими европейцев [152, 41]. Миллиган приводит и другое имя «духа умерших» — «тигана марабона» [152, XXXVII]. Вормс переводит его как «существо полумрака» [270, 5—7].

Когда Робинсон пытался выяснить представления тасманийцев о будущей жизни, в частности, куда уходят, по их мнению, умершие, он получал разные ответы. Некоторые говорили, что когда умрут, то отправятся в Англию. Один абориген сказал, что после смерти будет ходить от племени к племени. Ведь мертвые часто бродят вокруг [91, 62, 185, 493]. А однажды Робинсон услышал такой ответ: «Ba-li war lugana uni da-gara Tini Drini. Mabali ba-li war Drini». В свободном переводе это следует читать: «Когда мертвеца сожгут, он отправляется на Тини Дрини, Остров Мертвых. Все люди должны уйти на этот остров» [187, 295].

В первые годы колонизации тасманийцы перенесли название Тини Дрини, Остров Скелетов, или Остров Мертвых, на Англию, родину белых пришельцев, в которых они видели покойников, пришедших с этого острова. По словам Бэкхауза, тасманийцы «на первых порах ошибочно принимали белых людей за бестелесные существа». Он тоже подтверждает существование у тасманийцев «смутных представлений» о жизни за гробом или, точнее, после сожжения тела на погребальном костре [152, 55—56]. О том же сообщают и другие авторы. Как место пребывания людей после смерти тасманийцы называли то звезды, то остров в Бассовом проливе, где жили их предки, куда уходят мертвые *варрава*, и где

они пребывают в образе белых людей [152, 56]. Не указывает ли это местонахождение обители мертвых на смутное воспоминание тасманийцев о приходе их предков в Тасманию со стороны нынешнего пролива?

Когда в 1841 г. в Мельбурне казнили через повешение двух тасманийцев, один из них, Джеки, сказал присутствовавшему священнику, что у него, Джеки, «три головы»: «одна для виселицы, другая для могилы, а третья и лучшая — для Тасмании, где она возродится для новой жизни» [251, 209—210].

Бэкхауз рассказывает о пожилой тасманийке, которую он встретил на о-ве Флиндерс, куда были сосланы последние тасманийцы, уцелевшие после «черной войны». Она раскладывала на земле гладкие овальные камни, раскрашенные черными и красными полосами. Когда ее спросили о значении этих камней, она ответила, что это — «отсутствующие друзья». «Возможно, что она общалась таким способом с душами друзей, погибших во время „черной войны“», — замечает Бонвик [49, 193; 152, 57]. Не желая говорить о них как о мертвых, она говорила, что они «отправились в далекий путь». Тасманийцы вообще избегали говорить о мертвых и называть их имена.

Эти камни напоминают загадочные гальки из западноевропейского позднепалеолитического местонахождения Мас д'Азиль, такие же плоские, овальные, покрытые черными и красными геометрическими изображениями. А тот факт, что тасманийские камни были связаны с отсутствующими соплеменниками и как бы представляли или замещали их, заставляет вспомнить об австралийских чурингах, каждая из которых является как бы второй ипостасью австралийского аборигена. Разница та, что в Австралии непосвященным, в первую очередь женщинам, было запрещено видеть чуринги.

Неверно, будто «у тасманийцев не было ни знахарей, ни колдунов, ни шаманов» [7, 170]. Бэкхауз рассказывает о знахаре, которого он встретил в 1832 г. Его хирургические инструменты состояли из осколков стекла, которыми он производил разрез на теле пациента в том месте, где тот чувствовал боль. Да и сам лекарь, по рассказу очевидцев, был явно нездоровым человеком: время от времени он корчился в судорогах, которые объяснял тем, что в теле его находится «дьявол» [152, 65—66]. По-видимому, сеанс «лечения» со-

проводился какими-то элементами настоящего камлания. О приемах лечения рассказывает и другой очевидец, Робинсон. Он тоже сообщает о том, что на тех частях тела, где пациент чувствовал боль, — на голове, груди, животе и т. д. — острым камнем или стеклом делались надрезы, из которых струилась кровь [91, 59, 67]. Средством от боли и оберегами против болезней служили и амулеты: пепел сожженных на погребальном костре, хранившийся в особых мешочках из шкуры кенгуру [91, 65, 145, 225].

Знахарской практикой занимались и старые женщины. Существовало поверье о *мурамбуканье* — «колдунье, или женщине-домовом в одежде из травы или коры» [152, LXVI].

Инструментами магической практики в Тасмании, как и в Австралии, были камни, кристаллы, человеческие кости. С их помощью можно было излечить больного или, напротив, вызвать болезнь и смерть. Подобно австралийцам, тасманийцы тщательно прятали их в волосах или обертывали корой. Как и в Австралии, знахари «извлекали», точнее, «высасывали» их из тела больного [49, 194—195]. Бонвик упоминает об овальной дощечке, *мьюмкар*, вращаемой с помощью шнура, — аналоге широко распространенной в Австралии, на Новой Гвинее и в других странах мира гуделки, по-видимому, одного из древнейших магических орудий человечества. Как и в Австралии (где звук гуделки изображает голос духа), женщинам было запрещено видеть *мьюмкар*. *Мьюмкар* был орудием колдунов [49, 175—176].

Выделение знахарей и колдунов, людей, владевших искусством врачевания и приемами черной магии, — один из древнейших в истории человечества видов профессиональной специализации. Такие специалисты были и в Тасмании.

Австралийская гуделка — атрибут обрядов посвящения, или инициации, молодежи, которые занимали важное место в общественной жизни австралийцев. Известно ли что-нибудь о таких же обрядах в Тасмании?

В какой-то форме они, видимо, существовали и здесь. Глубокие рубцы на плечах, бедрах, на груди тасманийцев — один из признаков этих обрядов, хорошо известный и в Австралии. В отличие от Австралии, в Тасмании операцию эту часто производили старые женщины, которые здесь вообще занимали более заметное место в об-

рядовой жизни. Обряд сопровождался танцами и пением под ритмические удары палками или ладонями о землю или по свернутым в трубку шкурам кенгуру. Хотя характерный для Австралии (но распространенный не повсеместно) признак посвящения — обрезание — в Тасмании, по-видимому, отсутствовал, Бонвик и некоторые другие исследователи убеждены в том, что обряды инициации здесь существовали [49, 202; 234, т. II, 386].

Не совсем ясно, практиковали ли тасманийцы и такую характерную для австралийских обрядов посвящения операцию как выбивание зуба. Возможно, что некоторые группы удаляли один или оба верхних резца. Они отсутствуют на нескольких тасманийских черепахах [237, 29—49]. Об отсутствии одного или двух верхних резцов у некоторых тасманийцев, которых он встретил в 1793 г., сообщает и Лабиллардьер [140, 320]. Вероятно, тасманийцы заимствовали этот обычай у своих далеких предков, составлявших одно целое с австралийцами: ведь в Австралии обычай этот, видимо, восходит к глубокой древности [162, 94].

К корробори австралийцев очень близки по своему характеру тасманийские танцы при луне. По свидетельству многих авторов, тасманийцы боялись темноты, но в лунные ночи, напротив, они, подобно австралийцам, устраивали пляски вокруг костров под аккомпанемент хора и ударов палок о палки, о шкуры или землю. При этом, как и в Австралии, разыгрывались пантомимы, изображавшие различных животных, а иногда и «демонов» [41, 156—159]. Особенно сильное впечатление производили большие ежегодные праздники, приуроченные ко времени полнолуния в ноябре, когда собирались вместе локальные группы одного, а то и нескольких соседних племен [49, 190]. Такие праздники, когда обычно рассеянные группы охотников и собирателей вновь ощущали себя единым народом, имели большое социальное значение.

Как удалось установить на основании фонографических записей песен, исполненных в 1899 и 1903 гг. Фанни Смит (см. гл. 1), стиль тасманийских песен при всем своеобразии во многом близок к пению австралийцев, особенно аборигенов Центральной и Южной Австралии. Так, музыковед Эллис обнаружил, что одна тасманийская песня очень напоминает мелодии этнических групп, населявших ближайшую к Тасмании юго-восточную об-

ласть Южной Австралии. Но в песнях Ф. Смит заметно и структурное сходство со стилем, характерным для некоторых районов Меланезии [84, 345; 181, 73—78; 182].

По словам Ллойда, тасманийские женщины аккомпанировали своим «монотонным голосам, ударяя руками по свернутому в трубку шкурам кенгуру так, что звук ударов напоминал звук барабана» [155, 49]. Не отсюда ли возникла легенда о существовании у тасманийцев барабана? Свернутые шкуры, по которым били руками, сопровождая пение, известны в Южной Австралии и на севере Квинсленда [239, 107; 214, 120]. Широко распространено в Австралии и сопровождение пения ударами двух палок. Но характерное для тасманийцев участие женщин наряду с мужчинами в обрядах с пением ритуальных песен — особенность тасманийского общества, отличающая его от австралийского и еще раз показывающая, что в тасманийском обществе женщина несомненно занимала более высокое и более равноправное положение.

Интереснейшая черта тасманийской культуры, сближающая ее с традиционными культурами многих других народов, в том числе народов Сибири, — связь женщины с жилищем и семейным огнем, очагом. Выше говорилось, что у тасманийцев возведение жилищ возлагалось на женщин. Женщины поддерживали огонь и обеспечивали топливом очаг. Связь с очагом выражалась и в том, что при частых переходах с места на место огонь переносили тоже главным образом женщины. В связи женщины с важнейшими атрибутами семьи — жилищем и очагом — сказывается, вероятно, одна из древнейших особенностей человеческой культуры. У тасманийцев нам известно только внешнее, бытовое выражение этой связи, основанное на естественном разделении труда. Но очень возможно, что она имела и глубокое идеологическое обоснование.

Некоторые виды пищи находились у тасманийцев под запретом, табу. У одного племени или локальной группы запрещено было употреблять в пищу один вид животных, у другого — другой [152, 62—63]. Табу распространялись и на животных того или иного пола. Так, одни группы ели только кенгуру-самцов, другие же охотились лишь на кенгуру-самок. Единственным животным, от которого, по словам европейцев, отказывались все тасманийцы,

была рыба. С одним видом рыбы было связано поверье, что, попав в огонь, она вызывает дождь.

Запреты эти, по справедливому замечанию С. А. Токарева «имеют все признаки тотемической табуации» [27, 74]. Табуирование отдельными группами тех или иных видов пищи хорошо известно многим другим народам, в том числе австралийцам. Некоторые австралийские племена избегают употреблять в пищу какое-нибудь животное или растение, которое является его тотемом. Но связывали ли тасманийцы табуирование тех или иных видов животных с тотемическими представлениями, мы не знаем. Мы вообще не располагаем прямыми данными о существовании тотемических представлений у тасманийцев, хотя табуирование отдельными группами тех или иных видов пищи можно рассматривать как косвенное указание на их существование.

Имелись и другие указания подобного рода. Так, убеждение аборигенов Западной Тасмании в том, что их предки походили на кенгуру [49, 182], перекликается с тотемическими верованиями австралийцев.

Тасманийцы верили, что первые люди были созданы великим демиургом Моихерни еще не вполне готовыми, в зверином облике, с хвостами и ногами без суставов. Позднее другое мифическое существо — Друмердим — отрезало им хвосты и с помощью жира заставило их колени сгибаться, превратив их тем самым в готовых людей [91, 373; 152, 55]. Все это очень напоминает мифы австралийцев о первых людях, появившихся на свет в нерасчлененном, диффузном облике, нередко с атрибутами животных; и только потом великие демиурги с помощью каменных ножей превратили их в настоящих людей.

Тасманийские мифы рассказывают и о героической паре, двух культурных героях, отождествляемых со звездами Кастором и Поллуксом. От них тасманийцы научились добывать огонь [152, 84—85]. Рассказывают они и о том, что первых людей сделали две звезды Млечного Пути; они же создали реки и дали людям огонь [91, 402, 403]. Для Австралии вообще характерно, что созвездия и отдельные звезды фигурируют в мифологии. Это сходство указывает на то, что корни звездного мифа находятся в древности, когда предки тасманийцев и австралийцев были одним народом. Можно вспомнить и двух мифических существ, культурных героев Северной Авст-

ралии, человека-орла и человека-ястреба, принесших людям первый огонь [187, 293]. На сходство мифов о происхождении огня, распространенных в Тасмании и на юго-востоке Австралии, в Викторини, обратил внимание еще Мэтью [163, 14—22].

Другой персонаж тасманийских мифов, великий демиург по имени Лаллер, создал землю, провел по ней реки — большие и малые — и населил ее кенгуру и иными животными. Впрочем, в другом месте дневника Робинсона говорится, что это сделал тот же Моихерни [91, 373, 374]. Затем Моихерни, или Моини (так записано его имя на других страницах дневника), был свергнут с неба на землю, жил на земле, а умерев, превратился в скалу, которую и сейчас еще можно видеть [91, 376, 377]. Превращение первотворцов и тотемических предков в камни и скалы — верование, широко распространенное и в Австралии. В целом и там, и здесь перед нами определенный мифологический комплекс, типологически еще очень архаичный, характерный для сравнительно низкого уровня общественного развития.

В то время как наиболее надежные источники единодушно утверждают, что тасманийцы не знали каннибализма, Зыбковец вопреки фактам пытался доказать, что в прошлом тасманийцы были людоедами [7, 175—178]. Возникновение погребальной обрядности он связывал с «преодолением каннибализма» [7, 180, 182], следовательно, и эта концепция оказывается необоснованной.

Смерть сородича, члена коллектива — значительное событие в жизни первобытного общества. С ним связаны разнообразные способы погребения, погребальные обряды и другие приемы обращения с мертвыми. Идеологические и социальные моменты отразились и переплелись в обрядах погребения в сложной, синкретической форме. В многообразии первобытной погребальной обрядности отражены, с одной стороны, социальный статус покойного, положение его в системе общественных связей, с другой — этнические различия. Уже этнографические материалы по австралийцам, которые наряду с тасманийскими относятся к наиболее ранней стадии развития, свидетельствуют о том, что не только племена и целые культурные провинции различаются между собой по характеру погребальной обрядности; еще ошутимее различия внутри племен. В Центральной Австралии, на-

пример, умерших разного пола и возраста погребали в земле или предварительно клали на платформу, а затем уже погребали. В Кимберли тела детей переносили с места на место в течение нескольких месяцев (иногда до двух лет), а затем помещали в тотемное святилище под скальным навесом; стариков зарывали в землю без каких-либо обрядов; взрослых женщин съедали, а останки погребали под камнями; взрослых мужчин «вкушали» символически, затем трупы клали на платформу, пока мясо не отделялось от костей, после чего кости помещали в оссуарий под скальным навесом, тотемически связанным с умершим. Обычай поедания умерших соплеменников существовал и на Северной Территории, а переноска останков детей была распространена в Юго-Восточной Австралии. В Южной Австралии новорожденных и детей, умерших вскоре после рождения, сжигали, стариков погребали в земле, а тела людей среднего возраста связывали в согнутом положении, помещали (иногда предварительно высушив на солнце) внутрь дерева, пока они не разлагались, после чего родственники забирали череп, которым пользовались как сосудом для питья. В племенах Восточной и Южной Австралии, где социальное расслоение продвинулось дальше обычного деления на половозрастные группы, вождей и выдающихся воинов мумифицировали, высушивая их трупы над огнем.

Различия в погребальной обрядности нередко связаны с представлениями о том, как и почему человек умер, а иногда с «пожеланием» покойного. Даже внутри небольшого австралийского племени кайадильт (о-в Бен-тинк) отмечены два вида обращения с мертвыми: тех, кто умер естественной смертью, зарывали в землю, а тех, кто был убит и остался неотомщенным, не погребали.

Не следует думать, что чем «примитивнее» культура, тем проще обряд погребения. В действительности он может быть довольно сложным и даже многостепенным, может состоять из нескольких этапов, отражающих сложное первобытное мировоззрение, а порою и длительную эволюцию самого обряда. Многообразие первобытной погребальной обрядности отражает сложный социально-идеологический комплекс, включающий в числе прочих элементов исторически самую раннюю половозрастную дифференциацию общества, а затем появление

в нем отдельных лиц, выделяющихся своими необычайными качествами или положением (шаманов, знахарей, колдунов, выдающихся охотников и воинов, вождей). На низших уровнях общественного развития связь погребальной обрядности с общественной структурой в значительной степени осложнена идеологическими наслоениями, а в целом она является выражением синкретизма, свойственного этой стадии развития общества, культуры и мышления.

Разнообразными, хотя далеко не в такой степени, как в Австралии, были формы погребальной обрядности и у тасманийцев, причем во многом они повторяют австралийские формы. Социальные и этнические различия имели место и здесь, но были выражены значительно менее четко, чем в Австралии.

Наиболее распространенным способом погребения в Тасмании была кремация, обычно в ее простейшей форме, т. е. как единовременный акт. Этим она отличалась от обряда кремации на австралийском континенте: там, за исключением лишь ближайшей к Тасмании юго-восточной его части, он был первой или заключительной частью сложного обряда погребения. В Тасмании руки и ноги взрослого умершего предварительно связывали, а тело иногда помещали на погребальный костер в сидячем положении [91, 59, 61, 62 и др.]. Связывая тело, тасманийцы добивались «неподвижности» покойника. Подобные способы «обезвреживания» мертвеца были широко распространены и у многих других народов: это и расчленение трупа, и переламывание конечностей, и платформа из бревен, положенная в могилу поверх тела, и «осиновый кол», который забивали в могилу колдуна. Над местом сожжения тасманийцы насыпали могильный холм и воздвигали своеобразный конус или пирамиду из коры, как бы хижину для умершего или его вдовы (или вдовца), а кору иногда разрисовывали [199; 152, 118]. Вблизи одного из погребальных кострищ Тасмании Перон обнаружил кусок коры с изображением в виде круга с расходящимися от него лучами, очень напоминающим головные уборы мифических существ Северо-Западной Австралии. Пепел сожженных и их кости тасманийцы зашивали в кожу животных и носили на шее как амулеты или обереги.

Первое в Тасмании свидетельство обряда трупосожжения обнаружил один из спутников Лабиллярдьера в

1792 г. Это были обожженные человеческие кости в пепле костра (как говорилось выше, тасманийцы не были каннибалами). Следующее открытие погребальных кострищ с остатками человеческих костей сделал Перон в 1802 г. [152, 116—118]. Первые научные раскопки погребальных кострищ Тасмании принадлежат Р. Джонсу [129, 8]. В пепле одного погребального костра археологи нашли остатки раковинного ожерелья, в другом — ножные кости нескольких валлаби и когти крупного ястреба. Все эти предметы не были обожжены и, по-видимому, были положены позднее. Возраст остатков кострищ по радиоуглероду — около 1500 лет [129, 113, 108].

Принимая во внимание чрезвычайно архаичный характер тасманийской культуры в целом, следует думать, что обряд кремации также восходит к глубочайшей древности, тем более что эта форма погребения преобладала и в ближайшей к Тасмании юго-восточной части Австралии, причем многие особенности обряда очень напоминают тасманийские, так что те и другие можно рассматривать как единый по своему происхождению комплекс. Особенно походил на тасманийский обряд кремации у курнаев и других племен Виктории, которые пепел и кости сожженных родственников также носили в мешочках на шее, а над могилой воздвигали хижину; в Новом Южном Уэльсе, как и в Тасмании, насыпали могильный холм [113, 108—109]. По мнению Дэвидсона, периферийное распространение обряда кремации в Австралии позволяет полагать, что это — относительно древний обычай и что в прошлом он преобладал во всей восточной части континента [76, 95]. Центр его распространения находился на юго-востоке, в непосредственной близости от Тасмании. Вплоть до нашего времени обряд кремации сохранялся в отдаленных районах Северного Квинсленда и Северо-Западной Австралии [270, 5]. Обряд трупосожжения sporadически встречается и в Меланезии, однако широкое распространение его в Восточной Австралии и в Тасмании наряду с другими элементами культуры, сближающими их, служит еще одним подтверждением древности культурных и генетических связей населения этих двух регионов [72, 47—62].

Глубокая древность обряда кремации в Австралии, восходящего еще к плейстоцену, когда Австралия и Тасмания составляли одно целое, подтверждается археологическими данными; погребение со следами трупосожже-

ния (обожженные и сломанные кости молодой женщины) найдено близ оз. Манго в Новом Южном Уэльсе. Возраст погребения — от 25 тыс. до 32 тыс. лет [53, 39—60]. Это — одно из древнейших в мире свидетельств обряда кремации. Некоторые детали его напоминают обряд трупосожжения у тасманийцев: они, например, тоже переламывали кости, которые не успели сгореть (несомненно, еще один способ «обезвреживания» покойника). Любопытно, что и орудия, сопровождающие погребение у оз. Манго, типичны для каменных индустрий Тасмании. Вот где лежат истоки тасманийского обычая трупосожжения — на австралийском континенте. В самой Тасмании древность этого обычая, как говорилось, насчитывает не менее 1,5 тыс. лет, но очень вероятно, что более древние следы его просто еще не найдены.

В отличие от Австралии, в Тасмании половозрастные различия в обряде погребения не ощущаются. Здесь сожжению предавались и взрослые — мужчины, и женщины, и старики, и дети. Фактов, подтверждающих это, немало и в дневниках Робинсона, и в других источниках. Наблюдаются, однако, региональные различия в способах погребения. В то время как на западе, севере и юге Тасмании мертвых сжигали, на востоке острова существовали иные способы погребения, также аналогичные восточноавстралийским. Здесь умерших, в некоторых случаях вместе с оружием, помещали в дупла деревьев, преимущественно в вертикальном положении. Есть сведения, не очень, впрочем, достоверные, что впоследствии тело иногда сжигали, а череп помещали в оссуарий. Такие хранилища черепов найдены и в пещерах Австралии. Миллиган сообщает, что шею погребенного в дупле пронзали копьем, пригвозждая его таким образом к дереву, — еще один способ «обезвреживания» покойника, — а другое копьё оставляли умершему [152, 119]. В некоторых местностях тело зарывали в землю или оставляли без погребения. Аборигены, жившие у залива Песчаного, сначала «обезвреживали» мертвого — расчленили его на части, вскрывали живот, перерезали горло, — затем заворачивали его в кору, погребали в земле и сверху нагромождали кучу камней. Позднее они собирали кости погребенного, чтобы носить их как амулеты [91, 316].

Один европеец рассказывает о копье, воткнутом в могилу тасманийца. Когда европеец спросил проводника-аборигена, зачем погребенному копье, тот ответил:

«Чтобы он мог сражаться, пока спит» [152, 119]. Но возможно, что и это было лишь одним из способов «обезвреживания» покойника. О страхе тасманийцев перед мертвыми не раз говорится на страницах дневника Робинсона [91, 65, 113, 187]. Тасманийцы старались не приближаться к могилам. Более того, они избегали даже говорить о мертвых и никогда не произносили их имен. По свидетельству европейцев, упоминание по имени умерших и даже просто отсутствующих приводило тасманийцев в ужас и негодование [152, 62].

В то же время тасманийцы считали, что контакт с мертвым излечивает болезнь, умеряет боль, предотвращает несчастье; отсюда амулеты и обереги из пепла и костей и обычай класть больных вокруг погребального костра. «Одна тасманийка, — рассказывает Робинсон, — мучилась головной болью... Тогда другая женщина, постарше, дала ей часть тела покойного, которую больная прижала к голове. Через короткое время она поднялась совершенно здоровая, боль исчезла» [91, 145]. В книге Линг-Рота рассказано о жене одного вождя, которая постоянно носила на груди череп ребенка [152, 64]. По словам Бонвика, когда в одной группе тасманийцев умер ребенок, на следующий день после похорон его могила была найдена разрытой, а тело — обезглавленным. Два дня спустя автор видел череп ребенка на груди одного аборигена [49, 179]. О подобном случае сообщает и Робинсон: мать ребенка вскоре после его смерти отрезала его голову и повесила череп на шею [91, 591]. Возможно, Бонвик использовал рассказ Робинсона: место действия обоих рассказов — окрестности залива Ойстер. Но так или иначе, случай этот не единичный. Ношение на шее черепа умершего родича, его нижней челюсти (которой многие народы приписывали особую магическую силу), руки, ноги, отдельных костей было не раз отмечено и в Тасмании, и в разных районах Австралии, особенно в восточных. Так, например, у курнаев Юго-Восточной Австралии существовал обычай носить на груди нижнюю челюсть и другие части тела умершего родича. Так же поступали андаманцы и аэта Филиппин. По-видимому, обычай сохранять и носить на себе череп, нижнюю челюсть и другие кости умерших родичей относится к одному из древнейших элементов культуры негро-австралоидов бассейна Тихого и Индийского океанов.

Сохранение останков умерших было широко распространено и у других народов. Ведь часть тела — вместилище души, своеобразный заместитель умершего. Если благотворен контакт с умершим, то такое же воздействие оказывает и контакт с частью его тела или его пеплом. Особенно характерен для тасманийцев и австралийцев обычай сохранять и носить с собой череп или даже тела детей. В преобразованном виде обычай этот, истоки которого восходят к древнейшим представлениям о кровной связи родителей и детей и их возрождении, сохраняется в широко распространенном в прошлом у многих народов обыкновении погребать детей в жилище или в непосредственной близости от него.

Итак, по отношению к умершим ярко проявляется своеобразная амбивалентность; мертвого страшатся, избегают, стараются обезвредить, уничтожить его любыми способами, не произносят даже его имени, ибо имя человека теснейшим образом связано с ним самим, и в то же время стремятся к контакту с ним: эмоциональному, ибо череп или другая часть тела родича как бы замещает его самого; предохранительно-целебному, потому что в них заключена потенциальная магическая сила; идеологическому, связанному с представлениями о смерти и возрождении к новой жизни.

У тасманийцев существовало поверье, что человек не может умереть, пока солнце не зайдет [152, 120, 121]. В первую ночь после его смерти происходила траурная церемония. Участники ее, сидя вокруг тела, произносили нараспев заклинания, чтобы помешать «злому духу» приблизиться к покойнику [78, 418]. Когда умирал мужчина, вдова покойного оплакивала его траурным песнопением. Родственники умершего натирались его пеплом в знак траура, больные — чтобы изгнать недуг. По словам Бонвика, тасманийки, подобно австралийкам, в знак траура обмазывали голову глиной [49, 97]. Робинсон рассказывает, что, когда умирал тасманиец, его родственники ломали свои копыя, корзины и ожерелья, выбрасывали шкуры кенгуру, переставали раскрашивать тело охрой и погружались в глубокую скорбь [91, 64, 625, 638, 640, 892].

Итак, у тасманийцев существовала довольно сложная совокупность религиозных представлений и обрядов, вероятно более сложная, чем можно судить по дошедшим до нас отрывочным данным. Это вера в сущест-

вание дихотомических существ, наделенных атрибутами добра и зла, жизни и смерти, дня и ночи, представления о «жизни после смерти», следовательно, о загробном существовании человека в новом качестве, обряды посвящения, элементы табуации, возможно связанные с рудиментарными формами тотемизма, разнообразные приемы и орудия магии, сравнительно развитая, хотя и весьма архаичная типологически мифология, элементарные формы шаманизма, многообразные верования и обряды, связанные со смертью. Здесь уже появились и первые в истории общества специалисты — знахари и колдуны.

Подобно другим формам общественного сознания, религия развивается вместе с обществом. Характерная черта представленного тасманийцами этапа развития религии, сравнительно еще раннего, — диффузность, неотдифференцированность религии, синкретизм, тесная, органическая связь религиозной идеологии и религиозного поведения с жизнью общества в целом, во всех ее проявлениях. К сожалению, материалы тасманийской этнографии слишком фрагментарны, чтобы дать возможность обосновать этот тезис со всей убедительностью, как позволяют сделать, например, данные по аборигенам Австралии.

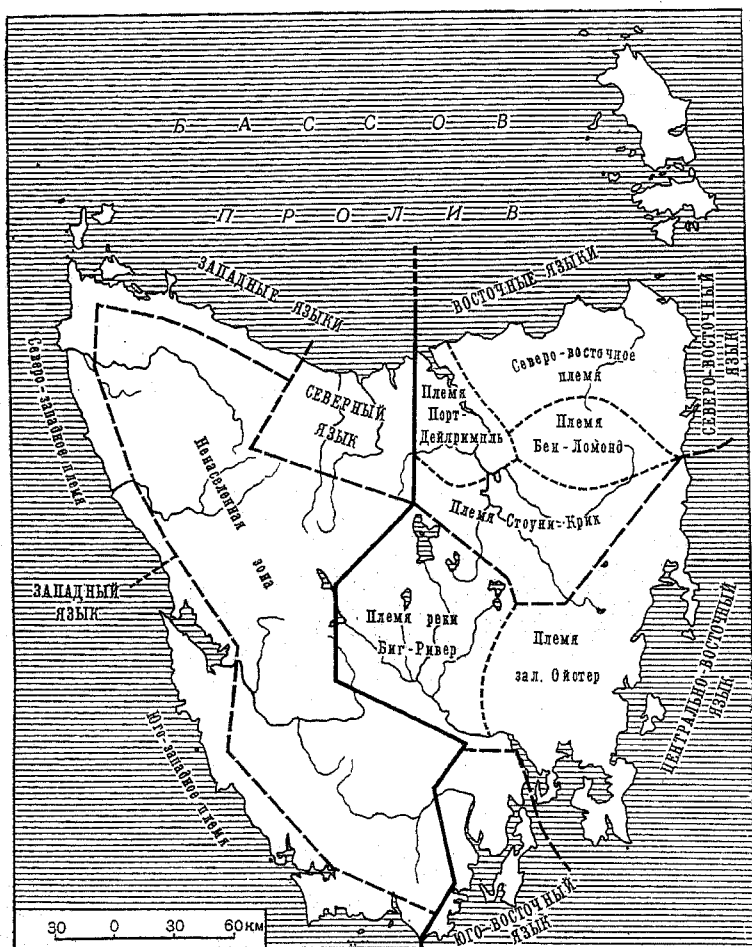
Рассмотренные нами материалы, относящиеся к религиозным верованиям тасманийцев, многочисленные аналогии в верованиях, в мифах о творении земли и первых людей, в обрядах, в погребальном ритуале, в объектах и орудиях культа (чуринги, инструменты магической практики) и во многих других явлениях тасманийской культуры, с одной стороны, и австралийской культуры — с другой, показывают, что в основе той или другой лежит древняя австрало-тасманийская культурная общность. Более того, типологически и по содержанию своему тасманийские материалы настолько близки к австралийским, что можно уверенно сказать: они свидетельствуют не только о генетических связях двух народов, но и о том, что оба они, при некоторых различиях представляют примерно один и тот же, ранний этап развития религии, причем религиозные верования тасманийцев ближе к тому относительно древнему периоду в развитии австралийской культуры, когда такие явления, как тотемизм или инициации, находились еще в сравнительно неразвитом состоянии.

ТАСМАНИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Что говорят о происхождении тасманийцев, о их генетических и исторических связях с аборигенами Австралии и другими народами данные языкознания?

Существует несколько словарей тасманийских языков — единственное, что позволяет пролить какой-то свет на этот вопрос. К концу прошлого века, когда самих носителей тасманийских языков — аборигенов Тасмании — уже не было в живых, насчитывалось всего 13 таких словарей [64, 1—56; 152, 178—190]. В приложении ко второму изданию своего труда о тасманийцах Г. Линг-Рот приводит четыре словаря, причем один из них составлен самим Линг-Ротом на основании остальных 10 словарей. Из этих четырех словарей диалектные различия отражены лишь в словаре Миллигана, хотя известно, что почти каждое тасманийское племя говорило на особом языке или диалекте. Более того, порою даже люди одного племени говорили на различных языках [152, 179]. Возможно, это объясняется экзогамными связями между соседними племенами; впрочем, такие связи могли способствовать и противоположному процессу сближения языков.

Напомним (см. гл. «Хозяйство и общество»), что В. Шмидт, проанализировав сохранившиеся материалы, пришел к выводу о существовании в Тасмании пяти языков; мы называем их лингвистическими общностями. В одних случаях лингвистические общности и племена полностью совпадали, в других — лингвистические общности состояли из нескольких племен, иногда говоривших на различных диалектах. Это дает основание думать, что по мере увеличения коренного населения и расселения племен между ними возникала и со временем

Лингвистические общности и племена Тасмании

все более углублялась не только социальная и культурная, но и языковая дифференциация. По мнению Линг-Рота, этому способствовал и постоянный антагонизм между племенами [152, 180—181]. В древности такие различия были, вероятно, очень незначительными или их не было совсем и первоначальное население Тасмании говорило на одном языке, который представлял собою единую палеотасманийскую лингвистическую общ-

ность. Об исходной общности, возможно, свидетельствуют одинаковые или близкозвучащие слова в различных тасманийских диалектах. В словаре Миллигана [152, XIX—XLI] мы находим целый ряд таких слов, например:

Австралийская акация	Boobyallah		Boobyallah
Белый	Malleetyé		Mallee
Вечер	Kaoota		Kawootah
Вода	Liena		Liawenee
Есть	Tuggana		Tuggranah
Женщина	Lowanna	Lowa	Lowanna
Живот	Teenah	Teena	Teenah
Играть	Riawena	Riawé	Riawé
Камень	Loantennina	Loinah	Louna
Копье	Perenna	Prenna	Pena Poena
Кремень	Trowutta		Mora trona
Нога	Luggana	Lugganah	Lugh
Один	Marrawah	Mara	Marrawah Merah
Охра	Ballawinné		Ballawinné
Палец	Ri-ena	Rye-na	Reeleah
Петь	Lyenny		Lyenné
Путешествовать	Tackamooná		Tackramoonena
Пятка	Tokana		Tokana
Рука	Wuhna		Wuhna
Солнце	Panubere		Panubryna
Сосуд для воды, сделанный из морских водо- рослей	Moirunah		Moirunah Moirah
Ты	Neena		Neena Nee
Черная краска	Latta		Lattawinné
Эвкалипт	Loatta		Lotté
Я	Mina		Meenah

Конечно, близость двух или нескольких соседних языков может объясняться не только их общим происхождением, но и продолжительными контактами. Однако параллели наблюдаются не только между соседними, но и отдаленными тасманийскими языками.

Существует ли какое-либо сходство между тасманийскими и австралийскими языками? Да, существует. Оно не раз прослеживалось в словарях. Особенно значительно наличие большого числа общих корней и одинаково звучащих слов в тасманийских языках и языках Юго-Восточной Австралии; списки таких слов мы находим в работах многих авторов [264, т. 2, 76; 234, т. 1, LXIX;

163, 29—46; 23, 505; 18, 97—98]. «Связь здесь не подлежит сомнению,— пишет С. А. Токарев,— а отсюда становится более ощутимой и историческая общность австралийцев и тасманийцев» [18, 98]. В самом деле, на фоне глубоких культурно-исторических и генетических австрало-тасманийских связей такое сходство выглядит не случайным, не результатом манипуляций со словами, как может показаться на первый взгляд и как действительно иногда бывает, а лишь еще одним звеном в общей цепи доказательств.

Как известно, сравнительная лингвистика в поисках исторических связей не ограничивается простым сопоставлением одинаково звучащих слов; она анализирует структуру сравниваемых языков, их фонетику. И здесь важно отметить, что тасманийские языки по своей морфологической структуре являются агглютинативными, подобно большинству австралийских языков, и что значительную роль в образовании тасманийских слов, как и в большинстве австралийских языков, играют суффиксы. Подобно языкам Южной Австралии, склонение и спряжение в тасманийских языках осуществляется также посредством суффиксов [36, 27].

Одна из первых попыток такого анализа принадлежала Р. Латаму [145, 37—56; 146]. Лингвистические сопоставления привели его к выводу о родстве тасманийских и австралийских языков. Он указал, правда, и на сходство тасманийских языков с новокаледонским, однако с точки зрения современной лингвистики одновременное сходство какого-либо языка с австралийскими и новокаледонскими языками маловероятно, так как новокаледонский язык вместе с другими меланезийскими языками входит в малайско-полинезийскую семью языков, с которой обособленная австралийская семья не имеет ничего общего [10, 345—352].

Близость языков Юго-Восточной Австралии и Тасмании послужила Дж. Мэтью одним из важнейших доказательств его теории о том, что тасманийцы — сохранившиеся в изоляции потомки негроидов — автохтонов Австралии, ассимилированных на континенте австралоидами (см. гл. «Земля и народ. Загадка его происхождения»). По мнению Мэтью, тасманийские языки образуют древнейший субстрат австралийских языков [163].

Мы говорили выше о том, что все тасманийские языки можно объединить в две большие группы: западную и

восточную. Одним из первых к такому выводу пришел, проанализировав словари тасманийских языков, Г. Ритц [211, 73—83; 212, 44—81; 213, 76—80]. В этом отношении он был предшественником В. Шмидта. Позднее Ф. Гестерман опубликовал все источники по тасманийским языкам, начиная со словарей Кука, Лабиллардьера и Перона, относящихся еще к XVIII—началу XIX в., сравнил эти материалы между собой и попытался установить их достоверность и научную ценность [111, 1—57]. Но наибольшая заслуга в деле сравнительного изучения тасманийских языков на основе всего опубликованного материала принадлежит все же В. Шмидту. Еще в 1908 г. он обнаружил, что тасманийские языки близки к языкам Юго-Восточной Австралии в образовании родительного падежа [218, 184—185], что имеет большое значение. В 1912 г. он высказал мнение, что все тасманийские языки являются близкородственными и представляют собой диалекты одного языка. По образованию родительного падежа и некоторым фонетическим особенностям Шмидт сблизил тасманийские языки с теми языками Австралии, которые он считал древнейшими, отнеся их таким образом к древнейшему пласту языков австралийского континента [219, 230—251]. Мысль о том, что тасманийцы были древнейшим или одним из древнейших элементов населения Австралии, Шмидт повторил и позднее [220, 652—654].

Книга В. Шмидта «Тасманийские языки» является крупнейшим, классическим исследованием. В нем исчерпывающим образом рассматриваются источники, географическое распространение тасманийских языков, анализируются их грамматическая структура и фонетика. Труд Шмидта подводит итоги изучению тасманийских языков за 70 лет, после Ф. Мюллера [183, 87—89]. Автор группирует языки Тасмании, опираясь на их фонетическую и морфологическую близость и наличие общих корней, что позволяет ему устанавливать возможные связи между племенами. Языки Восточной Тасмании сблизают друг с другом не только общий запас слов, но и суффикс существительных «на». Языки Западной Тасмании характеризуются суффиксами «леа», «лига», «рига». Это деление тасманийских языков на две большие группы соответствует географическим особенностям острова и этнокультурной дихотомии между востоком и западом, на которую уже было обращено внимание в

предыдущих главах. Тасманийские языки — это единство в многообразии, это, по словам Шмидта, «семья внутренних родственных языков», восходящая к единому первоисточнику [222, 46—47; 221, 711—721]. Согласно Шмидту, тасманийцы представляют собою древнейший этнический элемент Океании, «чистый и несмешанный, не подвергшийся влиянию позднейших наслоений» [222, 11].

В рецензии на книгу Шмидта видный современный австралийский лингвист А. Капелл в целом признает обоснованность главных его выводов [59, 315—316]. Капелл указывает, что, как ни мало известно о грамматике тасманийских языков и как ни сильно различаются их словари, речь идет о группе близкородственных языков, видимо, единого происхождения — на чем настаивал и Шмидт [62, 114]. Не согласен Капелл лишь с тем, что тасманийские языки близки к австралийским, что связь между ними может быть доказана [61, 1; 62, 105]. Он не находит ничего общего, в частности, между тасманийскими языками и языками так называемых тасманоидов Квинсленда. Вместе с тем Капелл признает наличие словарных совпадений в языках Тасмании и Виктории. Более того, он указывает, что тасманийские и австралийские языки в целом обладают некоторым структурным сходством и что фонетика тасманийских языков очень напоминает окраинные языки Австралии [60, 2, 7, 92—95; 229, 154]. В другом месте Капелл пишет о том, что структурно тасманийские языки напоминают «австралийские языки простейшего типа» [36, 27]. Такая оценка тасманийских языков вполне согласуется с нашей оценкой тасманийской культуры в целом как австралийской культуры простейшего, архаичного типа. Но особенно важно отметить, что лексические соответствия между Тасманией и Викторией относятся к словам, восходящим, по мнению Капелла, к древнему «общеавстралийскому» языку (Common Australian) [229, 84]. Разве не свидетельствует это о древней австрало-тасманийской языковой общности?

В статье «Что мы знаем о тасманийском языке?» А. Капелл снова отмечает ряд важных параллелей между языками Тасмании и Австралии с точки зрения их фонетики, синтаксиса и морфологии. Это, прежде всего, совпадение в главных чертах системы согласных и гласных и почти полное отсутствие там и здесь фрикативных звуков. «Фонетика тасманийских языков очень напоми-

нает фонетику австралийских языков», — пишет Капелл и в другом месте [36, 27]. Далее, в тасманийских языках довольно свободный порядок слов, и в этом они очень близки к языкам всей восточной половины австралийского континента. Наблюдаются совпадения и в формах глагола [63, 1—7].

Таким образом, исследования даже такого осторожного в своих выводах лингвиста, как Капелл, заставляют серьезно усомниться в высказываемой им же мысли об изолированном положении тасманийских языков. Тот же Капелл и другие лингвисты не раз указывали, что фонетическая близость австралийских языков отражает их первоначально единую основу. Но ведь то же самое относится и к тасманийским и австралийским языкам в совокупности, так как эти языки фонетически близки друг другу. Помимо того, на близость тасманийских языков к австралийским указывают также синтаксис и морфология.

Еще в 1926 г. известный итальянский лингвист А. Тромбетти, сопоставив тасманийские и австралийские словари, а также словари некоторых других языков, выявил большое сходство языков Тасмании и Австралии, а особенно Виктории [252, 69—98]. Впрочем, Тромбетти считал, что все языки мира находятся в родстве.

В 1953 г. К. Боуда высказал мнение, что тасманийские языки исторически предшествовали австралийским и впервые оформились где-то в Юго-Восточной Азии, в одном из центров выделенной им древней евразийской языковой общности [51, 405—410]. Концепция Боуда, однако, не была поддержана другими специалистами.

В 1960 г. была опубликована статья Э. Вормса, внимательно изучившего сохранившиеся тексты на тасманийских языках и, подобно Шмидту и Капеллу, обратившего особое внимание на фонетику. В одной из более ранних работ Вормс добавил к опубликованным другими авторами спискам одинаково звучащих австралийских и тасманийских слов термины, обозначающие огонь и орудия для добывания огня. Теперь Вормс дополнил их связанными с мифологией терминами, одинаково звучащими и имеющими идентичное или близкое значение [270, 5]:

бан, бал (*австрал. и тасман.*) — человек
бере (*тасман.*), бере, мере (*австрал.*) — глаз
гуна (*австрал. и тасман.*) — тень, привидение

маи (*тасман.*) — мертвый; мара, маиа (*австрал.*) — дух умерших, предок
мара (*тасман.*) — свет, огонь, звезда; мара (*австрал.*) — огонь, пламя, солнце
раба, роба (*тасман.*), реб, реба (*австрал.*) — плохой, страшный

Большое количество параллелей между тасманийскими и австралийскими языками приводит Вормса к выводу о тесных исторических связях между тасманийцами и австралийцами. К такому же выводу приходит и С. Вурм в своем общем введении в изучение австралийских и тасманийских языков [275].

Итак, мы имеем все основания считать, что данные языкознания по меньшей мере не противоречат основным выводам настоящей работы, нашей концепции генезиса тасманийцев. Более того, во многом они подтверждают наши выводы о том, что тасманийцы — ответвление древнего населения Австралии.

Тасманийские языки представляют собою, по-видимому, единую семью языков, распадающуюся на две большие группы — западную и восточную — и несколько лингвистических общностей, возможно восходящих к единой палеотасманийской лингвистической общности и отражающих географические условия заселения острова и историю его коренного населения на протяжении многих тысячелетий после первоначального заселения Тасмании в конце плейстоцена. Структурно тасманийские языки донесли до XIX в. некоторые архаические черты языков Австралии.

Следует, однако, решительно возразить против распространенного мнения о какой-то особой примитивности тасманийских языков. Его можно объяснить лишь тем, что эти языки плохо изучены, а составленные европейцами словари относительно бедны, в чем сами тасманийцы неповинны. «Примитивных» языков вообще нет, но есть языки, отражающие особенности культуры и мышления, свойственные обществу, находящемуся на одной из ранних стадий социального и культурного развития. Сами по себе такие языки могут быть в структурном отношении довольно сложными и обладать огромным словарным запасом. К таким языкам принадлежат и тасманийские языки. К числу их характерных особенностей относится отсутствие слов, выражающих абстрактные понятия. Эти понятия существуют, но выражены описа-

тельно. Например, чтобы выразить понятие твердости, тасманийцы говорили «как камень», вместо «высокий» — «длинноногий», вместо «круглый» — «как луна». Каждая порода деревьев имела свое название, но слова «дерево» не было [152, 181]. Ведь для охотника и собирателя прежде всего важно знать, о какой именно породе животного или растения идет речь. В этом отношении тасманийские языки были типичными языками охотничье-собирательского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение коренного населения Тасмании представляет большой интерес для науки о человеке по ряду причин. Прежде всего, этот народ находился на стадии развития, соответствующей позднему палеолиту, и потому данные о его культуре и социально-экономических отношениях могут быть использованы для сравнительно-этнографического изучения общего и особенного в развитии человеческого общества в позднепалеолитическую эпоху, для исследования как общих закономерностей истории первобытности, так и тех конкретных обществ, которые находились на той же, что и тасманийцы, стадии развития. На примере тасманийцев можно исследовать отрицательные последствия изоляции для человеческого общества. Большой самостоятельной проблемой является происхождение тасманийцев; ее решение, однако, в известной мере связано с указанными выше проблемами. Их совокупность и составляет так называемую тасманийскую проблему.

Основным стержнем работы явилось выяснение происхождения тасманийцев и определение их места на шкале социального и культурного развития человечества, этим задачам и было подчинено исследование истории и культуры этого народа. С этой целью был мобилизован комплексный метод исследования, предполагающий широкое использование данных различных научных дисциплин, взаимно дополняющих и коррелирующих друг друга, реализацией которого и стала настоящая работа — первый опыт комплексного, синтетического решения тасманийской проблемы. Только на основе комплексного метода, с привлечением как естественных, так и социальных наук, возможно всестороннее раскрытие та-

кого сложного процесса, как процесс этногенеза. В таком подходе к проблеме этногенеза объективно отражается диалектическое взаимодействие социальных и биологических процессов, принимающих участие в формировании этноса. Сама антропология, как известно, занимает в кругу биологических дисциплин особое место, связывая биологические науки с социальными. Тесная связь и взаимодействие социально-исторических и биологических процессов особенно очевидны на ранних стадиях этногенеза. Происхождение и история коренного населения Тасмании — яркий тому пример.

Антропологическое своеобразие тасманийцев обусловлено географической и биологической изоляцией их от остального населения Австралии, а не различным происхождением этих народов. Своеобразный антропологический тип тасманийцев, видимо, образовался в результате генетико-автоматических процессов внутри небольшой группы палеоавстралийцев, попавших в Тасманию еще в плейстоцене. Тысячелетия изоляции и были условием формирования тасманийской локальной расы.

Изоляция ведет не только к антропологическому своеобразию изолятов — она является также причиной их социальной и культурной отсталости. Все относительно изолированные популяции обладают и этнографическим своеобразием, отличающим их культуру от культуры родственного им населения. В культуре изолятов лучше сохраняются древнейшие ее черты, но даже и они иногда оказываются утраченными.

Человечество знает немало примеров сочетания или параллельного действия генетической и социальной изоляции. Об одном из них пишет известный советский генетик Н. П. Дубинин: «У аборигенов, которые укрылись в горных крепостях Кавказа, наряду с сохранением языковых и социальных признаков своих предков, сохранилась также низкая концентрация гена В» [6, 350]. Другим примером сочетания и взаимодействия географической, биологической, языковой и социально-культурной изоляции являются племена Арnhemленда (Северная Австралия). Исследование выявило здесь роль социально-культурных и лингвистических барьеров в регулировании потока генов между отдельными популяциями. В итоге сложились две группы племен, западная и восточная, заметно различающиеся по культуре, социальным отношениям, языку и антропологическим признакам [266,

5—14]. Аналогичным примером являются тасманийцы.

В культуре отделившихся популяций не только формируются своеобразные явления, не свойственные той этнической совокупности, от которой данный изолят когда-то отделился, но и исчезают некоторые явления, свойственные этой совокупности. Мы уже упомянули об исчезновении гончарства в Полинезии, где сохранились лишь его археологические следы. Гренландские полярные эскимосы в результате отделения от остальных эскимосов и многовековой изоляции утратили умение пользоваться каяком, луком, охотиться на северных оленей, ловить лососей. Всему этому они научились снова лишь после миграции группы эскимосов из Канады в Гренландию во второй половине прошлого столетия [15, 254]. Отсутствие у тасманийцев бумеранга, копьеметалки и некоторых других культурных достижений, унаследованных австралийцами у их позднепалеолитических предков или появившихся у них на протяжении их истории, является следствием изоляции населения Тасмании.

Изоляция — явление многостороннее по своим последствиям и сказывается как в сфере биологической, так и социально-исторической. Биологическая и этнографическая изоляция — две стороны одного явления, свойственные преимущественно ранним стадиям общественного и культурного развития. Разгадка тасманийской проблемы с точки зрения антропологии — в изучении роли генетико-автоматических процессов, а с точки зрения этнографии — в изучении роли социальной и культурной изоляции.

Формирование ранних этносов имело, таким образом, двойственный характер, обязанный взаимодействию социальных и биологических процессов. Низкая плотность населения, характерная для доземледельческих обществ, усиливала биологическую и социальную взаимоизоляцию отдельных этнических групп, а изоляция способствовала их социальной и культурной отсталости, которая, в свою очередь, снижала темпы социально-экономического процесса и препятствовала культурному общению и сближению этносов.

Итак, процесс этногенеза выступает перед нами как процесс формирования социально-культурных и антропологических особенностей народа, в ходе которого социальные и биологические механизмы не только дейст-

вуют параллельно, но порою и диалектически взаимодействуют. А итог этого процесса — этническая общность, или этнос, предстает перед нами как явление социальное и вместе с тем биологическое, несущее на себе печать и этнографического, и антропологического своеобразия. На ранних стадиях этногенеза процесс этот выступает еще как бы в обнаженном виде. Но и на более высоких уровнях развития действуют принципиально те же закономерности, следовательно, и там они должны изучаться при помощи того же комплексного метода. В этногенетических исследованиях, как и в других областях знания, наибольшие результаты следует ожидать на грани различных наук.

В плейстоцене Тасмания составляла одно целое с Австралией; соответственно одно целое — в антропологическом и культурном отношениях — составляло и их население. Археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что культурным субстратом, основой всего последующего культурного развития тасманийцев была одна из ранних культурных фаз австралийского континента. Но культура тасманийцев не остановилась на этом уровне, как думали прежде. Археологические исследования последних десятилетий дали нам возможность проследить развитие тасманийской культуры на протяжении нескольких тысячелетий, уже после отделения Тасмании от Австралии. Дух развития был присущ и этому народу. Впервые культура тасманийцев предстает перед нами в динамике, в развитии, впервые опровергается мнение о застойном характере культуры тасманийцев, о их неспособности к развитию. Вместе с тем это развитие было сложным и противоречивым процессом, так как наряду с движением вперед имела место и утрата некоторых культурных достижений прошлого под воздействием изоляции и естественно-географических условий.

Культура тасманийцев является как бы локальным вариантом австралийской культуры и в то же время — типичной культурой охотничье-собираетельского общества на позднепалеолитической стадии развития.

Для решения вопроса о месте тасманийцев на шкале социального и культурного развития человечества не менее важны рассмотренные нами данные по экономике тасманийского общества, социальным отношениям и духовной культуре этого народа. Ценность этих материа-

лов объясняется тем, что на земле уже не сохранилось ни одного живого позднепалеолитического общества и все то, что известно нам о социально-экономических отношениях и духовной культуре такого народа, как тасманийцы, позволяет реконструировать социальные отношения, экономику, духовную культуру позднепалеолитических обществ далекого прошлого, от которых дошли до нас лишь предметы материальной культуры, жилища, погребения, памятники изобразительного искусства. Тасманийское общество предстало перед нами как пульсирующее жизнью позднепалеолитическое общество; перед нашими глазами раскрылись такие стороны жизни этого общества, какие в силу объективных причин, связанных со спецификой археологических объектов, почти недоступны их исследователю, если только он не обратится за помощью к этнографическим источникам.

Так, наряду с решением проблемы этногенеза тасманийцев, наша работа одновременно дает ответ на поставленный в начале ее вопрос о том, могут ли тасманийские этнографические материалы служить источником для изучения истории первобытного общества и какую именно ступень социального и культурного развития человечества они характеризуют.

Исследование социально-экономических отношений в тасманийском обществе позволило нам построить модель структуры этого общества, в главных чертах аналогичную структуре сохранившихся охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ других частей света и поэтому имеющую более или менее всеобщий характер — следовательно, дающую возможность реконструировать структуру исчезнувших ныне обществ, находившихся на том же уровне развития. Нам удалось обнаружить существование у тасманийцев таких социальных форм, как локальная группа, или община, — основная экономическая ячейка охотничье-собираТЕЛЬСКОГО общества и вместе с тем его ведущая социальная форма, — как хозяйственная группа, выявить их соотношение и функции, сделать то же самое и в отношении других элементов социальной структуры — семьи и племени. В итоге тасманийское общество предстало перед нами как социальный организм, как сложная система взаимодействующих иерархических социальных общностей, а одновременно выявлены его функциональные связи и с естественно-географической средой.

Аналогичная социальная структура характерна и для общества аборигенов Австралии, которое находилось на уровне развития, соответствующем позднему палеолиту и мезолиту. Сходство это имеет типологический характер, оно характеризует определенный социально-исторический тип, и в этом состоит значение данных по тасманийцам, австралийцам и другим охотничье-собираТЕЛЬСКИМ народам мира как основы для реконструкции социальных отношений в эпоху первобытности, представленную поздним палеолитом и мезолитом (а также, возможно, ранним, доземледельческим неолитом).

Тот же типологический характер имеют и данные по материальной и духовной культуре тасманийцев, их религиозным верованиям и обрядам, их мифологии. В совокупности своей, наряду с аналогичными материалами по охотникам и собирателям Австралии и других частей света, вместе с данными по социальным отношениям и экономике этих обществ, они характеризуют одну из ранних стадий в развитии человеческой культуры, или определенный культурно-исторический тип, и являются основой для сравнительно-типологического изучения культурно-исторических систем в этнографии и археологии.

Судьба тасманийского общества трагична. Немногочисленное, заброшенное на далекий, изолированный от всего человечества остров, обреченное добывать средства к существованию в суровой природной обстановке, оно в конце концов было стерто с лица земли нашествием европейской «цивилизации». А между тем у него были все внутренние данные для того, чтобы развиваться и достичь высот подлинной культуры.

Действительно, многие европейцы, близко соприкасавшиеся с тасманийцами, признавали их умственные способности, восприимчивость к европейской культуре. Все авторы конца XVIII — начала XIX в. согласны в том, что они обладали чувством юмора, веселым характером и первоначально дружественно относились к европейцам. Последних удивляла и восхищала их необычайная приспособленность к жизни в суровых условиях [264, т. 2, 88; 269, 21, и др.]. Пример тасманийских детей опроверг легенду о врожденной умственной неполноценности тасманийцев и других культурно отсталых народов. Тасманийские дети успешно овладевали разговорным английским языком, читали и писали по-

английски считали и выполняли любое порученное им дело, проявляя при этом большую сообразительность и любознательность [58, 26; 203, 50]. В 1834 г. несколько мальчиков-тасманийцев были помещены в школу для сирот вблизи Хобарта. Воспитатели уверяли, что мальчики обнаружили незаурядные способности; несмотря на то что еще два-три года назад они вели традиционный образ жизни своих предков — первобытных охотников, они почти ни в чем не уступали европейским подросткам их возраста [253, 178]. Будучи поставленными в условия иной, европейской культуры, они, подобно их австралийским братьям, быстро и эффективно осваивали ее основы. Этим они доказали, что мышление и поведение представителя современного охотничье-собиравательского общества обусловлено усвоенной им с детства культурой, его культурной средой, а не связано с якобы стадийно более низким уровнем его умственного развития. «Факты полностью опровергают мнение, что тасманийцы обладали низким умственным развитием, и показывают, что они были в высшей степени восприимчивы к усвоению европейской культуры», — писал Колдер [58, 19].

И вот в итоге планомерного, чудовищного истребления этот народ исчез. Лишь на одном из островов в Бассовом проливе сохранялась небольшая группа метисов — потомков европейских тюленепромышленников и тасманийских, а также австралийских женщин. В 1971 г. произошло знаменательное в истории Тасмании событие — первая конференция потомков ее коренного населения, «отверженных белой Тасманией». Выяснилось, что в настоящее время их насчитывается около 2 тыс. человек. Помимо островов Бассова пролива они живут также в самой Тасмании и в Австралии [216, 249—254]. Теперь они впервые заявили о себе миру.

Этим людям более несвойственны «безнадежность и апатия», которые, по словам Колдера, характеризовали их предков, когда-то насильственно изгнанных из Тасмании на о-в Флиндерс. На одной из лучших страниц своего очерка о тасманийцах [58, 28] он рассказывает о том, как часто они подолгу, часами сидели на берегу, с тоской глядя на холмы своей родины, которые так отчетливо видны с о-ва Флиндерс в ясную погоду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования, — «Советская этнография», 1969, № 6.
2. Алексеев В. П. Очаги расообразования: антропология и история, — «Природа», 1973, № 5.
3. Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном», М., 1949.
4. Брукс В. Климаты прошлого, М., 1952.
5. Дебец Г. Ф. Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, — «Советская этнография», 1958, № 4.
6. Дубинин Н. П. Общая генетика, М., 1970.
7. Зыбковец В. Ф. Дорелигиозная эпоха, М., 1959.
8. Кабо В. Р. Каменные орудия австралийцев, — «Труды Института этнографии», т. 80, М.—Л., 1962.
9. Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам), — «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968.
10. Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969.
11. Кабо В. Р. Рецензия на кн.: Friendly Mission, The Tasmanian Journals and Papers of G. A. Robinson, 1966, — «Советская этнография», 1970, № 6.
12. Кук Дж. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг., М., 1971.
13. Лазарев А. П. Плавание вокруг света на шлюпе «Ладог» в 1822, 1823 и 1824 годах, СПб., 1832.
14. Маккьюсик В. Генетика человека, М., 1967.
15. Малори Ж. Загадочный Туле, М., 1973.
16. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений, т. 2, М.—Л., 1950.
17. Мухин Г. И. Австралия и Океания, М., 1967.
18. «Народы Австралии и Океании», М., 1956.
19. Ниль Дж. и Шэлл У. Наследственность человека, М., 1958.
20. Обермайер Г. Доисторический человек, СПб., 1913.
21. Пиотровский А. Б. Тасманийцы (Краткий очерк культуры), — «Советская этнография», 1933, № 3—4.
22. Пиотровский А. Б. Наскальные изображения из Тасмании, —

- «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10.
23. «Происхождение человека и древнее расселение человечества»,— «Труды Института этнографии», М., 1951, т. 16.
 24. Ратцель Ф. Народоведение, т. 1, СПб., 1902.
 25. «Религии наименее культурных племен», М.—Л., 1931.
 26. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке, Л., 1968.
 27. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие, М., 1964.
 28. Хейердал Т. Экспедиция «Кон-Тики», «Ра», М., 1972.
 29. Хрустов Г. Ф. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе,— «Советская этнография», 1959, № 6.
 30. Цейнер Ф. Плейстоцен, М., 1963.
 31. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры, М., 1971.
 32. Шварцбах М. Климаты прошлого, М., 1955.
 33. Элькин А. Коренное население Австралии, М., 1952.
 34. Abbie A. A. A Survey of the Tasmanian Aboriginal Collection in the Tasmanian Museum,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1964, vol. 98.
 35. Abbie A. A. The Original Australians, London, 1969.
 36. «Australian Encyclopaedia», vol. 1, Sydney, 1958.
 37. Backhouse J. Narrative of a Visit to the Australian Colonies, London, 1843.
 38. Balfour H. The Status of the Tasmanians Among the Stone-age Peoples,— «Proceedings of the Prehistoric Society of East Anglia», 1925, vol. 5, pt 1.
 39. Balfour H. Stone Implements of the Tasmanians and the Culture-Status which they Suggest,— «Report of the Australasian Association for the Advancement of Science», 1928, № 19.
 40. Basedow H. Der Tasmanierschädel, ein Insulartypus,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1910, Bd 42.
 41. Belleau-Kemp T. A propos de certaines danses des aborigènes de la Tasmanie,— «L'Ethnographie», 1968—1969, № 62—63.
 42. Berry R. J. A. and Robertson A. W. D. The Place in Nature of the Tasmanian Aboriginal as Deduced from a Study of his Calvaria, His Relation to the Australian Aboriginal,— «Proceedings of the Royal Society of Edinburgh», 1914, vol. 34, pt 2.
 43. Berry R. J. A., Robertson A. W. D., Büchner L. W. G. The Craniometry of the Tasmanian Aboriginal,— «The Journal of the Royal Anthropological Institute», 1914, vol. 44.
 44. Berry R. J. A., Robertson A. W. D., Cross K. S. A Biometrical Study of the Relative Degree of Purity of Race of the Tasmanian, Australian and Papuan,— «Proceedings of the Royal Society of Edinburgh», 1910, vol. 31, pt 1.
 45. Birdsell J. B. The Racial Origin of the Extinct Tasmanians,— «Records of the Queen Victoria Museum», 1949, vol. 2, № 3.
 46. Birdsell J. B. Some Predictions for the Pleistocene Based on Equilibrium Systems Among Recent Hunter—Gatherers,— R. B. Lee and J. DeVore (eds.), Man the Hunter, Chicago, 1968.
 47. Birdsell J. B. and Boyd W. C. Blood Groups in the Australian Aborigines,— «American Journal of Physical Anthropology», 1940, vol. 27, № 1.

48. Black E. C. The Canoes and Canoe Trees in Australia,— «Mankind», 1947, vol. 3, № 12.
49. Bonwick J. Daily Life and Origin of the Tasmanians, London, 1870.
50. Bonwick J. The Last of the Tasmanians, London, 1870.
51. Bouda K. Bemerkungen zu den tasmanischen Sprachen,— «Orbis», 1953, vol. 2, № 6.
52. Bowden K. M. Captain James Kelly of Hobart Town, Melbourne, 1964.
53. Bowler J. M., Jones R., Allen H. and Thorne A. G. Pleistocene Human Remains from Australia: a Living Site and Human Cremation from Lake Mungo, Western New South Wales,— «World Archaeology», 1970, vol. 2, № 1.
54. Breuil H. L'industrie de pierre, de stade paléolithique, des Tasmaniens,— «Journal de la Société des Océanistes», 1945, t. 1, № 1.
55. Brimfield B. H. Bipolar Scalar Artefacts from North Eastern Tasmania,— «Mankind», 1968, vol. 6, № 12.
56. Brothwell D. R. Upper Pleistocene Human Skull from Niah Caves, Sarawak,— «The Sarawak Museum Journal», 1960, vol. 9, № 15—16.
57. Buxton L. H. D., The «Australoid» and «Negroid» Races,— «Anthropos», 1935, Bd 30, № 3—4.
58. Calder J. E. Some Account of the Wars of Extirpation, and Habits of the Native Tribes of Tasmania,— «The Journal of the Anthropological Institute», 1873, vol. 3, № 1.
59. Capell A. Review of «Die tasmanischen Sprachen» by W. Schmidt,— «Oceania», 1953, vol. 23, № 4.
60. Capell A. A New Approach to Australian Linguistics,— «Oceania Linguistic Monographs», 1956, № 1.
61. Capell A. Some Linguistic Types in Australia,— «Oceania Linguistic Monographs», 1962, № 7.
62. Capell A. Language in Aboriginal Australia,— R. M. and C. H. Berndt (ed.), Aboriginal Man in Australia, Sydney, 1965.
63. Capell A. What do We Know of Tasmanian Language? — «Records of the Queen Victoria Museum», 1968, № 30.
64. Charencey H. de, Recherches sur les dialectes tasmaniens,— «Actes de la Société Philologique», 1880, t. XI.
65. Cleland J. B. Some Aspects of the Ecology of the Aboriginal Inhabitants of Tasmania and Southern Australia,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1939», 1940.
66. Coon C. S. The Origin of Races, New York, 1963.
67. Crowther W. E. L. H. Method of Migration of the Extinct Tasmanian Race,— «The Journal of the Polynesian Society», 1937, № 184.
68. David T. W. E. Geological Evidence of the Antiquity of Man in the Commonwealth, With Special Reference to the Tasmanian Aborigines,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1923, vol. 75.
69. Davidson D. S. Australian Netting and Basketry Techniques,— «Journal of the Polynesian Society», 1933, vol. 42.
70. Davidson D. S. Australian Throwing-Sticks, Throwing-Clubs, and Boomerangs,— «American Anthropologist», 1936, vol. 38, № 1.
71. Davidson D. S. Aboriginal Australian and Tasmanian Rock Carvings and Paintings,— «Memoirs of the American Philosophical Society», 1936, vol. 5.

72. Davidson D. S. The Relation of Tasmanian and Australian Cultures,— «Publications of Philadelphia Anthropological Society», 1937, vol. 1.
73. Davidson D. S. *Re* the Greenstone Adze Found in Tasmania,— «Journal of the Polynesian Society», 1937, vol. 46.
74. Davidson D. S. Transport and Receptacles in Aboriginal Australia,— «Journal of the Polynesian Society», 1937, vol. 46.
75. Davidson D. S. The Oceanic Collections, Philadelphia, 1947.
76. Davidson D. S. Disposal of the Dead in Western Australia,— «Proceedings of the American Philosophical Society», 1949, vol. 93, № 1.
77. Davies J. L. Tasmanian Landforms and Quaternary Climates,— Jennings J. N. and Mabbutt J. A. (ed.), Landform Studies from Australia and New Guinea, Canberra, 1967.
78. Davies R. H. On the Aborigines of Van Diemen's Land,— «Tasmanian Journal of Natural Science», 1846, vol. 2.
79. Davis J. B. On the Osteology and Peculiarities of the Tasmanians, Haarlem, 1874.
80. Derbyshire E. Glaciation of the Lake St. Clair District, Western Central Tasmania,— «The Australian Geographer», 1963, vol. 9, № 2.
81. Dove H. S. Pounding Stones and the Use of Red Ochre by the Aborigines of Tasmania,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1910, vol. 62.
82. Dove H. S. On an Unusual Form of Stone from a Tasmanian Native Camp,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1933, vol. 85.
83. Duckworth W. L. H. Craniological Notes on the Aborigines of Tasmania,— «The Journal of the Anthropological Institute», 1902, vol. 32.
84. Ellis C. J. Aboriginal Music Making, A Study of Central Australian Music, pt 3, Adelaide, 1964.
85. Ellis F. Examination of Rock Markings,— «Walkabout», 1958, vol. 24, № 2.
86. Fairbridge R. W. The Changing Level of the Sea,— «Scientific American», 1960, vol. 202, № 5.
87. Fison L. and Howitt A. W. Kamilaroi and Kurnai, Melbourne, 1880.
88. Flower W. H. The Aborigines of Tasmania, An Extinct Race, Manchester, 1878.
89. Fox R. B. The Tabon Caves, Manila, 1970.
90. Friedenthal H. Vergleich von Tasmanierkopffhaaren mit den Kopffhaaren anderer Menschenrassen,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1913, Bd 45.
91. «Friendly Mission. The Tasmanian Journals and Papers of G. A. Robinson, 1829—1834, ed. by N. J. B. Plomley», Hobart, 1966.
92. Fürer-Haimendorf C. Die tasmanischen Steingeräte,— «Anthropos», 1936, Bd 31.
93. Fürer-Haimendorf C. Zur Urgeschichte Australiens,— «Anthropos», 1936, Bd 31.
94. Gallus A. Parietal Art in Koonalda Cave, Nullarbor Plain, South Australia,— «Helictite», 1968, vol. 6, № 3.
95. Genet-Varcin E. Les négritos de l'île de Lucon (Philippines),— «Société d'Anthropologie de Paris», 1951.

96. Gerhardt K. Zur Frage Brachykephalie und Schädelform,—*«Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie»*, 1938, Bd 37.
97. Gill E. D. Tasmanian Devil, Tasmanian Wolf and the Dingo,—*«The Victorian Naturalist»*, 1953, vol. 70, № 5.
98. Gill E. D. Radiocarbon Dating for Glacial Varves in Tasmania,—*«The Australian Journal of Science»*, 1956, vol. 19, № 2.
99. Gill E. D. Aboriginal Bone Implement from Fossil Bone Bed, Tasmania,—*«Records of the Queen Victoria Museum»*, 1968, № 31.
100. Gill E. D. Antiquity and Changing Environment of the Australian Aborigines,—Pilling A. R., Waterman R. A. (eds.), *Diprotodon to Detribalization*, Michigan, 1970.
101. Gill E. D. and Banks M. R. Cainozoic History of the Mowbray Swamp and Other Areas of North-Western Tasmania,—*«Records of the Queen Victoria Museum»*, 1956, № 6.
102. Godlewski A. L. Pierwotna ludność Tasmanii,—*«Przegląd Antropologiczny»*, 1953, t. 19.
103. Gooch L. van, Record of an Aboriginal Shield Listed as Tasmanian and a Boomerang Found Near East Devonport, Tasmania,—*«Records of the Queen Victoria Museum»*, 1942, № 1.
104. Gould R. A. Yiwara, Foragers of the Australian Desert, New York, 1969.
105. Gould R. A. Uses and Effects of Fire Among the Western Desert Aborigines of Australia,—*«Mankind»*, 1971, vol. 8, № 1.
106. Hambly W. D. Types of «Tronattas» or Stone Implements Used by the Aborigines of Tasmania,—*«American Anthropologist»*, 1931, vol. 33, № 1.
107. Hambly W. D. Craniometry of New Guinea,—*«Field Museum of Natural History, Anthropological Series»*, Chicago, 1940, vol. 25.
108. Harisson T. Niah Caves: Progress Report to 1967 —*«The Sarawak Museum Journal»*, 1967, vol. 15, № 30—31.
109. Harvey A. Flint Implements of Tasmanian Manufacture Found at Cape Hart, Kangaroo Island,—*«Records of the South Australian Museum»*, 1941, vol. 6, № 4.
110. Heeres J. E. (ed.), Abel Janszoon Tasman's Journal of his Discovery of Van Diemens Land and New Zealand in 1642, Amsterdam, 1898.
111. Hestermann F. Die tasmanischen Sprachquellen und ihre kritische Behandlung,—*«Internationales Archiv für Ethnographie»*, 1936, Bd 34, H. 1—4.
112. Hiatt B. The Food Quest and the Economy of the Tasmanian Aborigines,—*«Oceania»*, 1967—1968, vol. 38, № 2—3.
113. Hiatt B. Cremation in Aboriginal Australia,—*«Mankind»*, 1969, vol. 7, № 2.
114. Horne G. The Concave Stone Implements of the Tasmanian Aborigines,—*«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania»*, 1921, vol. 73.
115. Howchin W. On the Occurrence of Aboriginal Stone Implements of Unusual Types in the Tableland Region of Central Australia,—*«Transactions of the Royal Society of South Australia»*, 1921, vol. 45.
116. Howells W. W. Anthropometry of the Natives of Arnhem Land and the Australian Race Problem,—*«Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology»*, 1937, vol. 16, № 1.

117. Howitt A. W. The Native Tribes of South-East Australia, London, 1904.
118. Hrdlička A. Catalogue of Human Crania in the U. S. National Museum Collections,—«Proceedings of the United States National Museum», 1928, vol. 71, № 24.
119. Huxley T. H. On the Geographical Distribution of the Chief Modifications of Mankind,—«The Journal of the Ethnological Society», 1870, vol. 2.
120. Irvine F. R. Wild and Emergency Foods of Australian and Tasmanian Aborigines,—«Oceania», 1957, vol. 28, № 2.
121. Jennings J. N. The Submarine Topography of the Bass Strait,—«Proceedings of the Royal Society of Victoria», 1959, vol. 71, № 1.
122. Jennings J. N. Sea Level Changes and Land Links,—D. J. Mulvaney and J. Golson (eds.), Aboriginal Man and Environment in Australia, Canberra, 1971.
123. Jennings J. N. and Banks M. R. The Pleistocene Glacial History of Tasmania,—«The Journal of Glaciology», 1958, vol. 3.
124. Jones J. F. Aboriginal Carvings Found at Trial Harbour,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1937», 1938.
125. Jones J. F. Huts of Tasmanian Aborigines,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1946, vol. 80.
126. Jones R. Archaeological Fieldwork in Tasmania,—«Antiquity», 1964, vol. 38, № 152.
127. Jones R. Archaeological Reconnaissance in Tasmania,—«Oceania», 1965, vol. 35, № 3.
128. Jones R. Excavations on a Stone Arrangement in Tasmania,—«Man», 1965, vol. 65, art. 62.
129. Jones R. A. Speculative Archaeological Sequence for North-West Tasmania,—«Records of the Queen Victoria Museum», 1966, № 25.
130. Jones R. Middens and Man in Tasmania,—«Australian Natural History», 1967, vol. 15, № 11.
131. Jones R. The Geographical Background to the Arrival of Man in Australia and Tasmania,—«Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1968, vol. 3, № 3.
132. Jones R. Fire-Stick Farming,—«Australian Natural History», 1969, vol. 16.
133. Jones R. Tasmanian Aborigines and Dogs,—«Mankind», 1970, vol. 7, № 4.
134. Jones R. The Demography of Hunters and Farmers in Tasmania,—D. J. Mulvaney and J. Golson (eds.), Aboriginal Man and Environment in Australia, Canberra, 1971.
135. Kelly J. First Discovery of Port Davey and Macquarie Harbour,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1920», 1921.
136. Kemp T. B. The Prehistory of the Tasmanian Aborigines,—«Australian Natural History», 1963, vol. 14, № 8.
137. Kenyon A. S., Mahony D. J., Mann S. F. Austral-Tasmanic Connexion,—«Report of the Australasian Association for the Advancement of Science», 1926, № 17.
138. Klaatsch H. Bericht über einen anthropologischen Streifzug,—«Zeitschrift für Ethnologie», 1903, Bd 35.
139. Klaatsch H. Die Steinartefakte der Australier und Tasmanier,

- vergliehen mit denen der Urzeit Europas,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1908, Bd 40.
140. Labillardière J. J. H. Voyage in Search of La Pèrouse, London, 1800.
 141. Larnach S. L. and Macintosh N. W. G. The Craniology of the Aborigines of Queensland,— «The Oceania Monographs», № 15, Sydney, 1970.
 142. Larhach S. L. and Macintosh N. W. G. The Keppel Islanders,— «Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1972, vol. 7, № 1.
 143. Laseron C. F. Ancient Australia, Sydney, 1954.
 144. Laseron C. F. The Face of Australia, Sydney, 1957.
 145. Latham R. G. Upon the Languages of the Papuan or Negrito Race Scattered through the Australian and other Asiatic Islands,— «Proceedings of the Philological Society», 1844, vol. 1.
 146. Latham R. G. Elements of Comparative Philology, London, 1862.
 147. Lawrence R. Aboriginal Habitat and Economy,— «The Australian National University, Department of Geography, Occasional Paper 6», Canberra, 1968.
 148. Legge R. W. Notes on a Series of Pounders from Certain Localities of the West Coast of Tasmania,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1927, vol. 79.
 149. Legge R. W. Tasmanian Stone Culture, Some Notes on Distinctive Types: Spokeshaves, Borers, and Chipping Tools and Their Probable Usages,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1928, vol. 80.
 150. Legge R. W. On Some Diminutive Types of Tasmanian Stone Implements,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1928, vol. 80.
 151. Legge R. W. Tasmanian Aboriginal Middens of the West Coast,— Report of the Australasian Association for the Advancement of Science, 1928, № 19.
 152. Ling Roth H. The Aborigines of Tasmania, Halifax, 1899.
 153. Ling Roth H. Cave Shelters and the Aborigines of Tasmania,— «Nature», 1899, vol. 9.
 154. Ling Roth H. Tasmanian Firesticks,— «Nature», 1899, vol. 9.
 155. Lloyd G. T. Thirty-Three Years in Tasmania and Victoria, London, 1862.
 156. Longman M. J. Songs of the Tasmanian Aborigines as Recorded by Mrs. Fanny Cochrane Smyth,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1960, vol. 94.
 157. Lourandos H. Dispersal of Activities: the East Tasmanian Aboriginal Sites,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1968, vol. 102, pt 2.
 158. Luckman L. E. The Aboriginal Rock Carvings at Mt. Cameron West, Tasmania,— «Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1951, vol. 85.
 159. Luschan F. Zur Stellung der Tasmanier im anthropologischen System,— «Zeitschrift für Ethnologie», 1911, Bd 43.
 160. Macintosh N. W. G. A Survey of Possible Sea Routes Available to the Tasmanian Aborigines,— «Records of the Queen Victoria Museum», 1949, vol. 2, № 3.
 161. Macintosh N. W. G. and Barker B. C. W. The Osteology

- of Aboriginal Man in Tasmania,—«The Oceania Monographs», № 12, Sydney, 1965.
162. Macintosh N. W. G., Smith K. N., Bailey A. B. Lake Nitchie Skeleton—Unique Aboriginal Burial,—«Archaeology and Physical Anthropology in Oceania», 1970, vol. 5, № 2.
 163. Mathew J. Eaglehawk and Crow, London, 1899.
 164. Mathew J. Two Representative Tribes of Queensland, London, 1910.
 165. McCarthy F. D. The Prehistoric Cultures of Australia,—«Oceania», 1949, vol. 19, № 4.
 166. McCarthy F. D. Australian Aboriginal Stone Implements, Sydney, 1967.
 167. McCarthy F. D. Investigation of Mt. Cameron West Rock Engraving Site, Tasmania,—«Australian Institute of Aboriginal Studies, Newsletter», 1969, vol. 2, № 10.
 168. McCarthy F. D. (ed.), The Archaeology of Mt. Cameron West Rock Engraving Site, Tasmania,—«Australian Aboriginal Studies», № 44, Canberra, 1973.
 169. Melville H. Australasia and Prison Discipline, London, 1851.
 170. Meston A. L. Aboriginal Rock Carvings on the North-West Coast of Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1931», 1932.
 171. Meston A. L. Aboriginal Rock Carvings in Tasmania, pt II,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1932», 1933.
 172. Meston A. L. Aboriginal Rock Carvings in Tasmania,—«Antiquity», 1934, vol. 8.
 173. Meston A. L. Stone Implements of the Tasmanians,—«Man-Kind», 1935, vol. 1.
 174. Meston A. L. Observations on Visits of the Tasmanian Aborigines to the Hunter Islands,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1935», 1936.
 175. Meston A. L. Miscellaneous Notes on the Culture of the Tasmanian Aboriginal,—«Memoirs of the National Museum of Victoria», 1956, № 20.
 176. Mitchell S. R. Stone-Age Craftsmen, Melbourne, 1949.
 177. Mitchell S. R. Comparison of the Stone Tools of Tasmanian and Australian Aborigines,—«Journal of the Royal Anthropological Institute», 1955, vol. 85.
 178. Morant G. M. A Study of the Australian and Tasmanian Skulls, Based on Previously Published Measurements,—«Biometrika», 1927, vol. 19.
 179. Mountford C. P. Australian Aboriginal Skin Rugs,—«Records of the South Australian Museum», 1963, vol. 14, № 3.
 180. Mountford C. P. Ayers Rock, Its People, their Beliefs and their Art, Sydney, 1965.
 181. Moyle A. M. Two Native Song-Styles Recorded in Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1960, vol. 94.
 182. Moyle A. M. Tasmanian Music, an Impasse? — «Records of the Queen Victoria Museum», 1968, № 26.
 183. Müller F. Grundriss der Sprachwissenschaft, Wien, 1882, Bd 2.
 184. Mulvaney D. J. The Stone Age of Australia,—«Proceedings of the Prehistoric Society», Cambridge, 1961, vol. 27, № 4.
 185. Mulvaney D. J. The Prehistory of Australia, London, 1969.

186. Mulvaney D. J. and Golson J. (ed.), *Aboriginal Man and Environment in Australia*, Canberra, 1971.
187. Nevermann H., Worms E. A., Petri H. *Die Religionen der Südsee und Australiens*, Stuttgart, 1968.
188. Noetling F. Some Implements of the Tasmanian Aborigines. The Magic Stones,—«*The Tasmanian Naturalist*», 1907, vol. 1, № 3.
189. Noetling F. Notes on the Tasmanian Amorpholiths,—«*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania*», 1907, vol. 59.
190. Noetling F. Studien über die Technik der tasmanischen Tronatta,—«*Archiv für Anthropologie*», 1909, Bd 8, H. 3.
191. Noetling F. Kannte die tasmanische Sprache spezielle Worte zur Bezeichnung der verschiedenen Gebrauchsart der archäolithischen Werkzeuge? —«*Zeitschrift für Ethnologie*», 1909, Bd 41, H. 2.
192. Noetling F. The Antiquity of Man in Tasmania,—«*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania*», 1910, vol. 62.
193. Noetling F. Comparison of the Tasmanian Tronattas with the Archaeolithic Implements of Europe,—«*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania*», 1910, vol. 62.
194. Noetling F. Beiträge zur Kenntnis der archäolithischen Kultur der Tasmanier,—«*Zeitschrift für Ethnologie*», 1911, Bd 43.
195. Noetling F. Study of the So-Called «Bone Implements» of the Aborigines of Tasmania,—«*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania*», 1911, vol. 63.
196. Noone H. V. V. Individual Aspects in the Culture of the Australian Aborigines,—«*Transactions of the Royal Society of South Australia*», 1952, vol. 75.
197. Owen R. *Descriptive Catalogue of the Osteological Series Contained in the Museum of the Royal College of Surgeons of England*, London, 1853.
198. Pearson J. Relationships of the Tasmanian Canoe-Raft,—«*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1938*», 1939.
199. Péron F. A. *A Voyage of Discovery to the Southern Hemisphere*, London, 1809.
200. Peterson J. A. Glaciation of the Frenchman's Cap, National Park,—«*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania*», 1966, vol. 100.
201. Plomley N. J. B. French Manuscripts Referring to the Tasmanian Aborigines,—«*Records of the Queen Victoria Museum*», 1966, № 23.
202. Plomley N. J. B. A Summary of Published Work on the Physical Anthropology of the Tasmanian Aborigines,—«*Records of the Queen Victoria Museum*», 1966, № 24.
203. Plomley N. J. B. Notes on Some of the Tasmanian Aborigines, and on Portraits of them,—«*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania*», 1968, vol. 102, pt 2.
204. Plomley N. J. B. *An Annotated Bibliography of the Tasmanian Aborigines*, London, 1969.
205. Pösch R. Ein Tasmanierschädel im naturhistorischen Hofmuseum. Die anthropologische und ethnographische Stellung der Tasmanier,—«*Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*», 1916, Bd 46.

206. Pösch R. Über das «blonde» Tasmanierhaar.—«Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1916, Bd 46.
207. Quatrefages A., Hamy E. T. *Crania Ethnica*, Paris, 1882.
208. Reber G. Aboriginal Carbon Dates from Tasmania,—«Mankind», 1965, vol. 6, № 6.
209. Reid O. W. Additional Discoveries of Aboriginal Rock Carvings in Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1954, vol. 88.
210. Reid O. W. Further Discoveries of Aboriginal Rock Carvings in Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1962, vol. 96.
211. Ritz H. B. An Introduction to the Study of the Aboriginal Speech of Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1908, vol. 60.
212. Ritz H. B. The Speech of the Tasmanian Aborigines,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1910, vol. 62.
213. Ritz H. B. Beitrag zur Kenntnis der tasmanischen Sprache,—«Zeitschrift für Ethnologie», 1912, Bd 44.
214. Roth W. E. *Ethnological Studies Among the North-West-Central Queensland Aborigines*, Brisbane, 1897.
215. Ryan J. S. (ed.), *The Land of Ulitarra*, Grafton, 1964.
216. Ryan L. Outcasts in White Tasmania,—«Mankind», 1972, vol. 8, № 4.
217. Sarasin F. *Nova Caledonia*, Berlin, 1916.
218. Schmidt W. On the Classification of Australian Languages,—«Man», 1908, vol. 8.
219. Schmidt W. Die Gliederung der australischen Sprachen,—«Anthropos», 1912, Bd 7.
220. Schmidt W. Die anthropologische und ethnologische Stellung der Tasmanier,—«Anthropos», 1915—1916, Bd 10—11, H. 3—4.
221. Schmidt W. *Tasmanien*,—A. Meillet et M. Cohen, *Les langues du monde*, Paris, 1952.
222. Schmidt W. *Die tasmanischen Sprachen*, Utrecht, 1952.
223. Schoetensack O. Tasmanische Steininstrumente,—«Zeitschrift für Ethnologie», 1905, Bd 37, H. 1.
224. Scott E. O. Preliminary Note on the Supposed Aboriginal Rock Carvings at Mersey Bluff, Devonport,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1931», 1932.
225. Scott E. O. Stone Artefacts of Non-Tasmanoid Facies Found or Obtained in Tasmania,—«Records of the Queen Victoria Museum», 1942, vol. 1.
226. Sergi G. Tasmanier und Australier,—«Archiv für Anthropologie», 1912, Bd 11.
227. Sergi G. *La più antica umanità vivente*, Turin, 1930.
228. Sharland M. Symbols of an Extinct Race,—«Walkabout», 1957, vol. 23, № 10.
229. Sheils H. (ed.), *Australian Aboriginal Studies*, Melbourne, 1963.
230. Shutler R. Pacific Island Radiocarbon Dates: an Over-View,—«Wenner-Gren Conference on Pacific Culture History», Sigatoka, 1969.
231. Sims P. C. A Note on Aboriginal Petroglyphs at Devonport, Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1970, vol. 104.
232. Skinner H. D. A Greenstone Adze or Axe from Northern Tasmania,—«Journal of the Polynesian Society», 1936, vol. 45.

233. Skinner H. D. Stone Artefacts of non-Tasmanoid Facies Obtained in Tasmania,—«Journal of the Polynesian Society», 1943, vol. 52.
234. Smyth R. B. The Aborigines of Victoria, London—Melbourne, 1878, vol. I—II.
235. Sollas W. J. Ancient Hunters and their Modern Representatives, London, 1924.
236. Somló F. Der Güterverkehr in der Urgesellschaft, Bruxelles, 1909.
237. Steadman F. The Teeth of the Australian Aborigines,—«Proceedings of the Royal Society of Medicine», 1939, vol. 33.
238. Sutherland F. L. The Classification, Distribution, Analysis and Sources of Materials in Flaked Stone Implements of Tasmanian Aborigines,—«Records of the Queen Victoria Museum», 1972, № 42.
239. Taplin G. (ed.), The Folklore, Manners, Customs and Languages of the South Australian Aborigines, Adelaide, 1879.
240. Taylor A. J. The Use of the Womerah, or «Throw Stick» by the Aborigines of Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1893.
241. Telliga S. de and Bryden W. A Note on Tasmanian Aboriginal Drawings,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania», 1958, vol. 92.
242. Thomas N. W. Australian Canoes and Rafts,—«The Journal of the Anthropological Institute», 1905, vol. 35.
243. Thomson D. F. The Bindibu Expedition,—«The Geographical Journal», 1962, vol. 128, pt 1.
244. Thomson D. F. Some Wood and Stone Implements of the Bindibu Tribe of Central Western Australia,—«Proceedings of the Prehistoric Society», 1964, vol. 30.
245. Thorne A. G. The Racial Affinities and Origins of the Australian Aborigines,—D. J. Mulvaney and J. Golson (eds.), Aboriginal Man and Environment in Australia, Canberra, 1971.
246. Tindale N. B. Rock-Markings in South Australia,—«Antiquity», 1935, vol. 9.
247. Tindale N. B. Tasmanian Aborigines on Kangaroo Island, South Australia,—«Records of the South Australian Museum», 1937, vol. 6, № 1.
248. Tindale N. B. Relationship of the Extinct Kangaroo Island Culture with Cultures of Australia, Tasmania and Malaya,—«Records of the South Australian Museum», 1937, vol. 6, № 1.
249. Tindale N. B. Tribal and Intertribal Marriage among the Australian Aborigines,—«Human Biology», 1953, vol. 25, № 3.
250. Topinard P. Étude sur les Tasmaniens,—«Mémoires de la Société d'Anthropologie», 1872, vol. 3.
251. Travers R. The Tasmanians. The Story of a Doomed Race, Melbourne, 1968.
252. Trombetti A. I linguaggi estinti della Tasmania,—«Istituto delle scienze ed arti liberali di Bologna, Rendiconto», 1926, (2) 10.
253. Turnbull C. Black War. The Extermination of the Tasmanian Aborigines, Melbourne, 1948.
254. Turner W. The Craniology, Racial Affinities and Descent of the Aborigines of Tasmania,—«Transactions of the Royal Society of Edinburgh», 1908, vol. 46, pt 2.

255. Turner W. The Aborigines of Tasmania, The Skeleton,—«Transactions of the Royal Society of Edinburgh», 1910, vol. 47, pt 3.
256. Turner W. The Aborigines of Tasmania. The Hair of the Head Compared With that of other Ulotrichi and with Australians and Polynesians,—«Transactions of the Royal Society of Edinburgh», 1914, vol. 50, pt 2.
257. Tylor E. B. On the Tasmanians as Representatives of Palaeolithic Man,—«The Journal of the Anthropological Institute», 1894, vol. 23.
258. Tylor E. B. On the Occurrence of Ground Stone Implements of Australian Type in Tasmania,—«The Journal of the Anthropological Institute», 1895, vol. 24.
259. Tylor E. B. On the Survival of Palaeolithic Conditions in Tasmania and Australia, with Especial Reference to the Modern Use of Unground Stone Implements in West Australia,—«The Journal of the Anthropological Institute», 1898, vol. 28.
260. Tylor E. B. On Stone Implements from Tasmania, Extracts from a Letter by J. Paxton Moir,—«The Journal of the Anthropological Institute», 1900, vol. 30.
- 260a. Völger G. Making Fire by Percussion in Tasmania,—«Oceania», 1973, vol. 44, № 1.
261. Wagner K. The Craniology of the Oceanic Races,—«Norske Videnskaps-Akademie», Oslo, 1937, № 2.
262. Walker J. B. Some Notes on the Tribal Divisions of the Aborigines of Tasmania,—«Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1897», 1898.
263. Walker J. B. Early Tasmania, Hobart, 1902.
264. West J. History of Tasmania, Launceston, 1852, vol. 1—2.
265. White C. Man and Environment in Northwest Arnhem Land,—D. J. Mulvaney and J. Golson (eds.), *Aboriginal Man and Environment in Australia*, Canberra, 1971.
266. White N. G. and Parsons P. A. Genetic and Socio-Cultural Differentiation in the Aborigines of Arnhem Land, Australia,—«American Journal of Physical Anthropology», 1973, vol. 38, № 1.
267. Wood Jones F. The Tasmanian Skull,—«Journal of Anatomy», 1929, vol. 63, № 2.
268. Wood Jones F. Tasmanians and Australians,—«Man», 1934, vol. 34.
269. Wood Jones F. *Tasmania's Vanished Race*, Sydney, 1935.
270. Worms E. A. Tasmanian Mythological Terms,—«Anthropos», 1960, Bd 55, H. 1—2.
271. Wunderly J. The Origin of the Tasmanian Race,—«Man», 1938, vol. 38.
272. Wunderly J. The West Coast Tribe of Tasmanian Aborigines,—«Man», 1938, vol. 38.
273. Wunderly J. The Cranial and Other Skeletal Remains of Tasmanians in Collections in the Commonwealth of Australia,—«Biometrika», 1939, vol. 30.
274. Wunderly J. The Keilor Fossil Skull: Anatomical Description,—«Memoirs of the National Museum of Victoria», 1943, № 13.
275. Wurm S. A. *Languages of Australia and Tasmania*, The Hague, 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Земля и народ. Загадка его происхождения	7
Что говорит антропология о происхождении тасманийцев	33
Прошлое тасманийцев в свете археологических исследований	52
Искусство исчезнувшего народа	88
Материальная культура	93
Хозяйство и общество	111
Элементы религии	154
* Тасманийская проблема и языкознание	171
Заключение	180
Литература	187

Владимир Рафаилович Кабо

ТАСМАНИЙЦЫ
И ТАСМАНИЙСКАЯ
ПРОБЛЕМА

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор *Р. М. Солодовник*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *Н. Власик*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. С. Теплякова*
Корректор *Т. А. Алаева*

Сдано в набор 19/VI 1974 г.
Подписано к печати 17/XII 1974 г.
А-12056. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 2.
Печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 10,5.
Уч.-изд. л. 11,11. Тираж 4300 экз.
Изд. № 3478. Зак. № 499. Цена 67 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28